

Литературно-художественный журнал

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Основан в 2001 году
при поддержке
Союза писателей России

Выходит ежеквартально

№2 (38) • 2019

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	3	Александр БАБИН. Распад. <i>Рассказ</i>
	13	Ольга АТАМАНОВА. Стихи
	20	Алексей КУРГАНОВ. Пахомов, или Прыжки пингвина. <i>Рассказ</i>
	31	Ольга ПЕРЕВЕРЗЕВА. Стихи
	37	Александр ЮДИН. Чертов адвокат. Паразит. <i>Рассказы</i>
	51	Елена ОВЧАРОВА. Стихи
	54	Федор ОШЕВНЕВ. В неподходящее время в неподходящем месте. Верующий батюшка. <i>Рассказы</i>
ПОЭЗИЯ. ДЕБЮТ	69	Алексей ВДОВИН. Стихи
ПРОЗА. ДЕБЮТ	77	Игорь БРУСКИН. Детям до шестнадцати... Аптека. Крематорий в Мюнхене. <i>Рассказы</i>
ГОСТИНАЯ «ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ»	82	Тамара ВЕТРОВА. Марианне снится сон. В школе. <i>Рассказы</i>
	92	Алексей КАРТАШОВ. Цыганка с картами, дорога дальняя... <i>Рассказ</i>
ДРАМАТУРГИЯ	100	Владимир ШПАКОВ. Пиррова победа. <i>Мини-пьеса</i>
ПЕРЕВОДЫ	106	Из немецкой поэзии: Г. Гарт, В. Арент, Ю. Гарт, Ф. Леммермаер, Ф. Адлер, К.-А. Гюкинггаус, О. Йершке (пер. с нем. Ю. Григорьева)
	111	Из французской поэзии: Жан-Жак Лефран де Помпиньян (пер. с франц. Т. Великоды)
	114	Из английской поэзии: Дж. Остен (пер. с англ. Е. Зиминой)
	115	Макс ДАУТЕНДЕЙ. Чёрное. <i>Рассказ</i> (пер. с нем. А. Комовой)
	118	Леон ГОЗЛАН. Что такое парижанка (пер. с франц. А. Басова)

Главный редактор –
Светлана Склеинис

Редакционная коллегия:
Александра Дашкевич (ответственный секретарь)
Виталий Дмитриев
Борис Орлов
Елена Первушина
Виталий Пинковский (зам. главного редактора)
Владимир Порудоминский
Татьяна Семёнова (зам. главного редактора)
Александр Скоков

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
При перепечатке ссылка на журнал «Изящная словесность» обязательна.

Александр
БАБИН

РАСПАД

Рассказ

1.

В траве мелькнуло что-то бурое.

«Есть!» – подумал Саня и нагнулся.

Но это был берёзовый лист, а вовсе не красноголовик. Саня разочарованно хрустнул коленками и побрёл дальше. В корзине болтались две сыроежки да полужидкий обабок, густо приправленные осенней трухой.

Паршиво. В начале сентября опять должны быть на каждом втором пне, верно? Целыми семьями! И море лисичек под ногами. Ну и где всё это?

В густом, как собачья шерсть, березняке тоже ничего не нашлось – как и в осиннике за Михайловским покосом, и мрачном бору ближе к железной дороге. Не было даже поганок. Проболтавшись в лесу ещё с полчаса, Саня вытряхнул из корзины свою жалкую добычу («Всё равно даже супа не сварить») и повернул к Телефонке в надежде найти хотя бы кусок чугунины или обрывок троса. Лишь бы не ложиться снова на голодный желудок.

Телефонкой назывался небольшой, но основательно загаженный холм по дороге в Малую Вильву. В начале девяностых там столкнулись «буханка» и «Москвич». Водитель последнего погиб на месте, машины с грехом пополам эвакуировали, но битое стекло, обломки приборной панели, отлетевшее от «Москвича» колесо и прочая тряхомудия остались на месте. Потом на Телефонке пообедала бригада лесорубов, оставив после себя яичную скорлупу и пустую бутылку, случайно порезавшийся грибник выбросил там окровавленный платок, и пошло-поехало – к двухтысячному году мусор на Телефонку везли целенаправленно.

Саня побродил немного среди обломков фаянса и полиэтиленовой шелухи, но так и не нашёл ничего мало-мальски

• **Александр Бабин** родился в 1985 г. в г. Александровск (Пермский край). Учился в Соликамском педагогическом колледже. Работал охранником, лесником, рубщиком мяса, разнорабочим на укладке газопровода. Оказывая услуги по написанию текстов к рекламным роликам, неожиданно стал журналистом. Писать рассказы начал в середине 2000-х. Публикации в журналах «Молоко», «СТОЛ», «Первая роса», «День литературы». Лауреат краевого фестиваля региональной прессы Прикамья «Журналистская весна» (2017, 2018), фестиваля-конкурса литературного творчества «Решетовские встречи-2019».

ценного – разве что мясорубку с отлитым на ней ценником в 4 рубля 76 копеек. «Примерно за ту же цену её примут и сегодня, так что пусть и дальше валяется под лопухом», – подумал Саня и поспешил уйти. Ещё не хватало, чтобы его – хорошего, в общем-то, электрика – увидели ползающим на помойке.

И Саня пошёл домой.

В этот момент с небес пророчески затрубило и Саню продрало до печёнок. Он знал, конечно, что это орёт бывший ВЗОДИСМ – Волчанский завод обработки древесины и сборки мебели, – и гудок всего-навсего зовёт рабочих на обед, но эффект был велик.

Есть захотелось ещё сильнее. Саня вспомнил, какие вкусные котлеты делают по средам и пятницам в тамошней столовке... Или делали, хрен их теперь разберёт. Саня потерял работу, когда закрылись оба сборочных цеха, – не помогли ни стаж, ни четвёртый разряд. В отделе кадров, кстати, под сокращение не попавшем, сказали, что это не собственник схватил его за шкварник и выкинул на улицу, а невидимая рука рынка – мол, ничего личного, ты ж понимаешь.

Как бы то ни было, завод с тех пор из всей своей по-маяковски звучной аббревиатуры выбросил несколько букв и стал убогим ВЗОДом, превратившись, по сути, в обыкновенную лесопилку, которую ещё и китайцам продали.

Саня перешагнул упавшую берёзу... и замер. Что-то падало с небес. Причём падало с таким, знаете, характерным свистом, от которого мутнеет сознание и хочется только одного – червём зарыться в землю.

Он выпустил корзину из рук, обхватил голову и зажмурился. Нечто большое и тяжёлое с треском рухнуло на землю, ободрав ближайшую ель и зацепив рябину.

Крики разлетающихся птиц. Тишина.

Саня подождал немного и открыл глаза.

Еловый ствол блестел, как обнажённая кость, – половину ветвей снесло вместе с корой. Влажная щепка тянулась к зарослям шиповника. Александр прошёлся по ней взглядом и увидел, что из кустов торчит зелёный угол.

Немного помедлив, он подошёл поближе и услышал негромкое жужжание какого-то механизма.

«Да что за дела, господи?»

Он прищурился, сделал ещё несколько робких шагов вперёд... И увидел.

Угол оказался частью хвостового оперения здоровенной бомбы. Она вошла в землю наискосок, но не полностью, и на её боковине виднелся кружок с тремя жёлтыми лопастями. Знак радиации.

«Так», – подумал Саня.

Он снял с себя правый сапог, вытряхнул из него нападавший сор и снова надел. Затем сорвал со штанины комок репейника – старый, уже крошится – и посмотрел в небо. Облака обещали долгий, неторопливый дождь. Пахло свежей хвоей. Крохотный паучок спускался с рябины на атомную бомбу.

2.

Он старался напустить на себя скучающий вид – пробовал даже искать грибы и насвистывать, – но корзина осталась далеко позади, а ноги не гнулись. Бледный и неестественно прямой Саня вышел к посёлку, окинул взглядом низенькие крыши и направился к дому. В спину ему дышала атомная бомба.

Его двор давно уже зарос лопухом и одуванчиком, разительно контрастируя с огородом соседей, где и яблоня, и груша, и вишня с иргой... Хомутовы как раз выкапывали картошку. Саня хлопнул калиткой и прошёл в дом. Там он выпил стакан кипячёной воды, сел на старый дедушкин диван и принялся ждать. Как оно будет – быстро или придётся пожариться?

Саня поёжился.

Сначала, само собой, будет вспышка. Потом ударная волна, перед которой ничто не устоит. Учитывая расстояние до эпицентра, на Ольховку обрушится всё сразу – и свет, и жар, и взрывная волна. Мгновенная смерть.

Он просидел так полчаса, а взрыва всё не было.

Хотелось курить.

Саня вернулся в кухню, вытащил из специальной банки несколько старых окурков и принялся вытряхивать из них табак на полоску газетной бумаги. Наконец он закурил, и мысли, парализованные постоянным ожиданием вспышки, понемногу оживились, забегали.

«Почему бомба ещё не взорвалась? Она же работает. По крайней мере, что-то в ней деловито жужжит, причём ровно, без сбоев. И чья это бомба? Наша? Американская? Чья?»

Саня прищурился.

«Странно. Атомные вроде взрывают в воздухе на порядочной высоте. Всё-таки не сработала?»

Догадка не принесла ему никакого облегчения.

«Новую пришлют, если надо. А может, бомба вполне рабочая, просто замедленного действия, с таймером. Может, это он и жужжит. Но тогда чего ждут те, кто её сбросил? К нам вроде президент не собирался».

Саня прикинул, какие причины могли бы заставить противника сбросить атомную бомбу именно на Ольховку, но не придумал ни одной. Не бомбить же людей за то, что захлामीли половину леса и Телефонку. А может, бомбу хотели сбросить на Волчанск, но промахнулись? До него всего-то шесть километров. Но, опять же, что там уничтожать? И так уже ничего не осталось – никаких бомб не понадобилось.

Вопросов было много, но с ответами не ладилось. И, главное, что теперь делать?

«Позвонить в полицию и рассказать про бомбу. И всё, дальше уже не твои проблемы».

Саня представил, что начнётся, когда обо всём узнают власти: район оцепят, всех эвакуируют куда-нибудь за тысячу километров, до кучи возьмут расписку о неразглашении, и это ещё если бомба не взорвётся. А она, сука, жужжит...

На телефоне у Сани было минус 12 копеек, поэтому он вышел из дома и твёрдо направился к забору. Шёл по-прежнему как аршин проглотил, словно спина сопротивлялась всей тяжести навалившейся на него ответственности. И жгла его одна мыслишка: «Надо было сразу всем рассказать, а не рассиживаться...»

Соседи всё ещё барахтались на грядках: пожилой Андрей Ильич и оба его сына-переростка с жёнами. Вдоль их гаража выстроилась целая батарея под горло набитых мешков. Картошка в этом году хорошая – её много и почти вся крупная.

– Всем здравствуйте, – сказал Александр и сразу обратился к главе семьи: – Андрей Ильич, одолжи телефон на минуту. Надо в полицию позвонить.

Хомутов-старший прислонил лопату к забору и посмотрел на Саню с неприязнью.

– Чего?

– Полицию надо вызывать. Срочно.

– А что за дела?

– Тут, в общем... Это... В лесу ядерная бомба валяется. На меня чуть не упала.

– Да ты что? – Андрей Ильич округлил глаза. – Большая, наверное?

Саня сжал зубы.

– Немаленькая.

Сыновья Хомутовы засмеялись, а жёны как-то притихли, с опаской глядя на мужика: псих или нет? Что он задумал?

– Ну, если «немаленькая», то менты скоро сами приедут, – сказал Андрей Ильич. – И военные тоже, так что не беспокойся.

– Если не веришь, пошли со мной, покажу.

– Да не хочу я с тобой по лесам шастать. Денежки-то когда будешь возвращать?

– Обязательно верну, а сейчас мне нужен телефон! Это не шутки. Или сам позвони, если боишься, что я с ним убегу.

– Ага, чтобы меня потом таскали за твои бредни? Вали-ка ты обратно в свой барак.

– Из-за тебя все в округе сгорят к чёртовой матери! И здесь, и в городе!

– Ты уже и мощность рассчитал? – улыбнулся Хомутов.

Саня махнул рукой и направился к живущей через дорогу Зое Васильевне Петрошкиной, одинокой пенсионерке и бывшей самогонщице. Постучал в дверь.

Тишина.

Саня постучал сильнее, нервно переминаясь с ноги на ногу. В его сознании настойчиво поднимался ядерный гриб, и с каждой упущенной секундой он расцветал всё ярче.

За дверью послышались шаги. Глухой заспанный голос:

– Кто?

– Сашка.

– Денег нет!

– Я не за деньгами. Мне позвонить нужно!

– Что?

– Позвонить, говорю, нужно. Зоя Васильевна, это срочно.

– Не получится, денег нет.

– Так у вас же стационар!

– Отключили, волки, за два месяца... А что случилось-то?

– Да ядерная бомба в лесу. Лежит. Если вам есть куда податься, лучше уезжайте подальше прямо сейчас.

Зоя Васильевна усмехнулась:

– Ты, Санька, решил мой дом обнести?

Александр упёрся лбом в дверь и вздохнул:

– Да не нужно мне ваше барахло... В лесу бомба, понимаете? Атомная. Без шуток.

– Грабь кого-нибудь другого. А если будешь барабанить и дальше, я возьму Пашино ружьё. Иди отсюда, неработь.

Времени на споры не было – Саня чувствовал это каждой клеткой своего существа, – поэтому он молча развернулся и двинул дальше по улице.

С каждым его шагом сопротивление только возрастало. Со всех сторон звенели цепи – хозяева отпускали собак. Похоже, Хомутов всё-таки позвонил, и явно не в полицию. Саня даже догадался примерно, что тот говорил: «Этот придурок совсем поехал кукушкой – ходит по домам и требует у всех телефон. Предлог идиотский. Лучше сидите дома от греха подальше».

Спору нет, про бомбу он ляпнул напрасно. Надо было соврать что-нибудь про кражу или пожар в бывшей котельной – да про что угодно.

Александр остановился. Надо решить, что делать дальше.

В метре от него злющий парамоновский Пират надсадно лаял, поставив на ограду передние лапы.

– Хочешь перегрызть мне горло? – спросил Саня и чуть наклонился вперёд, к мокрой лапающей пасти. Ему вдруг стало весело. Какая-то удивительная метаморфоза происходила с ним в эти минуты: несмотря на ощущение абсолютной опасности, нависшей, без преувеличения, над целым краем, у него словно камень с души упал – он как будто стал собраннее, энергичнее, злее. Наконец-то жизнь приобрела отчётливый смысл. Появилась цель.

Саня понял, что есть только один способ убедить всех в существовании бомбы: её нужно приволочь в посёлок.

3.

В дверь постучали. Серёга положил паяльник на подставку, вышел в сени и открыл. На пороге стоял Саня. Сразу было видно, что настроен он решительно. Особенно Серёгу удивили его глаза: они уже не бегали по углам, как раньше, а смотрели в душу, прямо и твёрдо.

Саня даже не поздоровался.

– Деньги на телефоне есть?

– У меня и телефона-то нет. С тобой же сдавали. Забыл уже?

– А, ладно, – махнул рукой Саня. – Давай тогда свою тачку. Только быстро.

– За каким хреном?

– Долго рассказывать. Если хочешь посмотреть сам, пошли со мной.

Серёга дёрнул щекой, молча прошёл мимо Сани и спустился с расшатанного крыльца. Саня пошёл следом.

– А что это канифолью прёт? – спросил он.

– «Таурус» паяю, – ответил Серёга, направляясь к сараю. – Может, получится загнать кому-нибудь. Антиквариат всё-таки. Ты, случаем, на Телефонке вчера-сегодня не был?

– Да нет, а что? – соврал Саня, но щёки под рыжеватой щетиной слегка покраснели.

– Может, кинескоп какой видел... Родной не фурычит.

– А ты в курсе, что сейчас везде уже цифра? Никому твой телик не понадобится.

– Дурак ты. Антикварными вещами и так никто не пользуется. Главное, чтобы в принципе работал.

Они вошли в сарай. На балке под потолком висела задубевшая коровья шкура, а в углу стояли баллоны с пропаном и кислородом. Газовый резак лежал на

монструозной трёхколёсной тачке. Серёга соорудил её из четырёх тяжёлых решёток, сваренных из арматурин. А колёса раньше стояли на мотоблоке.

– Куда пойдём-то? – спросил он.

– В лес. Это минут десять ходу. И верёвку найди, пригодится.

Пять минут спустя Ольховку накрыл лязгающий грохот: понимая, что тащить такого динозавра через поле совсем не вариант, напарники решили сделать крюк по объездной дороге.

Когда они съехали с дороги и покатали в лес, тачка, и без того не подарок, окончательно превратилась в орудие пыток. Проклятая то и дело застревала своим широченным тазом между двух осин, вязла в подлеске, толкалась и буксовала, брыкалась на каждой кочке и в каждой впадине, била по ногам, обдирала кожу. Мужики возились с ней, как грешники в аду.

– Как ты ещё баллоны свои не продал, антиквар? – спросил Саня, с трудом переводя дыхание. – Жрать-то, поди, тоже нечего?

– Держусь пока. Ладно ещё, если б с газом были, – там уже на донышке.

– Слушай, у тебя сигареты есть?

– Три штуки осталось.

– Угостишь?

– А мы долго ещё корячиться будем?

– Да уже всё. Вон она.

– Кто «она»?

Серёга посмотрел туда же, куда и Саня.

Из шиповника торчала бомба. По ней ползали сонные муравьи.

– Ого.

Без всякого намёка на страх Серёга подошёл к бомбе, по-хозяйски осмотрел её и постучал кулаком по корпусу.

– Атомная?

Саня кивнул и прошёлся пальцем по хвостовому оперению. Несмотря на зябкие тринадцать градусов и налетающий ветер, бомба была тёплой.

Серёга вытащил из кармана мятую пачку, сунул в рот сигарету и протянул одну Сане.

– И что ты собираешься с ней делать? – спросил он.

– Выкурю.

– Я про бомбу.

– Думаю в посёлок отвезти, – ответил Саня, подставляя сигарету под огонёк. – А то ведь не верят, собаки. Так хоть полицию вызовут.

– Тоже вариант, – кивнул Серёга.

– «Тоже»? А ты что предлагаешь?

– Да ничего пока. Смотри-ка, жужжит. Рабочая.

Он любовно погладил бомбу, а Саня нахмурился.

«Приехали, – подумал он. – Кажись, ревную её к чужим рукам».

– Тебе, кстати, деньги-то не вернули? – спросил Серёга.

– Не-а, – Саня стряхнул пепел.

Речь шла о весенней вахте на газопроводе, где Саня оттрубил три месяца стропальщиком и разнорабочим. Его там попросту кинули – ни обещанной униформы, ни зарплаты.

– А есть-то хочется, – сказал Серёга, взглянул на знак радиации и вздохнул.

– Ты всё-таки на что-то намекаешь. Продать её, что ли, вздумал?

Саня аж рассмеялся. Барыжить атомной бомбой там, где самая крупная сделка – урвать колесо от КамАЗа по цене велосипедного? Это сильно.

– А за сколько бы ты её продал? – поинтересовался он.

– Это смотря кому.

– Ну, допустим, военным ты её просто так отдашь, за «спасибо». А потом ещё посидишь немного. Но там хотя бы кормят. А вот Семёнову, например?

– Ему?

Серёга, у которого с фантазией было туговато, бухнул банальное:

– Миллион.

– Да он её на выстрел к себе не подпустит. Это же срок.

– Тогда не знаю.

– Короче, давай грузить. А то рванёт, пока мы тут языками чешем.

Саня дважды пропустил верёвку через лопасти оперения, дал один конец Серёге и взялся сам. Пятки упёрлись в хвойный ковёр и начали погружаться в почву – бомба шла с большой натугой. Саня прикусил губу. Верёвка больно впиалась в ладони.

– Бомба, – сказал он, – я тебя очень люблю и уважаю. Но я увезу тебя в посёлок, прежде чем настанет вечер.

– Чего ты там бормочешь? – не понял Серёга.

– Да так... «Старик и море».

– Тяжёлая, зараза, – пропыхтел Серёга. – Сколько в ней, интересно?

– Килотонн двести.

Они едва не сорвали себе спины, но с помощью берёзы и самых крепких слов уложили-таки бомбу в тачку.

– Ну, ещё перекур и двинем.

И они закурили на двоих последнюю сигарету.

4.

День уже клонился к вечеру, когда мужики вернулись в посёлок – грязные, измочаленные, смертельно уставшие. Животы к спине прилипли.

– Куда первым делом? – спросил Серёга.

– Хорошо бы к Хомутовым, но сил уже нет. Давай, вон, к Петрову.

– Давай.

Мужики вошли в небольшой аккуратный дворик с выложенной из плитняка дорожкой и постучали к Петрову. Тот открыл и вопросительно поднял брови.

– Сеня, дай нам телефон и что-нибудь поесть.

Семён Иванович несколько опешил от такой наглости.

– С какой это радости?

– А вон с какой, – Саня показал на тачку.

– И что это там?

– Глаза-то разуй. Бомба. Атомная. Надо полицию звать.

– Атомная?

– Вполне, – ответил Серёга.

– Чем докажете? Я такую же могу слепить, если неделю голодом посижу.

– Так иди и посмотри. Можешь даже облапать, если хочется. Настоящая.

Петров сделал было шаг на улицу, но сразу передумал: перед ним стояли два грязных мужика, готовых, судя по виду, на что угодно, а дома жена и неплохой холодильник.

- Лучше бы вам, парни, зайти к кому-нибудь другому.
- Да ты издеваешься, дед. Она же в любую секунду рва...
Дверь захлопнулась перед самым носом.
- Это уже не смешно, – сказал Саня. – Что-то мне подсказывает, что зря мы горбались.
- Погоди, – остановил его Серёга. – Нам же полиция нужна, так?
- Ну.
- Будет.
- Серёга поднял с обочины камень и швырнул его Петровым в окно. Оно лопнуло с оглушительным звоном. Заголосили собаки.
- Вы чего творите, скоты? – заорал Семён Иванович из проёма.
- Серёга облокотился о бомбу.
- Вызывай полицию, старый баран. Просили же.
- Щас вызову, твари.
- Саня обеспокоенно взглянул на товарища. Тот ухмылялся.
- Не бойсь. Если сдадим бомбу, нам всё простят и даже нагр...
- Серёга не договорил: он вдруг перестал улыбаться, и глаза его распахнулись.
- Ложись!
- Саня упал, и как раз вовремя – раздался выстрел. Что-то звонко чиркнуло совсем рядом.
- Тут же прозвучал второй выстрел, и бомба дёрнулась. Серёга знал, что у Петрова двустволка и на перезарядку уйдёт какое-то время, поэтому вскочил на ноги. Усталость как рукой сняло.
- Ты в своём уме, придурок?! По атомной бомбе стрелять?!
- По вам не попал, – донеслось из разбитого окна. – Но сейчас, гады, получите...
- Двигаем, – коротко приказал Серёга и первым нажал на телегу. – Быстрее, блин, пока этот дятел в спину не засадил.
- Саня, едва не раскroивший лоб о щебёнку, встал рядом и тоже поднажал. Сообща они сдвинули тачку с места и пошли вдоль дороги, прикрываясь бомбой, как вагонеткой, – мало ли, дед снова начнёт стрелять.
- У кого тут нет ружья? – спросил Саня. – Мне уже второй раз за день угрожают.
- Да чёрт его знает. Жрать охота... Может, к Боговой заглянем?
- Ружья у неё, может, и не будет, но вилы найдутся. Вилы, а не борщ.
- Ну, денег попросим. Нам поесть надо, на святое дело идём. Она женщина слабая и набожная, а у нас атомная бомба.
- План Серёги был настолько прост, что свободно бы уложился в одну-единственную газетную строчку: «Угрожая атомной бомбой, злоумышленник похитил у потерпевшей серёжки, обручальное кольцо и денежные средства на сумму 670 рублей».
- На грабёж не пойду, – заявил Саня.
- Смотри-ка, это не Володька чешет?
- Саня прищурился. Впереди шла ещё одна фигура с тачкой – только в ней, судя по всему, бугрилась картошка.
- Вроде он.
- Эй, Вова! Погоди!

– Вам чего? – спросил Володя и с недоверием посмотрел на Александра, про которого в посёлке уже несколько часов ходили странные слухи.

– Ты жить хочешь? – спросил Серёга.

– Нет.

Ответ сразил Серёгу наповал.

– Почему?

– Какая тебе разница?

– Он с женой разошёлся, – пробормотал Саня.

Серёга кивнул.

– Дай-ка на минуту свой телефон, а не то я взорву бомбу, – неуверенно приказал он. – Ядерную. Вот она, полюбуйся.

– Взрывай, – спокойно ответил Владимир.

– И взорву.

– Взрывай.

– Не веришь, что ли?

– Верю. Давай.

Серёга поднял с земли булыжник и ударил им по бомбе. Она звякнула. Серёга игранул желваками и снова ударил.

Володя ждал.

Серёга нанёс очередной удар. В темнеющем воздухе сверкнула и погасла крохотная искра. Тогда он зарычал и принялся дубасить бомбу безостановочно.

– Да хорош уже, пойдём, – Саня попытался оттащить друга от неё, но тот отвёл его руку в сторону – совсем остервенел.

Володя спокойно смотрел на это представление и жевал травинку.

– Что-то не взрывается, – отметил он. – Бракованная, наверное. Вы её в костёр бросьте, парни. Как шифер.

И добавил:

– Если нужен телефон, так бы и попросили. Без всей этой клоунады.

С этими словами он протянул героям свой старый кнопчик, и Саня от неожиданности онемел.

– Ну чего встал, – сказал Серёга, потирая распухшие пальцы. – Набирай давай.

Саня набрал 02 и нажал вызов.

– Неправильно набран номер, – сообщил женский голос.

– Чёрт. Как им с сотового звонить?

– Не знаю, – ответил Серёга. – Вов, ты не в курсе?

– Нет. Даже как-то не задумывался. А бомба настоящая, что ли?

– Да нет, конечно! Что ты? Кукла. Год собирали, потом шлифовали месяц – только чтобы тебя разыграть.

– Если настоящая, что ж ты лупил по ней со всей дури? А если взорвётся?

– Ой, лучше заткнись, гений, – глаза Серёги сузились. – У нас и так был тяжёлый день.

– Оно и видно. Это из-за вас была стрельба только что?

– Да, – ответил Саня. – Как набрать-то, ёлки зелёные?

– Попробуй, не знаю, 002, – посоветовал Серёга.

Тык-тык-тык-тык.

– Набранный вами номер не существует, – ответил женский голос.

– Пробуй другие варианты, – нетерпеливо сказал Серёга. – Вова, у тебя пожрать ничего нету? Ноги подкашиваются.

– Картошка вот. Могу дать ведёрко. Просто так.
 – Спасибо. Слушай, если есть куда уехать, лучше езжай. Сам понимаешь – хрен его знает, чем тут всё кончится.
 – Неправильно набран номер, – донеслось со стороны Сани.
 – Да мне особо некуда ехать. К Катке я точно не вернусь.
 – Ну, смотри сам. У тебя мотоцикл не на ходу?
 – Да какой там... – Вова махнул рукой.
 – Ладно.
 Тут подошёл Саня и молча протянул Володе телефон.
 – Что такое? – спросил Серёга.
 – Сдох, – ответил Саня, и вся усталость этого невыносимо долгого абсурдного дня навалилась на него с утроенной силой. Но хуже всего было ощущение бессилия – примерно как во сне, когда пытаешься догнать своё счастье и не можешь.
 – Приплыли, – сказал Серёга. – Всё, хватит. Пошли хоть картошку сварим.

5.

Они дотолкали бомбу до Серёгина дома, сварили картошку, наскоро поели, а потом Саня ушёл к себе и проспал до трёх часов дня.

Пробуждение было тяжёлым – болело всё тело. За окном накрапывал дождь. Всё как обычно: соседи рассыпались по огородам, коровы мычали, Пират облаивал обнаглевшую ворону.

«Надо же, мир ещё на месте», – подумал Александр, натянул сапоги и пошёл к Серёге.

Полицейских не было. Саня усмехнулся – подумал, что Петров тоже не смог набрать номер правильно.

Через минуту он поднялся на Серёгину крыльцо и уже хотел постучать, как услышал за домом характерные звуки: это работала газовая горелка. Почуввав недоброе, Саня метнулся к сараю (дверь была открыта), ворвался внутрь и замер. Сердце обрушилось куда-то в кишки.

Она по-прежнему покоилась в телеге, внушительно-большая и тяжёлая, вот только часть её круглого зелёного корпуса теперь лежала возле колёс, и над распахнутым медно-серебристым нутром склонился Серёга – в одной руке он держал резак, а свободной вытягивал из бомбы провода. Рукава его куртки были измазаны каким-то белым порошком.

– Отойди от неё, идиот, – прошептал Саня. У него закружилась голова.

Серёга повернулся к нему и приподнял сварочную маску. Лицо было покрыто загаром, которого не было ещё вчера, а правый глаз кровоточил.

– Чего? – спросил он. Голос был, как у пьяного.

– Отойди от неё, – повторил Саня и вдруг осознал, что бомба уже не жужжит.

– Ментов ещё нету? Если нагрянут, мы её пытаемся разминировать. Ферштейн?

– Ты умираешь.

– Плутоний, или что там внутри, я особо не трогал, его нам всё равно не сбавить, но вот это... – Серёга кивнул на отрезок обшивки. – Это дюралька, 75 рублей кило. И проводов чёрт-те сколько. Так что сегодня пи... пируем...

Он чихнул, и в воздухе повисло облачко красного тумана.

– Лучше б ты и дальше паял свой «Таурус», – проворчал Саня, устало бухнулся на чурбак и прошёлся пятернёй по волосам. Они посыпались, как осенние листья.

Ольга
АТАМАНОВА

СТИХИ

ПАРТИЯ СОЛО

(МеждуРЕЧное)

Смерти нет, есть только переход между мирами.

Индийская пословица

Пока мотыльки, славя Господа Бога,
У кованой лампы снуют в беспорядке,
Пока меня судят серьёзно и строго
За кофе внакладку, работу вприглядку,
И день трудовой ни на каплю не начат,
В непуганой утренней рани
Пытаюсь додуматься – что оно значит –
Ушедших молчанье?

Там слышат глухие. Там видят слепые.
Там жадным добра достается немало.
Там тоже, наверное, есть рядовые,
И есть генералы.

Там кто-то нещадно радуется о деле,
А кто-то не любит глагольные рифмы.
И крылья сложили надменные грифы,
Достигшие цели.

Там смыты волною мечты о грядущем,
Там мысль поглотили горящие печи.
Но – крылья расправил удаче навстречу
Орлан белоплечий.

Пьёт химик отраву. Химицит картёжник.
Портняжат портные, вещают пииты.
Босыми ногами ступает сапожник
По каменным плитам.

И лётчик побудку играет на зорьке,
И хочет шахтёр докопаться до сути.
А Время – аптекарь со снадобьем горьким –
Без усталости шутит.

И юный бездельник, пугая ворону,
С годами – подарком бесценным и странным –

• **Ольга Атаманова** – математик и переводчик, кандидат филологических наук. Поэт, прозаик и драматург, литературный критик. Член Союза писателей России. Автор восьми книг. Живёт в Санкт-Петербурге.

Гадает, что делать. Глядит отрешённо,
Как в даль океана
Туманную – жизни хозяин ли? раб ли?
Мятежник? бретёр? пустозвон? проповедник?

Но умному хватит и крохотной капли
Мгновений последних.

ПЕТЕБУРЖЬЕ

Есть Петербужье в цветных огоньках,
В сказках, до времени спящих,
В замороженных под снегом домах.
Их бездревесные чащи,
Не стосковавшиеся ни по ком
Камня громады и груды
Так увлекут – заблудиться легко,
В чашу придя ниоткуда.
Верю в приметы, в Безвременья жуть,
В сказки о тёплой погоде.
Так, позволяя себя обмануть,
Правду случайно находишь.
Так в беспорядке цветных огоньков
К дому находишь дорогу.
Я не чужак. Эти стены домов
Мне не солгут, а помогут.

СОНЕТ О СТАТУСЕ

Я влюблена. По линиям ладони,
Тем, по которым жизнь и смерть читают,
Гармонией единой прорастают
Все сотни бед и сотни дисгармоний,

В Закон единый масса беззаконий
Сплетается. Но кто её сплетает?
Не те, кто больше всех о счастье знает?
Не те, кто всех на свете обречённой?

Чья жизнь безбрежна.... Или безысходна?
Я влюблена – и, значит, я свободна!
Но оттого ль, что вижу всё насквозь,

Кажусь сильнее всех. Всех беззащитней.
Всех безрассуднее. Всех дальновидней.
И со Смирением путь навечно врозь?

РЯЗАНСКОЕ. МИРНОЕ

...Свободен путь под Фермопилами.

Георгий Иванов

В городе Шилове гибкие лозы плетут,
Крепко сшивают их в короб, просторный и ладный.
Эта земля не рождает лозы виноградной,
Ценит тепло очага и домашний уют.

Мирное Скопино копыа хранит про запас,
Братину с ядом по-братски отдав полководцу.
Рок – обстоятельство. С ним невозможно бороться.
Зависть глядит миллионами алчущих глаз.

В городе Шилове гибкие лозы плетут,
Мирное Скопино славится звонкой посудой.
В мирной Рязанщине ценят домашний уют,
Добрую пищу и, в общем, не любят фастфуда.

Мирно живут обстоятельствам грубым назло.
Скишей сметаной и порохом пахнет в часовнях.
Мирные герцоги всех упырей многословней.
Ратное дело весомее, чем ремесло.

Стало привычным навыворот ставить вопрос,
Души печалить заботой о деле пустячном.
Стало привычкой казаться серьёзным и важным
Тем, кто страной и семьёю не принят всерьёз.

Мирная панна, как чётками, нитками бус
Нервно играет – она не умеет иначе...
В мирном Освенциме любят футбольные матчи.
В смутной Варшаве играют классический блюз.

В мирном Михайлове ценят домашний уют,
Кружева в платья вплетая на радость девчонкам.
В городе Шилове гибкие лозы плетут,
Мирное Скопино славят керамикой звонкой.

И в невесомый июль, и в двуликий январь
Маффин с охотой меняют на пряник имбирный...
Посох хранят Пересветов в Рязанщине мирной.
И Александр – популярное имя. Как встарь.

В городе Кошице кошки крадут кошельки,
Кошно смеясь над кошмарами старых кошёлочек.
В чащах рязанских спокойно живут светляки,
Шляпы снимают грибы перед тем, кто нашёл их...

О ЖИЗНИ КАК О ТЕАТРЕ

В этом театре ты выйдешь на главную роль.
Я, засмутившись от страха, мелькну в эпизоде.
Праведный нищий привычно уселся на входе.
Зрители зябнут. Луна превращается в ноль.

В этом театре ты выйдешь на главную роль.
Спой нам, оставь в дураках гибеллинов и гвельфов.
Ты пожалеешь в ветвях загнездившихся эльфов,
Маленьких эльфов, водой разбавляющих соль.

В этом театре ты выйдешь... И песни слова
Станут заботой, печалью и праведной клятвой.
Время качнется, и месяц привычно жатвой
Верить заставит, что нет на земле волшебства.

В этом театре не пустит меня на порог
Праведный нищий. Он станет двуликим, как Янус.
Я обману его. С прошлым расстанусь. Я станусь.
Я расскажу... Для беседы найдется предлог...
Дальше – ПРОЛОГ.

* * *

У грустного Феба хожу в подмастерьях.
Я хлопаю дверью.
Я помню о том,
Что летать не умею,
Пусть ночь за окном
Всё темнее –

Я, скромная нищенка,
Мыслью богата
О тех, кто хранит
Фазтонов крылатых.
Я хлопаю дверью,
Я думаю снова
О кошке-судьбе,
Что хранит непутевых,
Уча приземляться
На мягкие лапы
Безумцев крылатых,
О доброй судьбе,
Что хранит бесшабашных...

Я в ночь выхожу...
Мне не страшно.

КЛИНИЧЕСКИЙ АБСУРД

Когда Ахилл явился без бахил,
Учёный пес призвал его к порядку
И тяпнул нарушителя за пятку,
Чем здорово хозяйке угодил,
Когда Ахилл явился без бахил.

Когда Гаврош явился без калош,
Промолвил врач: «Какой ужасный дождь!
Мой друг, у вас такой ужасный насморк,
Что легкомыслие загонит вас в морг.
Вы жизнь свою не ставите ни в грош!»
(В тот день Гаврош явился без калош.)

Когда солдат пришёл, слегка поддат,
Он думал – королям поставит мат,
Но оказался просто малой пешкой.
Гроб с музыкой и крытою тележкой –
Всё, что от жизни получил солдат.
Он сам во всём, конечно, виноват.

ГОРЛОВКА

Нет места спокойней, чем сердце донецких степей
В квартире оставленной, в городе прифронтовом.
Весь мир суety я заставлю забыть о себе,
Не зная совсем никого иль почти никого.
Когда на прогулки ночные наложен арест,
Окна не открыть – в нём осколки оставили след,
Я кофе налью и надолго не выключу свет,
И с лампой расстанусь, когда мне читать надоест.
Средь полного мрака не видно, где стол, где кровать,
Я стану описывать дуги размером два пи.
Но стихнут тревоги у сердца донецкой степи,
И добрые духи ночные пойдут танцевать...
А утром худущая кошка с пятном между глаз,
Вёселым, задорным, – от утренней влаги дрожит.
Мне слышится очередь...
Очередь в хлебный лабаз
Из скромных глашатаев, чья продолжается жизнь.

МЕДИТАЦИЯ

Подружили с арифметикой дорожной,
В поле зрения явились ниоткуда
Терабайты информации в секунду,
Тот порядок, что запомнить невозможно.

Этот запах жухлой осени, который
Путь мой делает нескучным и недлинным.
И укладывает текстом без повторов
Каждый лист с его причудливой картиной.

ИДУЩИЙ НА КАЗНЬ

Я не виновен ни в чём,
Пьющий по капле жизнь.
Я перед Богом чист.
Знаю, перед дождём
Чёрен у неба край,
Рая не видно в нём.

Что совершить я мог,
Что искупить нельзя?
Зря прожил жизнь? Не зря?
Рая один глоток –
Всё, что дарует Бог.

Пламенным храбрецам
И канцелярским крысам –
Всем нам предъявят счёт.
Вижу – вовстречь дождям
Смятый цветок раскрылся,
Воду из неба пьёт.

Не виноват ни в чём,
Близко... Всё ближе к раю,
Как я вас презираю,
Думавших не о том.
Запах Земли – не тот,
Радости в жизни нет
Тем, кто бранится вслед,
Тем, кто в глаза плюёт...

ШЕСТЕРКИ

Вослед монаршему указу –
Не собираться больше трёх –
Так опечалились шестёрки,
Что сочинили гексоген.
И вместе с добрым Геком Финном
Бросали соль куда попало.
И вновь печалются шестёрки,
Что им живется горбуново...
Льют гексоген на фигу с маслом,
Мотая сопли на кулак.

Когда фенольное здоровье
Забарахлит, вдохни паров
Бензина – и не надо путать
С бензолом или толуолом,
И не заЦИКЛиваться даже
На сумме промелькнувших цифр.
И подрывать авторитеты
Не надо – вам ведь говорят,
Что больше трёх не собираться
И ничего не подрывать.

Нашли пакет – ноль ДВА звоните,
Ещё купите гексорал,
Чтоб волосы не стали дыбом.
Когда фенольное наследство
Вас тяготит, на три шестёрки
Поставьте – и сорвите банк!

ХОЧУ ПОМЕРЕТЬ В ДЕВЯНОСТО

Хочу помереть в девяносто,
Отбросив перо и бумагу,
Отбросив учёные книги,
Когда б только мысль не терять.

Высокой седой старухой,
Пугающей дерзких мальчишек
Немыслимой шляпой из Йорка
И сумкой под стать Шапокляк,
Старухой седой, сухопарой,
Отброшу перо и бумагу,
А следом отброшу коньки.

Найдутся коньки – это точно,
При наших суровых прогнозах,
При царствии всех отморозков,
Конечно, найдутся коньки.
И мысль не оставит, я верю,
До самых последних мгновений.
Пусть будут надёжной порукой
Мне духи моих мудрецов.
Но в нашем компьютерном мире
Найдутся ль бумага с пером,
Когда помирать в девяносто?

Алексей
КУРГАНОВ

ПАХОМОВ, ИЛИ ПРЫЖКИ ПИНГВИНА

Рассказ

Вот смотри, – сказала Люба, снова наклонилась над журналом и прочитала: «Житель Австралии, купаясь в океане, был, с его слов, неожиданно атакован и серьёзно ранен трёхметровой голубой акулой, которую местные рыбаки за кровожадный нрав и абсолютную беспощадность метко прозвали «акулой-убийцей». Удивительно, но мужчина вышел победителем из, казалось бы, безнадёжной для него схватки с таким чудовищем. Более того, истекая кровью, он смог завести машину и проехать пятьдесят километров до ближайшей больницы. Причём приехал не один, а с той самой напавшей на него акулой, также получившей в схватке серьёзные ранения. В настоящее время мужчина чувствует себя нормально, его жизни ничто не угрожает. Чего не скажешь об акуле, которая уже третьи сутки, не приходя в сознание, находится в реанимационном отделении ветеринарной клиники. Австралийская общественность находится в недоумении: так кто же на кого напал, кто кого кусал, и кто кого в результате покалечил?»

– Ну и что? – спросил Пахомов.

– Ничего, – пожалала Люба плечами. – Интересно. Живут же люди...

– Я пошёл, – сказал Пахомов. – Пока.

Люба на его слова никак не отреагировала. Больше того: повернулась к окну. Интересно, что там такого необычного она увидела, что даже не захотела поздравить его с теперь уже окончательным расставанием? Пахомов подозревал, что ничего, а вся её равнодушная неподвижность – это всего лишь поза, игра, демонстрация. Дескать, решил уходить – уходи. Скатертью дорога. И совершенно не хочет понять, что он уже невероятно устал от всех этих демонстраций. Уже год как устал.

– Пошёл, – повторил Пахомов.

Она наконец соизволила повернуть к нему голову.

– А ты знаешь, Пахомов, что пингвины могут подпрыгивать на полтора метра? – спросила она.

Люба, до того как устроилась на «почтовый ящик», работала лаборанткой в ветеринарной академии и даже хотела поступать на факультет крупного рогатого скота. Это было тем более удивительно и непонятно, потому что она

• **Алексей Курганов** – прозаик, образование – высшее медицинское. Публикации в ряде российских и зарубежных литературных изданий. Автор сборника рассказов и миниатюр «Земляки» (2013). Живет в г. Коломна (Московская область).

родилась и всю жизнь прожила в городе, а коров с быками видела только на картинках, по телевизору и в разрубленном виде, на мясных прилавках в магазине и на рынке.

– Почему обязательно крупный рогатый? – спросил её как-то, ещё в пору расцвета их телесной и духовной близости, Пахомов.

– Потому что у меня есть мечта, – призналась Люба. – Я хочу стать дрессировщицей и выступать с коровами и быками в цирке.

– Бред какой-то, – фыркнул тогда Пахомов. – Совершенный бред и большие фантазии.

– Может быть, и бред, – согласилась она (она всегда и во всём с ним соглашалась). – Но ведь никто никогда ещё не выступал в цирке с коровами и быками. Значит, есть шанс оказаться первой. Разве это не стимул? Разве неинтересно?

– Нет, – ответил Пахомов. – Не стимул и неинтересно. И даже очень глупо.

Тогда Люба серьёзно и внимательно посмотрела на него, ничего не ответила и молча ушла на кухню варить манную кашу. Она знала, что Пахомов её (кашу, не Любу) терпеть не может, и поэтому варила исключительно в знак принципиального несогласия с его унылым прагматизмом.

– А при чём тут пингины? – спросил он, моментально раздражаясь и смешно прыгая на одной ноге, потому что наступил на развязавшийся шнурок.

– Потому что ты похож на пингвина. Тоже пытаешься прыгать, и даже высоко, а всё равно ничего не получается. Остаёшься на месте.

– А белые медведи? – спросил Пахомов.

– Что медведи? – растерялась Люба.

– Они прыгают?

– Зачем?

– За тем же, зачем и пингины. Ведь пингины зачем-то прыгают. С какой-то целью. Почему бы не прыгать и медведям?

– Дремучий ты, Пахомов, человек, – вздохнула Люба. – И вообще, пингины – на Южном полюсе, а белые медведи – на Северном.

– То есть не пересекаются?

– Нет. Только в зоопарке.

– Я, наверно, должен обидеться? – спросил он.

– Обидься... – согласилась она. – А толку-то...

– Пойду, – сказал Пахомов в третий раз, наклонился, взялся за ручки своей дорожной сумки. – Счастливо оставаться. Привет пингвинам.

Он вышел на лестничную площадку, безгласно покосился на шприцы, валявшиеся на полу и подоконнике между этажами (молодость мира – наркоманы – облюбовали подъезд давно и основательно), спустился вниз пешком (Пахомов боялся лифта, в котором три месяца назад вынужден был провести два часа, застряв между этажами, и ни одна проживающая в подъезде сволочь, ни одна скотина...), пересёк по диагонали квадратно-унылый двор с облезлым «грибком» над детско-пожарной песочницей и вышел на проспект, всегда бесцеремонно-шумный, всегда радостно-грязный, с несущимися туда-сюда сумасшедшими автомобилями, управляемыми (а может, наоборот, совершенно неуправляемыми) такими же сумасшедшими водителями. После чего вздохнул, поднял повыше

ротник своего некогда дорогого кашемирового пальто (его иногда, в моменты осознания собственной ничтожности, тянуло на такие дорогостоящие покупки), отчего стал похож на ещё достаточно молодую, но почему-то уже облезлую ворону, и направился в сторону автобусной остановки.

С третьего этажа серого блочного дома вслед ему смотрела невысокая, худая, темноволосая женщина в старомодных очках в роговой оправе. Женщине было тридцать пять лет, её звали Любой, она работала лаборанткой на военном заводе, выпускавшем резиновые части для орудий и танков. С Пахомовым она прожила один год и два месяца, и вот сегодня наконец они окончательно расстались. Почему именно сегодня и почему «наконец»? Да нипочему! По кочану. Просто так. Устали друг от друга. Надоели. А значит, хватит. Они же, в конце концов, не пингины, которые прыгай не прыгай, а с этой конкретной льдины никуда деться не могут. А даже если бы и смогли, что толку? На другой – то же самое. И на всех остальных тоже.

Пахомов работал там же, на «почтовом ящике», но только не лаборантом, как Люба, а инженером, одно время даже ведущим. Кого он вёл или вывел, и куда (а может, откуда) – так для него и осталось глубоко засекреченной военной тайной. Это было то далёкое молодое время, когда он, Пахомов, относился и к своей должности, и к работе вообще не просто уважительно и трепетно – он без неё не мог существовать как активная биологическая единица. Во всяком случае, так считал он сам, этим своим мнением гордился и этой гордости не скрывал. Инженер-конструктор, да ещё и ведущий, да ещё на «почтовом ящике» – это будет покруче любого Ги де Мопассана! Его бюро (Его! Бюро! Класс!) занималось тогда технологическими разработками совершенно новой модификации ракет «земля – воздух», но об этом строжайше не рекомендовалось не то что говорить – даже думать. Тем более что в самом скором времени правительство планировало в очередной раз «утереть» наших вечных и самых заклятых друзей-империалистов, возглавляемых, конечно же, Соединёнными Штатами постоянно грозящей всем подряд Америки. По этой государственной значимости и важности причине бюро работало с совершенно непонятными сегодняшнему поколению молодых циников энтузиазмом и молодым задором, куя очередной ракетный щит горячо любимой Родины. Отковав и выковав, они получили тогда неслабые денежные премии, которые дружно пропивали на заводской туристической базе в течение двух весёлых отпускных недель.

Наступившее после триумфа лёгкое отупение приняло хроническую форму. Во всяком случае, работать с прежним энтузиазмом почему-то решительно не хотелось. И не только ему, Пахомову: некогда дружный коллектив некогда молодых единомышленников постепенно распался на несколько вяло пикирующих между собой кучек, каждая из которых по инерции страдала щенячьим высокомерием и непонятным снобизмом. Опять же постепенно кучки развалились на конкретных индивидуумов, а это в считающем себя творческим коллективе вообще караул. Всё правильно, всё закономерно: индивидуализм не наш метод работы, поэтому никаких новых искромётных идей больше не возникало. Да и ну их к шутам, эти идеи! Жизнь идёт, завод пыхтит, зарплата ощутимо не дотягивает до удовлетворения насущных потребностей – на том и остановимся. Богу – богово, снобам – снобово, а ему, Пахомову – пахомово и пофигомово. Дialeктика. Ещё бы пить поменьше, тогда будет вообще красота.

Постепенно он втянулся в эти восхитительные в своей необязательности дни среднестатистического российского обывателя. Пахомов работал, ел, пил, спал, ходил в баню и катался на велосипеде – то есть выполнял все положенные постсоветскому гомо сапиенсу физиологические функции. Однажды он допустил слабость – серьёзно увлёкся супругой начальника отдела, энергичной и современной женщиной, которую тоже звали Люба, но после первого и бурного постельного знакомства чего-то испугался и, трусливо поджав свой интеллигентный хвост, от неё сбежал. Чем поверг Любу-первую в состояние недоумения и вызвал насмешки со стороны пахомовских коллег, которым эта самая Люба рассказала всё и во всех подробностях, вплоть до того, какой расцветки и какой степени износа были на Пахомове трусы. Интеллигентные люди так, конечно, не поступают, поэтому Пахомов стал панически, до лёгкой истерики, бояться представительниц слабого пола, постоянно ожидая от них, ветреных, самых разнообразных подлянок – и вот как раз в этот момент на его тернистом жизненном пути появилась она, Люба-вторая. В то время у неё не было ни одной конкретной постельно-мужской кандидатуры, а те, что были, представляли из себя нечто аморфное, зыбкое, постоянно исчезающее из виду и до обидного легко ускользающее из рук. С чего она взяла, что он, Пахомов, от этих «медуз» чем-то кардинально отличается, была ещё одна загадка её загадочной женской натуры, но факт остаётся фактом – через месяц вялого знакомства они стали жить вместе и первое время на работу ходили даже взявшись за руки.

Пахомов проехал на автобусе три остановки, вышел на четвёртой и через пару минут очутился в родном заводском общежитии. Несмотря на свою непрактичность, у него хватило ума отсюда не выписываться, хотя Люба-вторая и предлагала ему прописку на своей жилплощади. Он хмуро кивнул сидевшей в стеклянном «стакане» вахтёрше, поднялся на второй этаж и, пройдя длинным боковым коридором, очутился в своей комнате.

Вечером, вернувшись с работы, Пахомов поужинал, уселся в кресло и тупо уставился в «ящик для идиотов». «Ящик» был моднющим, с плоским экраном, семьдесят два сантиметра по диагонали. Это было одно из двух шикарных приобретений, которые Пахомов смог себе позволить за последние три года. Второй дорогой вещью являлся супернавороченный велосипед японско-корейского производства стоимостью двенадцать тысяч, естественно, рублей. На нём Пахомов по выходным совершал дальние и бессмысленные (километров под сорок в один конец) поездки, а иногда ездил целенаправленно, за грибами, в Маливский лес или в богатые груздями перелески на Конев Бор. Впрочем, и первые «бессмысленные» поездки были не такими уж бессмысленными, потому что время от времени Пахомов начинал серьёзно задумываться о своём здоровье и тогда же начинал яростно крутить педали, пытаясь стать если не атлетом, то хотя бы убежать-уехать от инфаркта с инсультом – этих грозных и, увы, неминуемых следствий малоподвижного образа жизни. Своего железного японско-корейского «коня» Пахомов холил и лелеял, лишний раз не напрягал – не запрягал, поэтому, например, бутылки и банки ходил сдавать пешком, хотя до приёмного пункта стеклотары было топтать и топтать. Тем не менее, ездить туда на велосипеде Пахомов опасался, потому что могли запросто спереть.

– Уважаемые мужчины! – заговорил «ящик» торжественно-радостным рекламным голосом. – Приглашаем вас на службу по контракту в Вооружённые силы! Зарботная плата... Единовременное пособие... Полный пакет социальных льгот... И совсем не обязательно, что вы будете служить в «горячих точках»! (Прозвучало это так радостно-бодренько, что не оставалось никаких сомнений: именно в эти самые «точки» соблазнившихся и воткнул.) Ждём вас по адресу: переулок Миномётчиков, городской военный комиссариат, комната номер тринадцать. Ежедневно, кроме воскресенья, с девяти до восемнадцати без всякого перерыва на обед. Родина ждёт!

– Ага, – противно подумал Парамонов, – ждёт. Все ждут. То они, военкоматские, то Родина. И кто кого – без бутылки не разберёшься. Темнилы хреновы. Сходить что ли? Я как-никак капитан запаса... И что значит «без перерыва на обед»? А когда же они обедают? Или не обедают? Или питаются, как на фронте, сухим пайком? Чтобы не пропустить неприятеля, пришедшего записаться по контракту. Чёрт их разберёт, этих армейских. Те ещё фокусники...

Он поднялся, кресло недовольно заскрипело.

– Скоро отскрипишься, – вдруг злорадно подумал Пахомов. – Вот уеду с автоматом – и будешь здесь стоять, пылиться. А если мне там, в горах, голову отрежут, – выбросят тебя на помойку или сожгут. Вспомнишь тогда хозяина. Пожалеешь, что скрипело.

Пахомов достал из холодильника пельмени, с полки – кастрюлю и пошёл на кухню. Кухня была общей на восемь квартир, в ней постоянно работал приёмник, и постоянно пахло сохнувшим бельём. Запах белья Пахомова раздражал, работающий приёмник – тоже, к соседям он относился вежливо-безразлично, они, в свою очередь, тоже целоваться не лезли.

Сейчас на кухне находилась лишь одна соседка, Ленка Крещёная, молодая некультурная женщина с подбитым глазом. Ленка жарила яичницу и что-то негромко, но бодро напевала. Музыкальным слухом Крещёная совершенно не обладала, а фингал был её визитной карточкой, потому что постоянно присутствовал на краснощёком жизнерадостном лице: Ленкины регулярно меняющиеся сожителю все как один любили, подвыпив, помахать кулаками.

– Убьют они тебя когда-нибудь по этой самой пьянке, – жалели Ленку соседи. (Им-то, доброхотам, какое дело? Их же убивать никто не собирается. Хотя иногда надо бы...).

– Не, – отвечала Ленка жизнерадостно, – я живучая. В беззаботном детстве и тонула, и горела, и под поезд попадала, и самогонкой травилась. Выжила. Не убьют. Если только изувечат, так значит – судьба. Против неё не попрёшь.

– Здравствуй, Лена, – вежливо поздоровался Пахомов.

– Здоров, – ответила Ленка. – Пахомов, у тебя масло есть?

– Маргарин.

– Пойдёт, – согласилась соседка. Она вообще была женщиной покладистой. У неё масла никогда не было.

– Сегодня наши играют. «Динамо» Москва – «Бовисту» Португалия. Не забудь, Пахомов.

- Хорошо. Посмотрим.
- А чего ты такой хмурый? С бабой поругался?
- Нет. Нормально всё. Устал.
- А-а-а... – понимающе протянула Ленка. – А я подумала – глисты...

Сама Ленка никогда не уставала. Она крановщицей на стройке работала в перерывах между периодическими больничными. Чем таким хронически смертельным она болеет, что больничные ей дают без звука, – это была большая государственная тайна. Парамонова соседка справа, госпожа Шварценгольд по кличке Терминатор, женщина совершенно непонятно какой национальности, потому что звалась по паспорту Жульеттой Ивановной, обладательница шикарных усов и огромного, уныло обвисшего фиолетового носа (да и вообще непонятно как она попала в их сугубо пролетарское общежитие с такой совсем непролетарской фамилией), утверждала, что Ленка спит с поликлиническим главным врачом. Это была та ещё Шварценгольд! В ответ Ленка везде, где возможно и где не надо бы, называла её старой проституткой. Это была та ещё Елена! Хитрости и изворотливости что у той, что у другой было немерено. Их просто так, без хрена, не сожрёшь. Одна другой стоила.

Сварив пельмени и равнодушно их сожрав (кушать культурно, не спеша, с запивкой и умеренным количеством соли и специй Пахомов начал отвыкать ещё в студенческие годы, питаясь в студенческой столовой, и окончательно разучился уже здесь, в заводской), он полистал медицинско-популярную книжку про случайные половые связи, которую нашёл там же, на кухне (наверное, Ленкина или Шварценгольдина – они обе были большими любительницами этого увлекательного занятия), и завалился спать. Завтра у него был выходной, и хотелось посвятить его чему-то кардинально жизненно важному. Например, напиться.

На следующий день в девять часов утра Пахомов стоял перед старинным двухэтажным зданием в стиле то ли позднего классицизма, то ли раннего рококо, где размещалось здание городского военкомата. Движимый внезапно возникшим под влиянием телевизора любопытством, он всё же решил послужить горячо любимой Родине по предлагаемому телевизионной рекламой контракту, но одновременно опасался того, что члены вооружённых бандитствующих формирований в результате его, Пахомова, не до конца продуманной инициативы, всё же отрежут ему голову. Поэтому и пришёл сегодня всего лишь с ознакомительно-любопытствующей целью: а вдруг что-то доселе неведомое подвигнет его на это безумное геройство? Да, была в его сегодняшнем поступке определённая доля самого настоящего авантюризма, но ведь когда-нибудь надо и взбрыкнуть назло натуре и рутине!

Сначала он хотел приехать сюда на своём японско-корейском чуде техники и инженерно-спортивной мысли, но подумал, что, во-первых, могут возникнуть сложности с парковкой (а легкомысленно оставлять двенадцать тысяч рублей просто так, без присмотра, на улице – это, знаете ли, не знаешь, подберёшь ли ты их потом, при выходе). А во-вторых, армейские работники, известные своими

традиционными консервативными взглядами, могли его неправильно понять. Вот если бы он прикатил, скажем, на танке или боевой машине пехоты, тогда совсем другое дело. А так... Это их понимание-непонимание было ему, Пахомову, по большому барабану (он, в конце концов, не в баню приехал, а по серьёзному, можно сказать, почти государственной важности делу), но всё же не хотелось с самого начала производить на здешних работников легкомысленное впечатление. Ведь, возможно, в дальнейшем с ними придётся дружить.

Комната номер тринадцать оказалась длинной, узкой, со скудной мебелью, изготовленной во времена расцвета эпохи застоя. В торце длинного, составленного буквой «Г» заседательского стола, неподвижно уставившись в компьютер допотопной марки, сидел очень упитанный подполковник средних лет и, судя по его радостно-возбуждённому лицу, играл в виртуальные «стрелялки», а может быть, смотрел порнографический фильм. Отсюда, от порога, Пахомову не было видно, что конкретно. В конце концов, каждый имеет право на пятиминутный перерыв. Увлечённый своим занятием офицер не сразу понял, что пришёл посетитель, а когда всё же заметил Пахомова, то почему-то испуганно, словно школьник, застигнутый за чем-то очень непотребным и вообще несовместимым со званием пионера или комсомольца, по-заячьи вздрогнул. Поняв, что это не вышестоящее начальство и постановки карательной клизмы не будет, он посмотрел на вошедшего очень неприязненно, по-рабочему устало вздохнул и наконец казённо-приветливо изогнул губы.

– Вы ко мне? – спросил он.

«А что, здесь ещё кто-то есть», – хотел спросить Пахомов (в кабинете, кроме него и подполковника, больше никого не было – только мухи и кактус в пыльном цветочном горшке), но не спросил, опасаясь того, что служивый может не совсем правильно понять подоплёку его вроде бы абсолютно безобидного вопроса.

– К вам, – сказал Пахомов и для убедительности кивнул. – Разрешите?

– Так ведь всё равно зашли! – вдруг широко и, можно сказать, по-бодрому улыбнулся офицер (дескать, ну чего ж теперь делать, если ты, такой наглый козёл, имел такую необыкновенную наглость припереться в такое уважаемое учреждение!)

– Проходите, проходите! Слушаю вас.

И голос у него оказался на удивление приятным и даже располагающим. У Пахомова был друг, бывший кандидат физико-математических наук (сейчас он вышел на пенсию и подрабатывает кассиром-вахтёром в общественном туалете на автовокзале). Так вот голос у него был точь-в-точь как у этого подполковника – мягкий, бархатный, какой-то ласково-журчащий, как вода, вытекающая из туалетного бачка, в котором клапан неплотно закрывает сливное отверстие.

– Я, собственно, узнать насчёт контракта... – промямлил Пахомов. Патриотичное желание послужить Родине вдруг показалось ему настолько незначительным, что он заметно стушевался. Кто знает, а вдруг электронные игры или просмотр порнографии входит в непосредственные служебные обязанности сидящего напротив него защитника Родины?

– Ничего, ничего! – словно прочитав его мысли, ободряюще сказал подполковник и, если бы не ширина стола, обязательно похлопал бы Пахомова по плечу. – Это бывает! Как мне вас звать-величать?

– Величать не надо, – слегка пошутил Пахомов (этакий изящный прогиб перед значимым в своей должности человеком), – а звать Александром. (Ему почему-то очень захотелось сказать – Шурик.)

– А по батюшке?

– Исаевич, – признался Пахомов, неизвестно чего смущаясь.

– О! – опять развеселился подполковник. – Как писателя! Читал, читал! А как же! Случаем, не родственники?

– Что вы... – смутился Пахомов окончательно. – Конечно, нет.

– А похожи! – бесцеремонно продолжил деликатно-скользкую тему офицер. – Ну ничего, ничего! Всё на свете бывает! Все мы по большому счёту дети планеты Земля. Да! Так вы по вопросу э-э-э... Контракта?...

– Да!

– Служили?

– Два месяца. Военные сборы. (Пахомов почувствовал себя предателем горячо любимой Родины. Что такое два месяца? Пыль. Это не два года. И не двадцать пять, которые служили при царе-батюшке Петре Алексеевиче. Да, были времена!)

– Военная кафедра? – понимающе подмигнул подполковник.

– Она.

– А какой вуз?

Пахомов назвал.

– О! – уважительно покачал головой офицер. – Солидно! Специальность?

– Инженер-электронщик.

– Звание?

– Капитан. Запаса.

– Вы нам подходите, – сразу подвёл решительный и бесповоротный итог подполковник. Он и сказал это таким уверенно-твёрдым тоном, словно следующими его словами должен был быть приказ Пахомову выйти в коридор, взять уже приготовленные для него рюкзак, автомат и срочно отправиться на войну.

– Отлично, отлично! У вас документы с собой?

– Я, собственно, лишь узнать... – промямлил Пахомов (в этот момент он был противен самому себе).

– Понимаю, понимаю! – энергично сказал подполковник. Даже чересчур энергично. Так нельзя. ТАК – выдаёт его истинные намерения.

– Что? – спросил Пахомов. Разговор всё больше напоминал диалог немого с глухим.

– Документики свои покажите, – сказал-приказал подполковник и, чуть помолчав, этак вкрадчиво добавил: – Уж пожалуйста.

– Вот и ладушки, – продолжил он через пару минут, возвращая Пахомову паспорт, военный билет и диплом о высшем образовании. – Всё нормально. Всё так и должно быть... – и, прищулив глаза, неожиданно засмеялся. – А я ведь вам сначала не поверил! У нас здесь, знаете ли, этих контрактных шутников... Нет, я не то чтобы совсем, а так... засомневался. Что-то, думаю, здесь не то! И чего

этому человеку, то есть вам, на самом деле надо? А сейчас вижу – нет, действительно надо именно то. Как раз то! Молодец! («Почему я молодец? – подумал Пахомов. – Почему он сказал, что сначала не поверил? И почему сейчас разоткровенничался? Что здесь, в конце концов, происходит? Где я?»)

– Медкомиссия собирается как раз сегодня с двух до пяти, – сказал подполковник. – Вот направление. – И теперь уже откровенно хищно посмотрел ему в лицо: – Пожалуйста.

– Да я, может, ещё и не соберусь, – проблеял, собравшись духом, Пахомов. – Я вообще сюда пришёл... с ознакомительной целью.

Он ожидал, что полковник в ответ нахмурится, рассердится, может быть, даже будет ругаться самыми грязными солдафонскими словами, – и ошибся. Тот широко и приветливо улыбнулся («Он вообще любит улыбаться, – подумал Пахомов. – Таких людей надо опасаться. Это опасно, когда такие частые улыбки. Это навеивает на мысль») и понятиливо кивнул.

– А сюда... (он многозначительно похлопал ладонью по столу) все приходят ознакомиться. Человек, он вообще существо любопытное. Вот придёт такой, сядет, спросит, а потом смотришь – и всё...

– Что «всё»? – почему-то шёпотом спросил Пахомов. У него, кажется, пересохло во рту.

– Просто всё, – ответил подполковник и опять (да что же это такое на самом деле!) улыбнулся. – Но вы не думайте! Как говорится, не принимайте близко к сердцу! Всё – и точка! Вы поняли насчёт медкомиссии?

– Могила, – кивнул будущий несчастный военный герой. – Спасибо большое. Можно я пойду?

Он словно загипнотизированный машинально вернулся в общежитие, машинально поставил на журнальный столик кастрюлю с недоеденными пельменями, не видя кресла, уселся в него и включил «ящик».

– Уважаемые мужчины! – заговорил «ящик» таким торжественно-радостным рекламным голосом, словно уже и не надеялся снова увидеть своего хозяина живым и здоровым. – Приглашаем вас на службу по контракту в Вооружённые силы! Заработная плата... Единовременное пособие... Полный пакет социальных льгот... И совсем не обязательно, что вы будете служить в «горячих точках»! (Нет, не было сомнений: именно в эти самые «точки» вы, ребята, и поедете!) Ждём вас по адресу: переулок Миномётчиков, городской военный комиссариат, комната номер тринадцать. Ежедневно, кроме воскресенья, с девяти до восемнадцати, без всякого перерыва на обед. Родина ждёт! А сейчас – песня! «И снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная тишина!»

– «И Родина щедро поила меня берёзовым соком, берёзовым соком!» – слышался из коридора отчаянный в своём хмельном веселье голос Гришки-проводчика. Гришка был соседом Шварценгольдихи, имел на содержании жену Маньку, детей Пашку, Паньку, Петьку и Польшку, и старую, глухую и слепую тещу Марию Остаповну, бывшую многолетнюю заведующую баней в женской колонии строгого режима, награждённую почётным знаком «Заслуженный работник жилищно-коммунального хозяйства», которая не выговаривала букву «гэ» и, прожив всю свою взрослую сознательную жизнь в России, всё равно по-хохлацки громогласно «хэкала». Раньше Гришка служил на военном полигоне за городом

в должности заведующего подсобным хозяйством воинской части аэродромного обслуживания. Это было хорошее место, там было много возможностей для воровства. Гришка этими возможностями, конечно, пользовался (что он, дурак, что ли, чтобы мимо проходить?), а поскольку делал это очень умело и так же умело прогибался перед вышестоящим командованием, то оно, командование, Гришку хотя и не уважало, но всё-таки ценило и даже ласково называло «нашим сукиным котом», что совершенная нелепость с физиологической точки зрения. Впрочем, на физиологию Гришкиному командованию было глубоко наплевать, и какой он там кот, и от какого животного произошёл – это уже тонкости. В общем, всё произошло по классической театрально-криминальной схеме: то ли он украл, то ли у него украли, но что-то нехорошее там было наверняка. В результате Гришку с треском прогнали от жирной кормушки и велели говорить «спасибо», что не отдали под уголовную статью. Он сначала просто буянил, потом жутко запил, отчего разбуянился ещё больше, попал в наркологию, откуда вышел мятым, бледным, с горящими глазами и уgomонившимся лишь на самую малость.

– «И Родина щедр-а-а...!» – взорвался коридор очередным патристическим куплетом.

– Хрыша, прекратите, – услышал Пахомов сердитый марьостаповнин голос. – У меня же двести на сто двадцать.

– А мне пофиг! – легкомысленно ответил «Хрыша». Он уважал тещу, но оставался по-армейски крут. – «Берёзовым соком, берёзовым соком!» А сами, козлы, как будто не воруют! Волки позорные! А ещё в галифе!

Скоро голос его потух где-то в переплетениях общежитских коридоров.

– Добавлять пошёл, – пояснила Ленка, когда Пахомов появился на кухне, чтобы поставить чайник. – Пахомов, у тебя масло есть?

– Нет, – сказал Пахомов. Он соврал, после чего сходил в комнату и вернулся с начатой пачкой маргарина.

– Скучно ты живешь, Пахомов, – неожиданно сказала вечно подбитая соседка. – Неинтересно.

– Мне нравится, – пожал плечами он. – Во всяком случае.

– В каком случае? – насмешливо произнесла Ленка и отекрыжила от пахомовой пачки неслабый кусок маргарина. – У тебя и случаев-то никаких нет. Так, одни недоразумения. Тебе, Пахомов, надо бабу завести, – вдруг сказала она и выпатила на него неожиданно расширившиеся от такого нелепого предложения глаза. – И обязательно хорошую. И чтобы пила не так уж чтобы очень много.

– Заводят собаку, – ответил Пахомов, моментально обижаясь. – Или глистов.

– А мы, бабы, думаешь лучше? – неприятно засмеялась Ленка. – Хуже! Потом никаким лекарством не выгонишь! Только ты и бабу-то завести не можешь. А чего ты можешь? А, Пахомов? Вообще?

«Могу не пойти на медицинскую комиссию, – подумал Пахомов. – Могу, и очень даже запросто. Я вообще много чего могу. Могу вот сейчас напиться чаю и завалиться спать. А в ближайший выходной сесть на велосипед японско-корейского производства стоимостью двенадцать тысяч рублей и поехать кататься вокруг городского кладбища. Тем более что я уже давно думал освоить этот заманчивый маршрут. И отцепитесь вы от меня абсолютно все. Надоели. Я действительно спать хочу. Под рокот телевизионного космодрома».

* * *

– Это я, – сказал Пахомов, снимая ботинки.

Люба не ответила, молчала, только смотрела – и во взгляде этом не было ничего, кроме самой констатации факта его прихода. Это было неприятно, но вполне терпимо.

– Поесть бы, – сказал Пахомов. – Сегодня целый день на ногах.

– Картошку будешь? – спросила Люба.

– Буду.

– Сейчас разогрею.

Она ушла на кухню, а Пахомов отправился в ванную мыть руки. Он был образцово чистоплотным человеком. Руки мыл долго и тщательно, потом так же тщательно вытирал их большим вафельным полотенцем. Такие продавались в комиссионном магазине на вокзальном рынке по сорок пять рублей одна штука. С такими симпатичными розовыми попугайчиками по краям... Идти на военкоматскую медкомиссию он решительно и бесповоротно передумал. «Сам на неё иди, – мысленно послал он военкоматского подполковника. – Заманильщик хренов. Пусть тебе голову отрезают. А я не хочу. Она у меня одна. Мне и с ней неплохо.»

Через пять минут он сидел на кухне и жадно пожирал разогретую картошку. Люба достала из трёхлитровой банки большой мягкий огурец. Огурец был один, а Пахомову хотелось ещё, но он промолчал. Один всё-таки лучше, чем совсем ничего.

– Ешь, – сказала она, – в нём витамины. Я недавно прочитала, что есть такая старинная примета: если человека укусит волк, то со временем этот человек сам становится волком.

– Интересно, – промычал Пахомов набитым ртом. – Познавательное. А меня в детстве укусила корова.

– Ну?

– Чего «ну»?

– К чему ты это сказал?

– К тому, что укусила.

– К твоему сведению, коровы не кусаются. Они жуют. Жвачные животные.

– Интересно, – повторил Пахомов. – Нет, всё правильно! В этом действительно что-то есть!

– В чём?

– А хотя бы в том, что я молоко очень люблю. Обожаю! А равно и другие молочные продукты.

Он тщательно вытер сковородку куском хлеба, сунул его в рот и пошёл спать. Люба вздохнула и уставилась в окно. И чего она там нашла интересного? Совершенно непредсказуемая женщина.

Ольга
ПЕРЕВЕРЗЕВА

СТИХИ

* * *

Я устаревшая тайна твоя.
И постаревшая. Просто. Как осень.
Та, что в дожде свои слёзы тая,
Дни размывает и тучи разносит.
Я измельчавшее счастье твоё
Недообъятий и недоговорок,
Редким признанием и частым враньём,
Спрятанным где-то в приподнятый ворот.
Я уцелевшая память времён,
Битых зеркал сохранив отраженье,
Вдруг позабыла значение имён,
Не признавая своё поражение.
Я – онемевшая совесть. Прости.
Нет больше сил ни просить, ни стучаться.
Есть лишь надежда свой крест донести.
Или с любимыми не разлучаться...

* * *

Когда я научусь прощать,
Устав до комы от прощаний;
Когда мне даже завещать
Вам будет нечего вещами;
Когда слетятся на порог
И чёрный ворон, и голубки;
Когда, не выйдя, выйдет срок
Куриль табак из мирной трубки, –
Я отдышусь, мой друг. Прощу
Своих врагов. Пусть жизни крохи
Склюёт тот ворон – угощу
Его, простив, в прощальном вздохе.
Когда я научусь прощать,
Всё так и будет, так и будет...
Но сытый ворон стал вращать
Быстрее Землю:
– Врёте, люди...

• **Ольга Переверзева** родилась в 1969 г. в Беларуси. Окончила МГПИ им. М. Горького по специальности «Психология и педагогика». Сотрудничала с республиканскими СМИ. Автор короткой прозы и поэтических подборок во многих литературных изданиях. Автор восьми книг. Член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России.

* * *

Сердце несчастное
Столько вместило:
Пыль придорожную,
Улицу гулкую,
Птицу тревожную,
В снах закоулками,
И невозможное
Тоже впустило.
Сердце всесильное
Столько простило:
Ночи безбрежные,
Бури свистящие,
Зори мятежные,
Ненастоящие,
И неизбежное
Прочь отпустило.
Сердце наивное
Думало сможет:
Последней утраты
Негромкий звоночек,
Как звоном набата,
Порвал горло ночи...
И безвозвратное
Гложет и гложет.
Сердце наивное
Думало сможет...

* * *

Не оставляй меня одну,
Пусть даже только на мгновенье.
Я буду слушать тишину
Застывших стрелок в онеменьи.
Не отдавай меня другим,
Пусть даже просто из обиды.
Сиюминутностью раним,
Не упускай меня из вида.
Не разлюби меня во сне,
Пусть это сон, где понарошку
Мы расстаёмся по весне,
Поверив мнимой чёрной кошке.
Не оставляй меня одну.
Я редко, мало что просила.
У глупой гордости в плену
Я не хочу казаться сильной.

* * *

Ты придёшь – я буду рада.
В промежутке – просто пусто.
С кем-то, где-то, будто рядом,
Словно осень – горстка грусти.
Ты придёшь – всё будет светом,
Даже ночь, подруга тени,
Будет праздником и летом,
Будет днём-всех-совпадений.
Будем вместе о хорошем
Вспоминать, как было б надо.
Сон, где будущее в прошлом,
Где я рада, где ты рядом...

* * *

Мимо церквей, площадей, фонарей,
Лавочки булочной пряного облака,
Модных салонов, зеркальных дверей,
Мемориально утраченных обликов,
Мимо больных городских голубей,
Старого парка с влюблёнными парами,
Мимо заброшенных монастырей
И автострад с приглушёнными фарами.
Мимо как будто и жизни самой...
Вдыхая пустое земное пространство,
Шла не навстречу, а вслед за тобой –
Привычка ошибочного постоянства.
Мимо, сквозь зимы трагичных вестей,
Слепая от горя, упрямая птица –
В поток вихревой, фарватер смертей...
Спаси её, Боже, не дай ей разбиться...

* * *

Где она живёт? С кем она теперь?
И кого зовёт после всех потерь?
Старое пальто, стоптанный каблук...
Не зовёт никто ни давно ни вдруг.
Как она живёт! Как кричит во сне!
Верит или врёт солнцу по весне?
Старенький мундштук и его пиджак...
Умер друг. И вдруг стало всё не так...
С кем она теперь, знал бы кто, кто б знал!
Хлопнула бы дверь...Хоть бы кто позвал...

* * *

В конце той дороги,
Где нет фонарей,
Где сонные боги
Встречают скитальцев,
Где сорваны ручки
Закрытых дверей, –
Сжимают распяты
Холодные пальцы.
У самого края,
Как пёс-поводырь,
Страницы листая
Линялой тетради,
Старик седовласый
Достанет псалтырь,
Вздохнёт и прошепчет:
Зачем? Чего ради?
У края дороги,
Где нет фонарей,
Где боль и тревоги,
Лишь рифмы в тетради,
Закат бледно-красный,
Как грудь снегирей,
Мне в сердце вольётся.
Прости, Христа ради...

* * *

Тебе жить да жить в светлой радости,
Проживать свой век, бед не ведая.
Тёплый встретить свет тихой старости,
Простоте святой смиренно следуя.
Тебе жить да петь песни мамины
И детей рожать в руки мужнины,
И по швам весны, по проталинам
Избежать всех бед, зла ненужного.
Так прости же ту, что до малости
Прожигает жизнь в одиночестве.
И не ждёт ничьих слёз из жалости,
И ни в чьи не верит пророчества.
Ей другой удел: звёзды пёстрые
Раздарить с небес, быть скиталицей.
Не смотри ей вслед. Плечи острые...
Ни о чём она не печалится...

* * *

Я ущербная, как луна,
Убывающая без возврата,
Среди звёздной толпы – одна –
Со свечением диковатым,
С неразгаданной сменой фаз,
Одиночеством белого цвета...
В сотни тысяч холодных глаз
Я смотрю... Но не вижу света...

* * *

Целовал на запястье родинки,
Будто шрамы к губам прикладывал,
Осторожно в глаза заглядывал,
Не загадывал больше вроде бы.
Целовал над ключицей впадинки,
Не дыша в пшеничные локоны,
Словно бабочку светлым коконом,
Обволакивал, грея ссадинки.
Сторожил сладкий сон на зорюшке,
Любовался её коленями...
Утром обнял, смолчал последнее,
И ушёл на войну... Ох, горяшко...

* * *

Просто, как будто уходит время,
Стекая с краёв закруглённых столов,
Снимая перчатки, уронит Бог семя,
Оно прорастёт, но мир будет не нов.
Тихо, как будто мелеет русло,
Стирая порезы на венах земли,
Уронит Бог слово, и ангел, чуть грустный,
Пойдёт по причалу встречать корабли.
Лёгкий, будто ангельский локон,
Оттиск ветров на пергаменте судеб.
И бабочку вечности, вшитую в кокон,
Уронит на Землю Бог... и забудет...

* * *

Этой страшной судьбы спирали
Зим, хрустящих бесстрашным снегом,
Не хранящим роскошной дали
Горизонта под ртутным небом.

В этой спешке кромешной люди,
В мешанине машин и гари,
Как в растрескавшемся сосуде,
Швы считают на тротуаре.
Шелест шин. И судьба-калека –
Под колёса – как в лёд из жара –
Одичавшего человека
В самом сердце земного шара...

* * *

Хочу, как птицы,
Сидеть на крыше,
Касаться неба
Хребтом без страха
И не бояться
Подняться выше,
И, если падать,
То в дым, до праха.
Хочу, как рыбы,
Владеть морями,
Лежать под толщей
Морской, глубинной,
Неуязвимо
Под якорями
Рыбачьей шхуны
И бригантины.
Хочу, как горы,
Стоять веками,
Молчать под снегом
И ждать вулканов,
И выть протяжно
С тех гор волками,
И не бояться
Щелчков капканов.
Проснуться рано
Хочу, как дети,
Умыться светом,
Согреться лаской.
И не просить
Ни о чём на свете,
А просто жить
Этой дивной сказкой...

Александр
ЮДИН

РАССКАЗЫ

ЧЁРТОВ АДВОКАТ

Ах, ты... ох, ты, чёрт! – простонал адвокат Семён Маркович Безакцизный, массируя поясничную область. – Чтоб тебя разорвало!

Так он отреагировал на неожиданную тянущую боль в левой почке. Наверняка – расплата за вчерашний ужин с клиентом в ресторации: переборщил с острыми закусками. При этом кому из них – почке или клиенту – адресовано это садистское пожелание, было не ясно. Поднявшись с дивана, он мелкими шажками, словно опасаясь что-то расплескать, просеменил в туалет.

– М-м, сатана! – раздался новый раздражённо-плаксивый возглас из-за туалетной двери. А через полминуты снова, с болезненным шипением: – С-с-сатана!

Находился он там достаточно долго, когда же наконец вышел, то имел вид задумчивый, почти мечтательный. Но уже в ванной Семён Маркович вновь схватился за поясницу.

– Фёрт, фёрт, тьяфол! чтоп фас фсех!.. — с чувством заявил он, яростно плюясь зубной пастой.

Завершив утренний моцион, он, согнувшись в эдаком полупоклоне и бережно придерживая себя за поясницу, пошаркал в гостиную, намереваясь лечь на диван и включить телевизор. Хотя и рано, а заснуть всё равно уже не удастся.

Однако стоило Семёну Марковичу переступить порог комнаты, он так и застыл с открытым ртом. И было от чего.

На его любимом кожаном диване, без церемоний закинув обутые ноги на журнальный столик, сидел один из его недавних клиентов, частный предприниматель Иван Карлович Тойфель, и невозмутимо раскуривал сигару, причём не «Боливар», которые Семён Маркович держал специально для гостей, а припасённую им исключительно для себя «Кабанья». Одет Иван Карлович был в чёрный костюм строгого покроя, контрастировавший с крайней бледностью его лица; на голову себе он нахлобучил вельветовую шляпу, совершенно не шедшую к остальному облачению.

– Иван Карлович?! Вы тут как?! Зачем вы тут?!

– Приглашён, – коротко отвечал г-н Тойфель, невозмутимо попыхивая сигарой; при этом дым шёл у него отчего-то не изо рта или носа, а выбивался откуда-то из-под шляпы.

• **Александр Юдин** родился в 1965 г. в Москве. Публиковался в российских и зарубежных литературных журналах, а также в сборниках «Настоящая фантастика-2011», «Самая страшная книга-2014» и др. Автор романов «Пасынки бога» (2009) и «Золотой лингам» (2012, в соавторстве с С. Юдиным).

- То есть как приглашён? Когда... куда... то есть кем?
- Ну вот, – пожал Иван Карлович плечами, – сам пригласил, а теперь манкирует. Нехорошо-с!
- Сам? Я? П-позвольте... – ещё больше растерялся Семён Маркович, – это когда же? Вчера разве? Или раньше... я абсолютно не помню, чтобы я вас... да нет, я совершенно уверен, что вас я...
- Не вчера и не раньше, а только что.
- Х-хы... – Семён Маркович недоверчиво дёрнул головой. – Я? Только что? Как это? Чертовщина какая-то!
- Именно, – кивнул Тойфель, выпуская из-под шляпы целое облако сизого дыма, – именно чертовщина.
- Позвольте! – спохватился вдруг Семён Маркович, отступая на шаг. – А-а... как вы здесь оказались?!
- О-хо-хо, – вздохнул Иван Карлович и поднялся с дивана, – мать моя София, какой непонятливый.
- А потом вдруг наставил на Безакцизного тлеющий конец сигары и, тыча им, будто обличительным перстом, тому в грудь, произнёс с некоторым раздражением:
- Дьявола, дьявола ты вызвал! Что ж тут непонятного?
- Какого... дьявола? Какого ещё дьявола? – только и мог повторять адвокат, пятясь под выпадами раскалённой сигары, пока не упёрся в книжный стеллаж. – КАКОГО ДЬЯВОЛА!!
- Позвольте откомендоваться, – поклонился г-н Тойфель с официальным видом, – барон Мальфас, к вашим услугам. – И добавил, по-военному щёлкнув каблуками: – Второй чин третьего легиона.
- Почётного? Почётного легиона?
- Ангелов бездны. Ну ты Данте читал? Вон же он у тебя на полочке стоит, между «Исследованием скопческой ереси» В. И. Даля и «Разысканием об убийстве евреями христианских младенцев и употреблении крови их» того же автора.
- Ч-читал, – в полной растерянности пробормотал Семён Маркович севшим голосом, – правда, только «Ад». Кажется, ещё «Чистилище»... а «Рай» не одолел... не одолел... не одолел... Гос-споди, при чём тут Данте?!
- Фуй, фуй! – по-кошачьи зафыркал назвавшийся бароном Мальфасом г-н Тойфель. – Один из них точно ни при чем. Точнее, ни к чему... М-да, народец нынче пошёл сплошь малограмотный. Какой там Дионисий Ареопагит – Данте Алигьери не знают! Ладно уж, объясняю, так и быть. – Гость вздохнул с видом столичного политехнолога, вынужденного читать лекцию коллективу животноводческого хозяйства. – Все ангельские чины, чтоб ты знал, делятся на три триады, или лика. К высшему лику относятся серафимы, херувимы и престолы. Средний составляют господства, силы, власти. Наконец, завершают иерархию – начала, архангелы и ангелы. А поскольку мы, дьяволы, суть падшие ангелы (про это-то ты хоть слыхал?), у нас почти всё то же самое. Только заместо ликов – легионы. Считай, три легиона по три чина в каждом. Совершенно понятно. Ну, к примеру, мой чин соответствует архангельскому. Ферштейн?
- Э-э... мм, гг, вы хотите сказать, что вы... э-э, в самом деле дьявол? – выдавил из себя Семён Маркович и, не сдержавшись, истерически захихикал в кулак.

– Вот именно. Не тот, с большой буквы, но и не из рядовых. – Заметив, что Безакцизный по-прежнему продолжает хихикать, Тойфель-Мальфас растянул бескровные губы в ответной ухмылке: – Что, не веришь на слово? Доказательства требуются? Ох, адвокатская душа! Что ж, изволь. Сейчас ты узришь моё истинное обличие, – торжественно заявил он. И добавил: – Соберись...

– Фу-у! – с чувством произнёс Мальфас-Тойфель через минуту, отступая по-дальше от лужи блевотины. – Посмотри, что ты натворил, едва не уделал меня. Мог бы потерпеть из вежливости. Просил же – соберись... И утри лицо – смотреть противно.

– Г-господин... э-э... барон, – выдавил из себя через некоторое время Семён Маркович, – могу я узнать, чему, так сказать, обязан вашим... э-э... визитом?

– Опять двадцать пять! Ты же сам меня вызвал.

– Да? Вот как... Но, позвольте, каким образом? Буквально, то есть ни сном ни духом...

– Ты исполнил условия ритуала, – пожал плечами дьявол.

– Какие условия?

– В шестом часу шестого числа шестого месяца на протяжении одиннадцати минут шестикратно помянуть мое имя, вот какие.

– Ах, так! – почти радостно воскликнул Безакцизный. – Так уверяю вас, господин барон, это вышло совершенно случайно. То есть абсолютно! Ни сном, как говорится, ни духом.

– Какое мне дело? – вновь пожал плечами чёрт. – Случайно, не случайно... Он, понимаешь, ни ухом, ни брюхом, а мне – мотайся. Концы, между прочим, не близкие, – Мальфас даже плюнул в сердцах. – Короче, раз случайно, тогда я удаляюсь. Позвольте откланяться, ауфвидэрзеен, майн фройнд.

С этими словами барон Мальфас аккуратно положил сигару на край пепельницы и направился к входной двери.

– Ой! – удивлённо воскликнул Семён Маркович. – Иван Карлович, у вас пиджак сзади разрезан. И на шляпе пятно.

– Твой Иван Карлович три дня как помер, – не оборачиваясь, раздражённо бросил гость.

– Вот чё-ерт! прошу прощения... Но как так, однако, умер?

– А так. Взял себе да и помер, тебя не спросил. Шесть пулевых ранений грудной клетки и два – брюшной полости, да ещё контрольный – в голову; полкумполо снесло напрочь. Что ему ещё оставалось?

– Я не совсем понимаю, – смутился Безакцизный, – но вот же... но как же... однако...

– Это ты про тело? – уточнил лже-Тойфель и неприятно хихикнул. – Его я временно позаимствовал, на правах старого знакомого, хе-хе! Нам, чертям, в жмурика вселиться легче всего.

– О! О! То-то я чувствую, попахивает от вас... специфически.

– Ладно, мне пора, а то в морге хватятся.

– Один момент, постойте, погодите! – вдруг всполошился Семён Маркович. – Разрешите полюбопытствовать... а-а... что вы ожидали от своего, так сказать, визита? В смысле, для каких надобностей вас, э-э... вызывают обыкновенно? Ну, которые остальные прочие.

– Да всё всегда одно и то же, – отмахнулся чёрт. – Власти, денег хотят, здоровья, мужской силы, женщин, вечной жизни... да мало ли у вашего брата желаний? И не сосчитать.

– Вечной жизни? – неожиданно заинтересовался Безакцизный. – И вы это можете?

– В преysкуранте не значится, – усмехнулся Мальфас, и мёртвые глаза его тускло замерцали, точно уголья в остывающей печи.

– Жалость какая! – сокрушённо воскликнул Семён Маркович. – Но почему же, почему?

– Потому что это обесценило бы встречные обязательства клиента, – пояснил барон и вдруг подмигнул Безакцизному. – А тебя, вижу, зацепило? Будем заключать договор?

– Договор – это, в смысле, я вам душу, а вы мне что-нибудь существенное, согласно преysкуранту?

– Ну вот, видишь – ты и сам всё знаешь. Так как, ударим по рукам?

– Скажите, – замялся Семён Маркович, – вечная жизнь под запретом – это я понял, но могу ли я, к примеру, оговорить для себя долгую, очень долгую жизнь?

– Насколько долгую? – прищурился чёрт. – Конкретику давай: срок, дата, возраст. Ты ж юрист, должен понимать.

– Ну-у... э-э... м-м-м... – засомневался адвокат, – а до завтра подумать можно?

– Морген, морген, нур нихт хойтэ? Не можно! Говори сейчас. Или никогда.

– Сколько тогда попросить? Как же быть? – потерянно забормотал Семён Маркович.

– А про свою бессмертную душу ты уже всё решил? – уточнил Мальфас с нехорошей ухмылкой. – Уступаешь?

– Душа? Да, да, конечно, душа... Душа – товар не пустячный; вот я и боюсь продешевить. Между прочим, – оживился адвокат, – раз предмет договора – душа, а душа, как вы только сейчас недвусмысленно заметили, вещь бессмертная, то логично было бы получить взамен этого предмета нечто равноценное, например вечную жизнь. Вот это было бы справедливой сделкой. Что? Нет? Понял, понял – вечность просить нельзя... а сколько можно? Какова, так сказать, верхняя планка, где граница дозволенного?

– Не скажу, – отрезал чёрт. – Называй свою цену, а мы посмотрим. Но я тебе другое скажу: если ты сейчас снова чего-нибудь бессмысленное попросишь, я разворачиваюсь и ухожу. В конце концов, вызов твой можно считать ошибочным.

– Понял, понял, – продолжал лихорадочно бормотать Безакцизный, – но тогда сколько же, сколько просить? Много, пожалуй, не дадут, а мало – смысла нет... Вот не было печали, так черти... ой, простите!

– Ну-у! – теряя терпение, взревел дьявол.

Однако Семён Маркович продолжал затрудняться; он хмыкал, мемекал и шарил взглядом по книжным полкам, словно надеясь отыскать там подсказку. Вдруг взгляд его остановился и посветлел.

– Эврика! – воскликнул он и выхватил из ряда книг увесистый том. – Я придумал, придумал!

– Ну, слава тебе... – вздохнул Мальфас и поперхнулся, – тьфу, едва в грех не ввел, окаянный! Говори уже, не мешкай.

– Хочу прожить столько лет, сколько лет этой вот книге, – на едином дыхании выпалил Семён Маркович, потрясая фолиантом.

– Позволь-ка, – хмыкнул барон, забирая книгу из рук Безакцизного, – так-так... «Сочинения М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина)», том седьмой, издание автора, С.-Петербург, типография М. М. Стасюлевича, 1889 год. Что ж, замечательное издание: кожаный переплёт с бинтами, тиснение золотом, коленкоровая крышка... гм, гм, отличное качество печати, на веленовой бумаге... сохранность просто исключительная, идеальная. Ну-с, давай прикинем: сейчас у нас 2019-й на дворе, верно? Значит, книжке твоей 130 лет... гм, чуть поменьше, но пускай – округлим в твою пользу, я добрый. Что тебе сказать? Книга добротная, хотя уникальным это издание не назовешь. Но в целом, повторяю, выбор достойный. Однако и срок жизни, тобой истребованный, тоже. Хотя... Меня вот что смущает: я смотрю, в твоей библиотеке есть и другие антикварные издания.

– У меня все издания антикварные, – возмутился Семён Маркович, – все – до семнадцатого года.

– Я и говорю, – согласился дьявол, – сплошь кожа да сафьян. Собрание у тебя важное. Но отчего тогда ты выбрал именно Салтыкова? Вон, у тебя сочинения Пушкина в пяти томах, кажется, более раннего года издания... ну-ка, поглядим... Так и есть: 1882 год, московское издательство Анского. О! А вот, к примеру, трёхтомные сочинения Хмельницкого – издание Смирдина 1849 года, правда, изрядно потрёпанное. Постой-ка, постой, а «Христианские младенцы» Даля которого года?... Эге, «напечатана по приказанию г. Министра Внутренних Дел. 1844». Кстати, если тебе интересно, я некоторым образом способствовал появлению сей книги на свет. Приложил, хе-хе, руку. А потому мне не понаслышке известно, что набрана она была всего в десяти экземплярах. И наверняка сохранились из них далеко не все.

– До нас дошёл единственный, – уточнил Безакцизный, – тот, который сейчас перед вами.

– Стоит, поди, немерено, – уважительно кивнул чёрт. – Отчего же выбор пал на Щедрина? Или ты мне, любезный, какой подвох готовишь? Не советую.

– Никакого подвоха! – с обидой в голосе воскликнул Семён Маркович. – Вы ж меня задёргали совсем, вот я и схватил первую, что попала под руку. Наверное, сработала мышечная память – я Салтыкова-Щедрина частенько перелистываю, нравятся мне и автор, и издание.

– Мышечная память, говоришь? – с сомнением прищурился Мальфас. – А поменять, скажем, на Хмельницкого не желаешь?

– Желаю, – с готовностью согласился Семён Маркович.

– Впрочем, раз выбрал, пускай так оно уже и остаётся. Тэ-эк-с, – потёр руки дьявол, – значаца, теперь подпишем мы с тобою договор – и всё.

С этими словами барон ткнул рукой куда-то влево, послышался звук, как если бы рвали тонкую материю, и неожиданно добрая половина его руки исчезла, точно растаяв в пространстве. Но уже через мгновение рука была на месте, а синюшные пальцы намертво сжимали пергаментный свиток. В комнате остро пахло сероводородом.

– У вас там всегда так пахнет? – обеспокоился Безакцизный.

– Не всегда. Только если ветер с Гехиномской пустыни. А когда со стороны Коцита дует, так и ничего, – пояснил Мальфас, вручая свиток. – Подписывай.

– Позвольте! Надо бы сначала ознакомиться с документом, хотя бы для порядка.

– Давай, – хмыкнул чёрт, – знакомься, протокольная душа.

Семён Маркович развернул пергамент и принялся читать вслух: «I. Мы, всемогущий Люцифер, император Адских земель, король Тьмы, герцог всех окаянных, сегодня, в лице Нашего полномочного представителя барона Мальфаса, заключаем Договор о союзе с Семёном Марковичем Безакцизным, который теперь находится с Нами. И Мы обещаем ему любовь монахинь, цветы девственности, милость властителей, всемирные почести, удовольствия и богатства. Он будет вступать во внебрачные связи каждые два дня; увлечения будут приятны для него. Он будет приносить Нам раз в год дань, отмеченную его кровью; он будет попираť ногами реликвии церкви и молиться за Нас. Благодаря действию этого договора он проживёт счастливо сто тридцать лет на земле среди людей и, наконец, придёт к Нам, понося Господа. II. Мой хозяин и господин Люцифер, в обмен на вышеупомянутые обещания я признаю Тебя как моего Господа и князя и обещаю служить и подчиняться Тебе в течение всей моей жизни. И я обещаю Тебе, что я буду совершать столько зла, сколько смогу, и что я приведу многих к совершению оногo. Я отрекаюсь...».

– Бредятина какая-то! – не дочитав документа, воскликнул Безакцизный и швырнул свиток на диван. – Тут надо всё переделать.

– Полегче, любезный, – нахмурился Мальфас. – Ишь, ушлый выискался! Десять веков всё всех устраивало, а ему, вишь, бредятина... Договор типовой, нельзя в нём ничего менять.

– Десять веков! – всплеснул руками Семён Маркович. – Да он уже лет двести как устарел. На кой мне, к примеру, любовь ваших монахинь? А что это ещё за «цветы девственности»? Как прикажете понимать сей звфеизм? Потом, я вовсе не хочу каждые два дня вступать во внебрачные связи. В моём-то возрасте! И вообще, с этим делом я как-нибудь сам... А на кой, простите, чёрт, вменять мне в обязанность «попирание ногами реликвий Церкви»? Эдак я, пожалуй, всю выторгованную жизнь где-нибудь в психушке проведу, типа маркиза де Сада! Наконец, договор просто юридически некорректен и даже противоречит нормам гражданского законодательства. Где обязанности сторон, ответственность, форс-мажор? Опять же, существенные условия: предмет договора, цена товара, порядок, сроки и размеры платежей – всё как-то нечётко, размыто или отсутствует вообще. А существенные условия должны быть прописаны ясно и недвусмысленно, чтобы исключить возможность двойного толкования в последующем. Кроме того, ни слова не сказано про то, сохраняется ли за мной на весь срок действия договора молодость или же я буду стариться в обычном порядке? Хорошенькое дело! Или вот тут, в самом начале, в преамбуле, отмечено, что вы – уполномоченное лицо Люцифера. А доверенность ваша где, м-м-м? В таком случае к договору непременно должна прилагаться доверенность!

– Ты что же, – рыкнул дьявол, – сомневаешься в моих полномочиях?

– Не в том дело, – отмахнулся Безакцизный, – однако доверенность приложить всё одно следует. Дабы подтвердить, что подписант – уполномоченное лицо; в противном случае договор могут счесть оспоримым. А оно нам надо?

– Ладно, будет тебе доверенность, – подумав, проворчал барон Мальфас. Видимо, юридическая риторика и доводы адвоката его всё же впечатлили.

– Послушайте, г-н барон, – предложил Семён Маркович, поднимая пергамент с дивана, – давайте поступим так: я сейчас сяду и прямо здесь, на месте, подготовлю новый договорчик. Уверю, много времени это не займет. Минут пятнадцать-двадцать от силы. Зато уж он будет полностью соответствовать и нормам права, и обычаям делового оборота.

Барон Мальфас с минуту пристально разглядывал Безакцизного, а потом махнул рукой.

– Время пошло.

Адвокат метнулся в другую комнату, притащил ноутбук и, плюхнувшись в кресло, картинно встряхнул кистями, словно пианист перед выступлением. Затем принялся стрекотать по клавиатуре столь стремительно, что, правда, не прошло и получаса, как новый вариант договора был готов и распечатан в двух экземплярах.

– Вот, – заявил Семён Маркович, протягивая листы барону, – такое соглашение я готов подписать хоть сейчас.

Дьявол взял один экземпляр и принялся с сомнением просматривать.

– Тэк-с, тык-с, тык-с, «в дальнейшем именуемый «Покупатель»... – сосредоточенно бубнил он себе под нос, – ... тэк-с... «далее по тексту «Продавец»... тэк-с, тэк-с... «совместно именуемые – «Стороны»... тэ-эк-с, «Предмет договора: Продавец обязуется... бессмертную душу, далее именуемую «Товар»... Покупатель, в свою очередь, гарантирует...»; что ж, годится. Тэк-с... «Ограничения и обременения»... «Права сторон»... Ну, это понятно... тут тоже... ладно, пускай... гм, впрочем, пускай его... тык-с, тык-с... ага, вот: «Обязанности сторон». Читаем... тэк-с, тэк-с, тэк-с... Ну что же, – резюмировал он наконец, – несколько для меня непривычно, по-новомодному, но, полагаю, можно подписать и в таком виде. Вот только согласую с руководством.

– А это долго?

– Чёрт его знает, – ответил чёрт и провалился сквозь паркет.

На сей раз ждать пришлось действительно немного дольше, а может, Семёну Марковичу это только так показалось; он нервно расхаживал по квартире, когда раздался звонок в дверь.

– Кого ещё чёрт принёс, – проворчал адвокат, – так не вовремя.

На пороге стоял барон Мальфас.

– Измаялся, небось? – спросил он и подмигнул мутным покойническим глазом.

– Оперативно вы, – признал Семён Маркович.

– Начальство требует, приходится рвать когти, – ухмыльнулся барон и протянул Безакцизному экземпляр договора; в левом нижнем углу виднелся явственный отпечаток раздвоенного копыта, а рядом, в скобочках, значилось: «Велиал II Безъременный».

– Это... э-э, пятно, так понимаю, означает, что договор согласован? – уточнил Семён Маркович.

– Правильно понимаешь. Ну-с, а вот и доверенность. Садимся, подписываем?

– Сейчас. У меня как раз есть ручка со специальными несмываемыми чернилами, берегу для особо важных документов, – засуетился Безакцизный.

– Семён Маркович! – иронически протянул черт.

– Ах, ну да, конечно, разумеется, – догадался Семён Маркович и смущённо добавил: – Я крови боюсь.

– Здравсьте! – ещё больше развеселился бес. – Как из клиентов её литрами пить, он не боится, а тут – нате, перетрусил. Давай сюда руку! Левую, не правую. Вот так.

Когда всё было кончено, барон сунул свой экземпляр договора в карман и молча направился к выходу. Уже за дверью он обернулся и, пристально глядя Безакцизному в глаза, хрипло пробасил:

– Айл би бэк.

Через восемьдесят девять лет, когда Председателю межпланетной гильдии адвокатов и видному общественному деятелю Семёну Марковичу Безакцизному стукнуло сто тридцать, к воротам его загородного замка припарковался аэрокатафалк фирмы «Харончик и сыновья»; из катафалка вышел незнакомый Председателю покойник и приветственно помахал камере наблюдения.

– Не ждал, старый греховодник? – злокозненно поинтересовался усопший, представ перед Семёном Марковичем.

– Как можно, васьсиясь, разумеется, ждал, – отвечал Безакцизный. – Уже и сигарку припас – «Кабаньясь», как вы любите.

– Очень мило, – усмехнулся барон Мальфас. Из-за того, что лицевые мышцы слушались его плохо, улыбка вышла чуть натянутой. – Но не будем тратить время, ты и так им от души попользовался. – Дьявол окинул взглядом роскошные апартаменты. – Ишь, прямо Валтасаров дворец. А ты нисколько не изменился, даже помолодел, курилка, – добавил он, хлопая адвоката по плечу.

– Так предусмотрено соглашением. Что ж, пройдемте в библиотеку?

– Зачем это? – удивился чёрт.

– Ну, как же – сверимся с условиями договора, вдруг какая накладка. Или коллизия.

– Какая, к дьяволу, коллизия? – нахмурил брови барон. – Наша сторона свои обязательства выполнила, теперь черёд за тобой – пробил час платить по счетам – упала стрелка, сделано, свершилось. И не вздумай увиливать, даже не пытайся!

– Мне всё же кажется, что вы несколько торопите ход событий. И превратно толкуете условия нашего договора. Впрочем, пойдемте в библиотеку, там всё и проясним.

Дьявол мрачно хмыкнул, но пошёл следом за адвокатом.

– Ну, где договор? – с раздражением спросил Мальфас. – Смотри, если там какие подчистки, так второй экземпляр у меня – сверим.

– Как же вы плохо обо мне думаете, – поразился Семён Маркович. – Подчистки, фи! А договор вот он. Так, читаем... бла-бла-бла... ага, вот: «...Покупатель обязан предоставить Продавцу земную жизнь общим сроком (считая с рождения и до дня смерти), равным возрасту седьмого тома сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина), изданного в г. С.-Петербурге, в типографии М. М. Стасюлевича в 1889 году, каковая книга является неотъемлемым Приложением к настоящему Договору и подлежит дальнейшему хранению у Продавца».

– Ну? И что дальше? – нетерпеливо бросил барон.

Вместо ответа Семён Маркович подошёл к книжным стеллажам и, отключив защитное поле, бережно взял в руки знакомый том в кожаном переплете с бинтами.

– Вот она, родимая моя, – любовно проворковал он, протягивая книгу Мальфасу, – двести девятнадцать лет, а она всё как новая.

Дьявол раздражённо выхватил у него из рук фолиант.

– В чём подвох? – спросил он через минуту, тщательно оглядев и даже обнюхав книгу.

– Никакого подвоха, помилуйте! – обиженно округлил глаза адвокат. – Просто мы же с вами уговорились, что проживу я столько же, сколько лет этой книге. А сколько ей лет? Правильно, двести девятнадцать. Мне же сегодня всего сто тридцать исполнилось. Вот и выходит, что поторопились вы со своим визитом!

– Постой-ка, постой, – озадаченно произнёс чёрт, – что ж это получается? Это значит, что когда тебе стукнет двести девятнадцать лет, книга состарится вместе с тобой и тем самым срок твоей смерти снова отодвинется на очередные восемьдесят девять лет? Ты что же, собрался жить вечно?!

– Не совсем так, – хихикнул адвокат, – ведь когда-нибудь книга рассыплется в прах. Надеюсь только, это произойдет не скоро – я за ней тщательно ухаживаю: берегу от пыли, регулярно проветриваю, корешок смазываю пчелиным воском и ланолином. Так что вы давеча правы были: мой выбор пал на эту книгу не случайно, просто она из всего моего собрания находилась в самом идеальном состоянии, да и качество материалов, из которых она изготовлена...

– Шалишь, брат! – перебил его чёрт. – Я, между прочим, в пекле не блины пёк – было время, чтобы поизучать ваши законы, – знал ведь, с кем имею дело. Так вот, согласно части третьей статьи сто пятьдесят девятой Гражданского кодекса, что действовал на момент заключения нами сделки, устные договоренности сторон также имеют силу.

– Ну и что? – пожал плечами Безакцизный. – Мы и в устной форме оговорили ровно то, что записали потом в договоре.

– Э, нет, – заупрямился Мальфас, – я помню прекрасно: изначально речь шла именно о ста тридцати годах.

– Неправда! Я юрист и словами не бросаюсь.

– А вот мы это сейчас проверим, – заявил дьявол и принялся выводить руками замысловатые пассы. Через мгновение посреди библиотеки сформировались две полупрозрачные фигуры – давно убиенного псевдо-Тойфеля и адвоката Безакцизного.

«Хочу прожить столько лет, сколько лет этой вот книге», – глухим, словно дальнее эхо, голосом произнёс призрачный двойник Семёна Марковича.

– Видите, видите! – с ликованием воскликнул последний. – Конкретной цифры я не называл. И слов о том, что речь идёт о возрасте книги на момент заключения сделки, тоже не прозвучало.

– Но ты не утверждал и обратного.

– Правильно. Эту мою фразу можно толковать двояко, поэтому следует обратиться к письменному документу – договору...

– Но в нём тоже нет никаких цифр! – прорычал Мальфас.

– В соответствии со статьей четыреста тридцать первой Гражданского кодекса во внимание должно принимать буквальное значение содержащихся в договоре слов и выражений. А буквальное истолкование – моё!

Барон Мальфас некоторое время молча смотрел на Безакцизного, а потом увещевательно произнёс:

– Ну ты что, и вправду настроился на вечную жизнь? Подумай хорошенько, про Вечного Жида вспомни. Ведь вечная, нескончаемая жизнь – это проклятие; ты же взвоешь от скуки. Предлагаю компромиссное решение...

– Бросьте! – в свою очередь перебил его адвокат. – Бросьте, господин барон. Проклятие и скука – это для бездельников да глупцов, для тех, которые и в отмеренный-то им срок скучают да маются. Работать надо, дело делать, оно тогда и не скучно вовсе. В конце концов, мир, вселенная – бесконечны; чем не безграничный полигон для вечного познания? Вот я, к примеру, за свои сто тридцать лет совсем не пресытился... Э, да вы, ваше сиятельство, вижу, расстроились. Что, попадёт вам от руководства? Кто ваш непосредственный-то начальник? Князь Ада Велиал Безъяремный? Он, если не ошибаюсь, из херувимов будет, то бишь второй чин первого легиона ангелов бездны? Хе-хе, как видите, пока вы штудировали право, я в основы демонологии вникал, тоже не терял времени-то...

– С чёртом шутики шутить вздумал?! – рявкнул дьявол, трясая указательным пальцем перед самым адвокатским носом. Вдруг кончик его пальца покраснел, раскалившись точно кузнечный оковалок, и он с силой ткнул им в драгоценный том. Раздалось шипение, остро пахнуло серой, и книга – вся и разом – полыхнула синим адским пламенем.

– Библиотеку мне не пожги, нехристь! – всполошился Семён Маркович.

– Я чёрт, а не Геббельс.

Через пару секунд от седьмого тома сочинений Салтыкова-Щедрина осталась лишь горстка серого пепла. Чёрт дунул на неё – и та рассеялась по комнате невесомым облачком.

– Ну что?! – торжествующе воскликнул он. – Понял теперь, как с Нечистым тягаться, бумажная душа? Так и быть – дополнительные восемьдесят девять лет сверху ты себе отыграл, чёрт с тобою – я добрый. Зато, когда я заявлюсь к тебе в следующий раз, книги – твоей спасительницы – у тебя уже не будет. Что предъявишь ты мне тогда? И вот тогда – тогда тебе придётся отправиться со мной – в самое Пекло, ох, и там-то мы – ла-ла-ла! повеселимся от души, от души!

С этими словами дьявол, видимо, не в силах сдержатъ эмоции, закружил по библиотеке, приплясывая и мурлыча себе под нос на мотив «Сатана там правит бал»: «Ла-ла-ла-ла! Ла! Ла-ла!»

Всё это время Семён Маркович внимательно, с лёгким сочувствием, наблюдал за бароном, а потом, откашлявшись, произнёс:

– В принципе, я мог бы и не информировать вас сейчас, но ваши визиты всякий раз сопряжены с появлением трупов, а я их, извините, с трудом перевариваю.

– О чём это ты? – спросил чёрт, прерывая победную пляску.

– По ходу нашего прошлого разговора вы сами отметили, что выбранное мной издание не является уникальным. Мне и впрямь не составило особого труда отыскать и приобрести другой экземпляр этой самой книги. Так что том, которому вы сейчас устроили столь эффектное аутодафе, – дубликат.

– Врёшь! – взревел дьявол; когда бы в теле, в котором он сейчас пребывал, оставалась хоть капля крови, он наверняка побагровел бы от злости, а так лицо его только ещё сильнее налилось трупной синевой, местами даже позеленев. – Где тогда оригинал?! Изволь предъявить!

– Оригинал сохраняется в банковском сейфе, запаянный в платиновую капсулу.

– Адрес банка! Живо! Я должен удостовериться!

– Разумеется, – согласился адвокат, с готовностью называя Мальфасу адрес, – только, прошу вас, держите себя в руках, не надо больше актов вандализма, имейте в виду...

Но дьявол, не обращая на Безакцизного внимания, как давеча сунул левую руку по самое плечо куда-то в иное пространство и принялся лихорадочно там шарить. Неожиданно он пронзительно взвизгнул и поспешно, изрыгая хулу и проклятия, выдернул руку. Семён Маркович с удовлетворением отметил, что материализовавшаяся конечность изрядно обуглилась и аж дымится.

– ...имейте в виду, – закончил он, – что капсула с книгой помещена в сосуд со святой водой.

– Чёртов, чёртов адвокат!!! – завопил барон, тряся искалеченной рукой. – Хитрожабая bestия!! Твоё место в аду! У тебя же Пятый Росщеп Злых Щелей на лбу отпечатан! Чтоб тебя чёрт побрал! Ну погоди – уж я тебе!..

Так и не конкретизировав до конца своей угрозы, дьявол в дыму и пламени провалился сквозь пол, вероятно, на ковёр к руководству. И более уже никогда Семёна Марковича Безакцизного не тревожил.

Потому что недаром говорят: хороший адвокат и чёрта закружит.

ПАРАЗИТ

Как то раз Иван Яковлевич – москвич пятидесяти с хвостиком лет, возвратившись воскресным вечером с дачи и переодевшись в домашнее, уютно устроился в кресле напротив телевизора. Прихлёбывая крепкий ароматный чай, заедая его белёвской пастилой, он рассеянно внимал ведущему новостной программы. Однако ни чай, ни напряжённая мировая обстановка не могли побороть его дремоты – сказывалась усталость после дачного отдыха.

Иван Яковлевич широко зевнул, лениво почесал грудь и нахмурился – под правым соском пальцы нащупали нечто постороннее. Хмыкнув, он прошёл в ванную и посмотрелся в зеркало. Так и есть, на правой грудной мышце виднелась какая-то крохотная – не больше булавочной головки – чёрная точка. Родинка что ли? Так вроде раньше не было. Кольнула неприятная догадка: уж не подцепил ли он на подмосковном пленэре клеща?

Вернувшись в гостиную, Иван Яковлевич взял с полки, где стояли альбомы с коллекцией марок, лупу с подсветкой и попытался как следует изучить новообразование. Да, весьма похоже, что это и впрямь клещ. Но полной уверенности не было, уж очень малюсенькая штука, даже с увеличением толком не разобрать. Иван Яковлевич бросил взгляд на часы: половина одиннадцатого, значит, ехать в медучреждение наверняка поздно. Ладно, придётся до утра отложить, тем более, может, это никакой и не клещ.

Перед сном Иван Яковлевич на всякий случай ознакомился в интернете с различными способами самостоятельного избавления от клещей, заодно почитал кое-что и о самом паразите. Оказалось, что клещи не насекомые, как он до сих пор полагал, а членистоногие паукообразные, к тому же одни из древней-

ших обитателей нашей планеты. Сменялись эры, эпохи и периоды, появились и вымерли динозавры, на смену всемирным оледенениям приходили глобальные потепления, а клещи спокойно и продолжали существовать, невзирая ни на какие космические, геологические и климатические катаклизмы. Ещё он выяснил, что хищные кровососущие клещи способны обходиться без пищи по многу лет кряду. Зато впивавшись в жертву, проявляют чудеса прожорливости, увеличиваясь в размерах в сотни раз. «Прелюбопытные, однако ж, твари», – подумал он, засыпая.

Сон его был беспокойным. Сначала полночи блуждал он в некоем первобытном лесу, влажном и удушливом, среди древовидных хвощей и папоротников, а вокруг кишели самые невообразимые создания: стремительно металась какие-то гигантские сколопендры, пёрли напролом похожие на броневики мокрицы, важно ползали жирные многоцветные гусеницы, с жестяным скрежетом бегали и летали рогатые, носатые и усатые жуки, размерами не уступающие грузовикам; и все они друг дружку беспрестанно жрали, жрали, жрали... Потом привиделось ему, что на кассе в «Пятёрочке» полез он за бумажником, а вместо того вытащил из кармана полную пригоршню не то блох, не то паучков. Попытался он их стряхнуть, да не тут-то было: те полезли ему в рукав, проворно расплзаясь по телу. Кассирша же, увидав его замешательство, засмеялась ехидно и говорит: «А вы слижите их, слижите! Они очень калорийные – чистый белок».

Утром всякие сомнения в истинной природе его новообразования отпали. Чёрная точка раздулась в шарик, и стало видно, что это сегментированное тельце кровососа; даже малюсенькие лапки при некотором старании можно было обнаружить.

Накануне Иван Яковлевич выяснил, что клеща следует залить одеколоном или другой спиртосодержащей жидкостью, тогда он засохнет и сам отвалится. Или аккуратно выкрутить пинцетом. «Последний способ, пожалуй, надёжнее», – решил он. Однако, взяв пинцет, понял, что действовать придётся левой рукой, что неудобно, и есть риск оставить головку в теле. Тогда Иван Яковлевич обильно смочил ватный тампон лосьоном после бритья, но неожиданно замешкался.

Душу его посетило какое-то трудноопределимое чувство... сродни жалости что ли? Клещ был таким беззащитным, таким махоньким, пухленьким... Ну посощёт чуток крови, от Ивана Яковлевича не убудет. Это были странные, и для него в общем-то чужеродные ощущения, поскольку до сей поры он за собой никаких симпатий к паукообразным, тем более к паразитам, не замечал.

А с другой стороны, если рассуждать здраво, стоит ли заниматься самолечением? Не лучше ль в обед или после работы зайти в травмпункт, где ему надёжно и профессионально удалят членистоногого друга, заодно на исследование пошлют – мало ли что? Вдруг он разносчик какой-нибудь жуткой инфекции? Он выбросил тампон в мусорное ведро, оделся и пошёл на работу.

Понедельник в их офисе выдался таким суматошным, что Иван Яковлевич и думать забыл про своего клеща, а вспомнил только дома, под душем. Клещ за день изрядно подрос и походил теперь на крупную виноградину сорта «дамские пальчики». Как такого самому вытащить? Ещё лопнет! Иван Яковлевич вздохнул и твёрдо пообещал себе, что завтра прямо с самого утра отправится к доктору.

Ночью Ивану Яковлевичу приснился чудной сон. Будто бы сидит он за столом на кухне и играет в шахматы. Вообще-то он любил это дело, но как человек бес-

семейный, обыкновенно играл сам с собою. А на сей раз у него имелся соперник. И соперником этим был клещ!

Впрочем, во сне особенного удивления у Ивана Яковлевича эта казусная ситуация не вызвала. Тем паче, вдвоём-то играть куда интереснее, да и клещ оказался занимательным собеседником и неплохим игроком. Уже в дебюте он захватил своими пешками центр доски, быстро и грамотно ввёл в бой легкие фигуры, при этом надёжно укрыв от атак короля.

– Как вы вообще играете? – любопытствовал Иван Яковлевич. – У вас же глаз нет.

– Зато нюх исключительный, – объяснил клещ, выводя коня на F6.

– Да, но у вас же, простите, и мозгов нет, – ставя слона на G5, засомневался Иван Яковлевич.

– Они мне без надобности, – хмыкнул клещ. – Всё, что нужно, я нюхом чую. Запомни, братан: главное в любом деле – хороший нюх.

– Не могу с вами согласиться, – возразил Иван Яковлевич. – А как же ум, интеллект? Интеллект вещь полезная, даже необходимая. И в жизни, и в бизнесе, и...

– Ой, ща лопну! – заржал клещ, хватаясь за бока. – И сильно он тебе помог, интеллект-то? Как любит выражаться твой шеф, Зариф Алиханович: эсли ты такой умный, пачему такой бэдный? Верно цитирую? Когда на то пошло, в бизнесе интеллект вовсе не нужен.

– Как так? – поразился Иван Яковлевич. При этом тот факт, что клещ знаком с его шефом, Ивана Яковлевича абсолютно не смутил.

– А вот так. Вспомни хотя бы девяностые годы, эпоху, так сказать, первоначального накопления капитала. У любого владельца палатки с шаурмой на Москворецком рынке денег в карманах шуршало больше, чем у дюжины профессоров МГУ. А шаурмен этот слово «брат» с двумя ошибками писал. Скажешь, нет? Если хочешь знать, для успеха в бизнесе потребны лишь три качества, и интеллект в их число не входит.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Иван Яковлевич, разменивая свою ладью на слона и пешку противника, – какие же это качества?

– Хитрость, жадность и беспринципность – вот какие, – пояснил клещ, в свой черёд отдавая коня за три пешки.

– И только? – недоверчиво уточнил Иван Яковлевич.

– Не переживай, – махнул одной из восьми лапок клещ, – ты ими не обладаешь. Вот я бы преуспел в бизнесе, у меня этих качеств в избытке, поболее, чем у твоего Алихановича.

– Так уж и преуспели бы? – усомнился Иван Яковлевич.

– Сто пудов, – подтвердил собеседник.

– И какова же, позвольте любопытствовать, ваша стратегия? Изначальный бизнес-план? Вы уже думали об этом?

– Думать мне, как ты верно подметил, нечем. Да и незачем. А стратегия самая простая. Перво-наперво я обескровил бы всех конкурентов, высосал бы их насухо. Потом и своих сотрудников отжал бы как следует – зажрались, обнаглели, что характерно. А уж опосля за прочий народец принялся.

– Ого! – не сдержал иронии Иван Яковлевич. – Да у вас, я смотрю, государственный размах.

– Что есть, то есть, – скромно кивнул клещ. – А с согражданами твоими надо что-то делать, согласишься. Уж очень архаичны, прошлым веком живут. Ведь главный двигатель прогресса – индивидуализм. Нужно под себя грести, вот так, вот так! – наглядно продемонстрировал он, энергично загребая всеми восемью лапками. – А в вашем менталитете по-прежнему община главнее индивида. Куда это годится? Это всё пережитки и родимые пятна. Да, да! Надо от них избавляться. Да ко всему – лень, неповоротливость, консерватизм. Предприимчивости и здоровой алчности не хватает вашему брату. Полагаю, это происходит от полнокровия, – клещ причмокнул. – Ну, эту беду я бы живо поправил... Э-эх, уж я бы вам отладил экономическую модель!

– А какой, интересно узнать, вид бизнеса вас привлекает более всего? – уточнил Иван Яковлевич, делая рокировку.

– Я бы в любом преуспел, – важно заявил клещ. – Могу госимуществом управлять, могу руководить финансами или энергетикой рулить. Всё могу. Я всемогущий! Но ближе всего мне, ввиду собственной микроскопичности, нанотехнологии... Шах и мат тебе!

Разбудил Ивана Яковлевича звонок с работы. Дело было срочным, так что он, даже не позавтракав, вызвал такси и помчался в офис. Весь день прошёл в такой кутерьме, что и чаю некогда попить – какой там клещ! Вернувшись поздно вечером домой, Иван Яковлевич обнаружил, что сожитель его разросся уже до размеров спелой груши. Но – странное дело – никакого страха и даже особенного беспокойства Иван Яковлевич в этой связи не испытал. Да и какого-либо отвращения к насосавшемуся паукообразному – тоже. Клещ теперь вызывал у него... уважение, что ли. И ещё чувства, сходные с умилением – почти материнские.

Утром следующего дня на работу Иван Яковлевич не пошёл, сказавшись по телефону больным. Он уже с немалым трудом мог добраться до туалета – приходилось в буквальном смысле тащить на себе клеща, весившего к тому времени килограммов пятнадцать. Сам же Иван Яковлевич, напротив, заметно сдал: осунулся, похудел, весь как-то высох... Сознание его то и дело туманилось; осталось одно желание – спать, спать, спать...

Утром третьего дня он поднялся с постели, бодро просеменил в ванную и, обильно смочив ватный тампон лосьоном, прижёл совсем уже усохшего Ивана Яковлевича. Тот, пару раз дрыгнув конечностями, свалился в раковину. Он брезгливо взял его за ножку, отнёс в туалет, опустил в унитаз и смыл. Сам же облачился в деловой костюм Ивана Яковлевича и отправился в офис.

Елена
ОВЧАРОВА

СТИХИ

* * *

Весна началась нынче в пятницу.
Зима изумлённая пятится:
Февраль неожиданно кончился.
Кошачьи хвосты выются кольцами.

Старушки от солнышка жмурятся.
Подростки гоняют по улицам.
Из луковиц клювы тюльпанские
Пробились. Томится шампанское

На старте. И платья нарядные
В объятия к девушкам падают.
Сугробы ещё не торопятся
Кукожиться, плыть и сиропиться,

Но всё же свершилось, и с пятницы
Зима изумлённая пятится:
Февраль неожиданно кончился.
Кошачьи хвосты выются кольцами.

Морозы уйти не торопятся...
Но хочется нежно сиропиться,
И петь, и от солнышка жмуриться,
И бегать с котами по улицам.

* * *

Э.П.М.

Я тебя потеря... потеря... потеряла
Не в пустых переходах ночного вокзала,
Не в аду шереметьевской алчущей пасти,
Проглотившей моё ясноглазое счастье.
Не в метро поутру, не в дневной электричке,
Не в удушливом смоге семейной привычки.
Не в запретных объятьях случайной лолиты,
Не среди убивающих или убитых,
Не в якутской тайге, а в горах Гватемалы
Я тебя потеря... потеря... потеряла...

• **Елена Овчарова** родилась в 1962 г. в Челябинске. Окончила филфак Донецкого университета. Живет в г. Томмот Алданского района Республики Саха (Якутия), преподает в школе русский язык и литературу, мировую художественную культуру. Кандидат педагогических наук. Заслуженный учитель Республики Саха (Якутия). Автор двух поэтических сборников. Член Союза писателей России.

* * *

Я покажу тебе, какая я тут, внутри.
А ты не отворачивайся, смотри:
Хотел узнать, из каких я камней и плит,
И что в этом каменном дышит, и что болит.
Тогда смотри. Только, милый, не проморгай,
Следи, чтобы не убежало за острый край
Моё кипящее огненное нутро.
Но, ради бога, руками его не тронь.
А лучше подуй, как мама в детстве, легко-легко,
И я вернусь назад. Так вспененное молоко
Стремится к дому, когда огонёк потух.
И светлым тогда станет лик мой, и сильным – дух.
И снова не отворачивайся, смотри.
И ты увидишь, какая я тут, внутри.
И ты узнаешь, что я из стёклышек, мотыльков,
Травы прибрежной, яблоневых лепестков.
...А после, когда наскучит тебе смотреть
На нежность мою, припомнишь ты крепь и твердь,
Что были не привлекательней, но честней, –
Закрой мою дверь. И не вспоминай о ней.

* * *

Мой голос тих, как песня травы,
И сух, как песня песка:
– Прошу, уйди из моей головы.
Как мышь – из тени ночной совы,
Как нежность – из равнодушного «Вы»,
Как юность – из перезревшей айвы,
Как стойкость – из облетевшей листвы,
Как здравый смысл – из досужей молвы,
Как Буонапарт из остывшей Москвы...
Уйдешь – я начну искать
Среди покинувших руки синиц,
Среди забывших о курах лисиц,
Среди не нужных колёсам спиц,
Среди не живущих в отеле «Риц»,
Среди посеревших от боли лиц,
Среди нарушителей всяких границ,
Среди потерявшихся в небе птиц...
Себя.

* * *

Вот и выпал первый снег сентября,
Говорили, быть теплу – только зря.
Обещали, что рассвет будет рыж –
Морось серая закапала с крыш.

Небо выцвело, как бабье лицо,
Будто баба век жила с подлецом.
Пчёлы спинами закрыли леток.
Знать, осталось сентября на глоток.

Ветру в голову ударил дурман:
То ли весел, то ли с августа пьян.
Не жалеет ни осин, ни берёз –
Треплет их, как загулявший матрос.

Ах, сентябрь – не зима, но уже
Притаились холода на меже.
И надежда узелок собрала.
Помолчала на крыльце – побрела.

* * *

Пять мгновений до осени... Стынет ночами земля.
Полдень жжёт по-июльски, но пахнет предательством зной.
За последнюю зелень с надеждой цепляется взгляд –
Укрывая траву, шелестит отмирающий рой.

Солнце буйствует зря: время вряд ли отправится вспять.
Звездопады и белые ночи ушли далеко.
Вот бы броситься следом: коснуться, прижаться, обнять –
Заливает тропинки тумана густым молоком.

Размывает дождями ушельцев родные черты.
Голоса их качает у берега пьяный прибой.
Смотришь в зеркало августа – ты и как будто не ты –
Понимая, что осень однажды придёт за тобой.

Федор
ОШЕВНЕВ

РАССКАЗЫ

В НЕПОДХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ В НЕПОДХОДЯЩЕМ МЕСТЕ

Студёный февраль... Лютует мороз, не отступая и в субботний вечер. Вдоль городской улицы замерли пирамидальные тополя, опушённые снегом. Меж ними по льдистой дороге движется милицейский «уазик». На передних дверцах его наклеены большие белые буквы: «ПА» – патрульный автомобиль. В кабине двое молодых мужчин в знакомой населению тёмно-серой форме. На плечах водителя – сержантские погоны, у пассажира рядом – лейтенантские.

– Шёл бы он со своими экспериментами... – продолжал монолог на наболевшую тему пассажир «пэшки», участковый инспектор милиции Виктор Бычков. И далее недвусмысленно уточнил, куда именно.

В «места отдалённые» настойчиво посылался начальник УВД города. Именно по его приказу отряд участковых инспекторов и уселся в патрульные автомобили, чтобы «оперативно прибывать на места совершения преступлений». Эх, ведал бы главный городской борец с преступностью, где за последнее время пришлось ему перебивать... в мыслях-желаниях многочисленных подчиненных!

– Сам посуди, – изливал душу напарнику Бычков. – Участок у меня – врагу не пожелаешь. Многоэтажки, коммуналки петровских времен, частного сектора тоже хватает – одна Песчанка чего стоит... Три общежития! Два мини-рынка! Цыганский квартал – рассадник наркош... Сейф неотработанными жалобами забит; одна бабушка уже до печёнок достала, всё по соседству инопланетяне мерещатся; поднадзорников и охотников проверять срок... А тут замначальника совсем сблындил: требует, чтоб каждый участковый за месяц по сотне административных протоколов оформлял, плюс к тому дай пять раскрытых преступлений. «И непременно чтоб одно – тяжкое»... – передразнил Бычков начальника. – Будто они, убийства да изнасилования раскрытые, – вот прямо на дороге валяются...

– Если валяются, так только нераскрытые, – впервые вклинился водитель, сержант милиции Алексей Барibal.

– Во-во... Тогда уж лучше никаких – показатели не портить. Короче, время драгоценное идёт, а мы тут с тобой впустую километры накручиваем...

• **Фёдор Ошевнев** родился в 1955 г. Окончил Воронежский технологический институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Прозаик, публицист, журналист. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2018) в номинации «Художественная проза», Международного литературного конкурса «Есенинцы» (2018) в номинации «Господи, я верую!..» и др. Живёт в Ростове-на-Дону.

Автомобиль остановился на красный свет. Бычков приоткрыл дверцу машины и ожесточённо сплюнул. В салон радостно ворвался морозный воздух, и участковый торопливо захлопнул дверцу.

За перекрёстком «уазик» обогнала БМВ. Скоростная машина явно нарушала правила дорожного движения: сильно виляла, то и дело выскакивая на встречную полосу.

– Ты гляди, что делает, – оживился Барibal. – Сто процентов: нажрался – и за руль...

– Сейчас точно в кого-нибудь въедет, – не без оснований предположил Бычков. – Давай, догоняй, – и схватился за микрофон громкоговорителя – в милицeйской среде попросту матюгальника.

Меж тем БМВ, двигаясь по синусоиде, проскочил следующий квартал и выкатил на Пионерскую площадь. На ней, в центре огромной клумбы, памятником прошлому высилась скульптурная группа: мальчик с барабаном и девочка, вскинувшая руку в пионерском салюте. Ещё с перестроечных времен композицию стали опошлять, выставляя на барабан треснувший стакан или пустую водочную бутылку, вывешивая на шею салютующей таблички: «Даю с 17 до 19 без выходных», а однажды на обломок барабанной палочки нацепили презерватив.

Обгоняя автобус справа, импортная машина подъехала к нему вплотную. Опасаясь столкновения, водитель «Икаруса» вынужден был отвернуть влево. Автобус вынесло на клумбу, и он чуть не «поцеловался» с бетонным постаментом.

Сидящие в БМВ, похоже, даже и не заметили, что чуть не влипли в аварию. Миновав площадь, машина совсем переместилась на встречную полосу, распугивая транспорт и заставляя его вплотную прижиматься к тротуару.

– Водитель БМВ, госномер такой-то, немедленно остановитесь! – дважды прокричал Бычков в микрофон.

Никакой реакции... Впрочем, автомобиль-нарушитель вырулил-таки на свою сторону дороги.

– Обгоняй! – скомандовал участковый.

– Ага... У него мотор вдвое, – ответил Барibal, но на акселератор надавил.

Вскоре автомашины сравнялись. Приоткрыв боковое стекло, Бычков выставил в него руку с жезлом и отчаянно замахал, требуя остановки.

Опять никакой реакции... Автомобили продолжали мчаться вперед. Бычков спросил:

– Ну что, придётся подрезать?

– Дело несложное, – отозвался напряжённо удерживающий «пэашку» рядом с дорогим авто Барibal. – Только потом начальство может не понять...

– Давай... – решился Бычков. – По-хорошему всё одно не получится...

Водитель до отказа нажал на газ, на полкорпуса обогнал БМВ, умело прижал его к бордюру и резко крутанул руль вправо-влево. Машины едва не столкнулись. БМВ притормозила. Барibal повторил маневр, и автомобиль-нарушитель остановился, чуть не врезавшись «пэашке» в крыло, – на сей раз сержант милиции руль влево не отворачивал, и «уазик» под острым углом преградил БМВ путь.

Бычков выскочил из машины, осторожно постучал жезлом в стекло соседнего авто. Из салона не донеслось ни звука. Участковый дернул за ручку дверцы – заперто. Сильнее постучал в стекло – оно наконец поползло вниз.

За рулем сидела женщина в норковой шубе и шапке. Немолодая, лет под пятьдесят. Того же возраста мужчина – пассажир на переднем сиденье. Он был

одет в тёплое кожаное пальто, на голове – ондатровая шапка. Из салона прямо-таки несло перегаром.

– Чего надо? – недовольно процедила женщина.

Бычков по-уставному представился, козырнул:

– Ваше водительское удостоверение...

– Ишь, чего захотел! – услышал он в ответ возмущённый возглас.

Участковый опешил: нарушители ПДД так себя с сотрудниками милиции не ведут. Тут в ситуацию вмешался пассажир.

– Тамара, помолчи, – одёрнул он спутницу, вылез из машины и, пошатываясь, подошёл к участковому. На ходу расстегнул пальто, доставая из внутреннего кармана пиджака документы.

– Младший советник юстиции Перов, – сказал он, раскрывая книжечку в красной обложке. – Прокурор Свердловского района. Только что назначен, – снизошёл он до пояснения. – А это, – указал на женщину за рулём, – моя супруга.

Бычков и вышедший к тому времени из «уазика» Барибал замялись. Патрулировали-то они как раз на территории Свердловского района и уж меньше всего ожидали во время дежурства нарваться на новоиспечённого главного надзирающего за местной милицией. Да ещё в таком виде!

Впрочем, будь сам Перов даже и нетрезвым за рулем, они бы младшему советнику юстиции только откозыряли – задерживать-то права не дано... Ну по окончании дежурства устно доложили бы начальству о неординарной встрече. Стопроцентная гарантия: им бы посоветовали о ней забыть на веки вечные.

Однако сейчас нарушитель за рулём – лицо гражданское. Хотя, с другой стороны, муж и жена – одна сатана. Разве ж прокурор свою избранницу в обиду даст?

– Были в гостях, – пояснил Перов.

– Чего ты перед ними отчитываешься? – перебила мужа женщина. – Нашёл перед кем расшаркиваться! Поехали!

– Да помолчи же ты! – уже прикрикнул прокурор на супругу. – Сейчас всё решим...

– Товарищ прокурор, – набрался мужества Бычков, – вы нас, конечно, извините... Только ни вам, ни жене вашей никак за руль нельзя. Минуту назад, на площади, чуть дорожно-транспортное не совершили. Жизнями рискуете...

«И не одними своими», – хотелось добавить лейтенанту милиции, но он предпочёл оборвать предложение.

– И чего, по-твоему, нам теперь делать? – опять встряла в разговор женщина. – Пешком через полгорода идти?

– Зачем пешком? – на ходу соображал Бычков. – Позвоните кому-нибудь из знакомых... Кто живет недалеко... Он и довезёт.

– Ага, умник нашёлся! – не успокаивалась женщина. – Сейчас сто человек слетится – всем больше делать нечего.

– Тамара! Я тебя умоляю! – прижал руки к груди прокурор.

– Что вы делаете? – воскликнул до того молчавший Барибал.

Кричал он супруге Перова, которой, по всему судя, надоело препираться. Женщина запустила двигатель и включила заднюю скорость, однако слишком резко тронула с места, и мотор заглох. Прокурорша тут же вновь завела машину и включила... первую скорость. Автомобиль рванулся вперед, и его бампер углом упёрся «пзашке» в крыло.

Прокурор выругался. А Барибал, тронув Бычкова за рукав, твёрдо произнёс:
– Докладывай по радиации дежурному. Иначе, если разъедемся, они завтра заявление подадут, что это мы во всем виноваты, а бампер немалых денег стоит...

И как ни просил Перов сотрудников милиции скрыть происшедшее, те через дежурного по УВД города вызвали на место столкновения дежурную группу сотрудников ГИБДД.

Через пятнадцать минут к двум автомобилям подъехал третий, специально оборудованный проблесковыми маячками и с символикой ГИБДД.

– Старший инспектор дорожно-патрульной службы, – отрекомендовался офицер, – капитан милиции Шубин.

Следом за ним из спецмашины вышел и сержант-водитель. Они-то, не без помощи Перова, наконец вытребовали у его супруги водительское удостоверение.

– Так что делать будем, товарищ прокурор? – вслух рассуждал капитан милиции. – По закону-то оно, конечно, ясно: схему ДТП расчертить, Тамару Вячеславовну – на освидетельствование на предмет признаков алкогольного опьянения, протокольчик за нарушение ПДД составить, ну а транспортное средство – на штрафстоянку...

– Чего захотел... – подала голос так и не вышедшая из автомобиля прокурорша. – Только попробуй: завтра же из милиции вылетишь!

– Да ты заткнётся в конце-то концов?! – не выдержал Перов. И предложил Шубину: – Товарищ капитан, давайте мы вам напишем, что претензий к сотрудникам милиции у нас нет, а вы бы помогли до гаража доехать. Тут по-хорошему десять минут хода...

Капитан милиции недолго поразмышлял. Наживать себе врага в лице прокурора района явно не хотелось. Хотелось подстраховаться, однако отбирать у него письменное заверение в невиновности в аварии стражей порядка... Нет, Шубин и на это не решился.

– Крыло-то не сильно повредили? – спросил он Барибала.

– Переживём, – мрачно отозвался водитель. – А вот как бы товарищ прокурор завтра не передумал...

– Да господь с вами, ребята, – замахал руками Перов.

Прокурорша на этот раз благоразумно промолчала: может, поняла, что дело идет к мировой, а может, хмель маленько повыветрился. Словом, «пэашка» поехала дальше по маршруту патрулирования, а Шубин уселся за руль БМВ.

– Исключительно из уважения к работникам прокуратуры, – счёл долгом пояснить свое решение капитан милиции, включая двигатель.

Супружескую чету в сопровождении автомашины ГИБДД к гаражу доставили действительно за несколько минут. Прокурор долго шарил по карманам в поисках ключа. Наконец отыскал его – сейфовский, с двойной бородкой. Сделал несколько безуспешных попыток попасть в скважину, переругиваясь при этом с супругой. Затем беспомощно пожал плечами:

– Товарищ капитан, может, вы поможете? Застыло, что ли?

Осторожный Шубин сам замок открывать не взялся, позвал сторожа. И только убедившись, что автомобиль благополучно заехал в гараж – за рулём на этот раз сидел сам Перов, – откозырял и удалился к служебной машине...

На том и был бы мирно окончившейся истории конец, ан вовсе нет. Через полчаса и «пэашка», и автомобиль ГИБДД мчались к Свердловскому райотделу, срочно вызванные по радиосвязи.

Первыми к зданию ОВД подружили Бычков и Барибал. И, едва выйдя из машины, тут же были встречены непечатными словами, которыми милиционеров обложила прокурорша, стоявшая на ступенях райотдела вместе с мужем и начальником штаба ОВД; все трое курили.

Участковый и милиционер-водитель опешили, ничего не понимая.

– Я же говорил: за бампер ругаться приедут, – тихо сказал Барибал напарнику.

Но оказалось, что бампер-то как раз и ни при чём. Супруги утверждали, что после общения с милицией из БМВ пропала супердорогая дамская сумочка стоимостью шесть с половиной тысяч «деревянных» – фирмы Картье, цвета бордо и с укороченной ручкой, принадлежавшая Перовой. А помимо косметики – сплошь Кристиан Диор – там находились тысяча двести «зелёных», семьсот российских рублей, сотовый телефон фирмы «Моторола» и начатые упаковки лекарств: нимотопа, норвакса и эссенциале.

– Вору! Разбойники! Оборотни в погонах! Вы у меня надолго сядете! – выкрикивала разошедшаяся прокурорша.

– Ну это ж не они, – пытался утихомирить её супруг. – Они даже в машину не садились... Гаишника... Тьфу – никак не привыкну – гибэдэдэшника работа, который нас вёз... Больше некому...

Лёгко на помине, появился Шубин с водителем. Им пришлось выслушать в свой адрес оскорбления покруче.

Меж тем к райотделу подъезжали и подъезжали машины. Прибыл начальник ОВД, его заместитель по кадрам, дежурный кадровик из УВД города, дежурный следователь прокуратуры района, дежурный управления собственной безопасности УВД области и, наконец, один из замов прокурора города.

Всей толпой ввалились в «дежурку». Прокурорша махала перед носом дежурного по райотделу листом стандартной бумаги – заявлением о краже, но в руки почему-то не давала. Дежурный зарегистрировал факт обращения Перовых в специальной книге формы номер два. Четырёх сотрудников милиции, подозреваемых в краже из автомобиля, «пустили по кругу»: каждый из них поочередно давал показания дежурному инспектору по разбору, кадровику из городского УВД, «уэсбэшнику» и следователю прокуратуры, поскольку всякая инстанция проводила собственное служебное расследование по факту устной жалобы.

Прокурора и его супругу опрашивать почему-то никто не спешил. Только по указанию начальника ОВД дежурный инспектор по разбору предложил Перовой пройти медицинское освидетельствование на алкоголь, но та возмущенно взвопила:

– Ишь чего захотели! Своих покрываете! Ничего, я на всех вас управу найду! – и локтем толкнула мужа: – Ты куда смотришь? Не видишь, что ли, как они концы в воду прячут?

Прокурор тщетно пытался уговорить свою «слабую половину». Заместитель прокурора города обещал «вывернуть всё наизнанку, но преступника в погонах вычислить и покарать». Милиционеры наотрез отрицали причастность к краже.

– Я вообще к машине близко не подходил, около своей стоял, – утверждал водитель-гибэдэдэшник.

– Я тоже до «бээмвешки» не дотрагивался, – вторил Барибал.

– К машине подходил, но внутрь не садился, только в стекло водительское постучал, – пояснял Бычков. – Ну и как бы я, по-вашему, эту сумку взять мог, если заявительница показывает, что она на заднем сиденье лежала?

Труднее всего приходилось Шубину: потерпевшие – а в этой роли прокурор с супругой уже себя утвердили, и ни у кого из присутствующих даже и мысли не возникало усомниться в недавнем существовании дамской сумочки с дорогостоящим содержимым – грешили именно на него.

– Что я, по-вашему, круглый идиот? – отчаянно жестикулируя, частил капитан милиции, защищаясь от наседавшего на него «уэсбэшника», которому помогал опрашивать подозреваемого в краже заместитель прокурора города. – Не видел я этой сумки! А если б и увидел – чужого брать в жизни не брал! По мне оно хоть прокурорское, хоть президентское – один хрен, не моё! Опять же, говорят, она на заднем сиденье лежала – так я там вообще не сидел, только за рулём!

– Но водительские права-то из сумочки доставали, чтобы вам предъявить? – напирал заместитель прокурора.

– Доставали, – соглашался офицер ГИБДД. – Только откуда – я не следил. Во-первых, темно было, а во-вторых, в БМВ стёкла тонированные...

– Да что вы с ним ляляете? – бушевала Перова. – Спёр, так ещё и отпирается! А на лице всё написано!

– Это у вас кое-что написано... – огрызнулся Шубин.

– Чего именно? – подбоченилась прокурорша.

– А что нетрезвы, – коротко сформулировал капитан милиции.

– Это тебя не касается! – яростно покрутила перед его лицом указательным пальцем женщина.

– Сейчас – да. А жаль... – и Шубин пасмурно улыбнулся.

– Чего жаль? Конкретизируйте, – опять подключился заместитель прокурора города.

– Что домой их отвез. А надо бы – на штрафплощадку, – совсем хмуро пояснил капитан милиции. – Участковый так и советовал, да вот не послушался я, на свою голову... И вообще, разберитесь для начала: а может, её, сумки-то, и не было? Тем более – с такой суммой...

– Вы что, нас во лжи обвиняете? – лицо прокурора-потерпевшего разом пошло красными пятнами. – Да я тебя, не знаю что...

– Наручники на него! – поддакнула прокурорша. – И в камеру!

– Меня? В камеру? За что? – вскочил с места и рванул форменный галстук Шубин. – Да я пятнадцать лет... без единого взыскания... Медаль «За отличие в охране общественного порядка» имею...

– Ну не так-то это просто, Тамара Вячеславовна, – несколько охладил пыл разгневанной женщины заместитель прокурора города.

Бычков, Барibal и водитель-гибэдэдэшник, от которых уже все отвязались, с сочувствием смотрели на своего собрата по несчастью, которого явно было решено сделать «стрелочником».

Руководство райотдела словесную дуэль подозреваемого и обвиняющих слушало с отвращением, но не вмешиваясь. И тут в дверях «дежурки» появился начальник ГИБДД УВД города подполковник милиции Стрельников – прямой начальник попавшего в серьёзный переплёт инспектора дорожно-патрульной службы. Старшего офицера отыскивали и оторвали от свадебного стола племянника аж в соседнем районе.

Быстро уяснив положение дел, подполковник задал разумный вопрос:

– А не могло так случиться, что эту сумочку, со всем содержимым, возле гаража обронили, когда его открывали?

– Ну, знаете... – напустилась на подполковника милиции прокурорша. – За дураков нас принимать? Мы потому про неё и забыли, что он её из машины украл! А домой пришли, хватились – нет.

– И тем не менее, – настаивал Стрельников, – почему бы и не проехать к гаражу? Вдруг да отыщется пропажа...

Кортеж из восьми машин под звуки сирены и мигание проблескового маячка спецавтомобиля ГИБДД неся по городу. На громкие «уи-уи» из ворот гаражного кооператива выскочил сторож.

– О-о, Тамара Вячеславовна! А я вам ещё вслед кричал, когда опять уезжали, – заискивающе проговорил он. – Сумочку-то вы здесь обронили. Её снегом припорошило, но я углядел. Сей секунд сюда принесу...

Пока сторож ходил за сумочкой, девятнадцать человек (включая пятерых водителей служебных автомобилей) молча стояли, переваривая новость. Надо думать, что чета «потерпевших» – а особенно прокурор района – в эти минуты чувствовала себя не очень-то комфортно.

Когда сторож вручил Перовой кажущуюся на первый взгляд скромной дамскую фирменную сумочку, женщина, даже не поблагодарив его, тут же принялась перерывать её содержимое.

– Заявленные как пропавшие ценности в полном объёме? – поинтересовался начальник ГИБДД. – Сотовый телефон исправен?

– Представьте себе, – отозвалась женщина. – Даже очень странно... И телефон работает...

Перед входными воротами гаражного кооператива вновь воцарилось напряжённое молчание. Наконец Перова неохотно произнесла:

– Ну, это... Раз оно так получилось... Давайте выпьем бутылку коньяка и забудем...

Было понятно, к кому именно обращается прокурорша.

Водитель спецавтомобиля ГИБДД молча повернулся к женщине спиной.

Барibal сплюнул на снег и буркнул:

– Не извольте беспокоиться.

Бычков хмыкнул, сморщил нос и заявил:

– Есть у меня сильное желание в суд на вас подать... За клевету.

А Шубин, на котором скрестили взгляды девятнадцать пар глаз, отвечать не спешил. После долгой паузы всё же разлепил губы:

– Бог вам судья... А вот вы меня без суда и следствия в камеру загнать хотели. Так неужели ж вы взаправду считаете, что я с вами за один стол... Да с такими людьми я на одном километре ср...ть не сяду!

– Что-о? – надвинулся на капитана милиции прокурор. – Да за такие слова... Публичное оскорбление! Завтра же ответите...

– А когда вы сами, на пару с супругой, меня материли – забыли, да? – тогда вопроса о публичном оскорблении не поднималось? – с усмешкой отпаривал Шубин. – Кстати, жаль, что мы не сто лет назад живём.

– Не понял... – растерянно произнес Перов.

– На дуэль бы вызвал, – разъярил Шубин и медленно пошёл к спецавтомобилю. Следом потянулись к машинам и остальные.

– Товарищ прокурор, – обратился к несостоявшемуся потерпевшему начальник ОВД, – надо бы в райотдел вернуться, объяснительные от вас с супругой принять...

– Ещё чего! – опередила мужа прокурорша. – Что мы там забыли?

– Тамара, ну так положено, – попробовал уговорить жену Перов. – Вон скольким людям беспокойство доставили.

– Это их работа, – безапелляционно заявила прокурорша. – А поскольку письменного заявления мы не подавали, считайте, что его вообще не было. Домой, домой! – И, схватив мужа под руку, чуть ли не силой потащила к автомобилю. – Машину в гараж – и живо спать. У меня завтра в фирме с утра совещание...

– А я вам приказываю: отметьте в форме номер два, против зарегистрированного заявления о краже из автомобиля, что записано ошибочно, – настаивал заместитель прокурора города по возвращении в ОВД, обращаясь к дежурному по райотделу.

Седовласый майор милиции категорически не соглашался:

– Хватит, один раз так сделал – из вашей же епархии проверяющий приказал выговор вкатить. Не-ет, дураков больше не имеется.

Несмотря на время за полночь, заместитель прокурора города позвонил домой начальнику УВД – с той же рекомендацией. Однако понимания не нашёл...

Утром же начальник УВД города подписал заключение служебного расследования по факту случившегося, где в резолютивной части после общего для всех такого рода документов пункта первого: «Служебное расследование считать оконченным» следующим стоял пункт второй: «За невыполнение требований должностных инструкций и статьи 245 Кодекса об административных правонарушениях РФ, выразившееся в непринятии мер по привлечению к административной ответственности лица, управлявшего транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, привлечь к дисциплинарной ответственности начальника ГИБДД УВД города, старшего инспектора дорожно-патрульной службы капитана милиции Шубина С.Е.».

К обеду уже был готов проект приказа о наказании, а к вечеру приказ подписан. Сотруднику ГИБДД, не скупясь, впаяли «строгач».

Получая на следующий день в кабинете Стрельникова выписку из приказа, Шубин мрачно поинтересовался:

– Ну а если бы я всё сделал, как по теории надо? То есть Тамару Вячеславовну – на освидетельствование, а БМВ – на штрафплощадку?

– С ума сошёл! – осуждающе покачал головой умудрённый четвертью века службы главный городской гибэдэдэшник. – Ты б после этого и недели не прослужил...

– Выходит, куда ни кинь, всюду клин? – возмутился Шубин.

– Выходит... – сочувственно согласился Стрельников. – Понимаешь, Сергей, как иногда говорят в американских фильмах, оказался ты в неподходящее время в неподходящем месте... Кстати: помнишь перечень лекарств в сумке? Типичный набор богатого алкоголика. При плохом кровообращении и посаженной печенке.

Вздыхнул и добавил:

– А ведь поначалу вас всех четверых наказывать хотели... Ну, раз так вышло, что ты один «по делу прошёл», вправе с «подельников» магарыч истребовать. Ладно, давай, иди... Александр Матросов...

ВЕРУЮЩИЙ БАТЮШКА

Плох тот диакон, который не мечтает стать священником, хотя упоминать и даже думать об этом среди церковников считается греховным. Мол, подобное самообольщение отнимает время, отпущенное Господом для спасения души.

Однако сын протоиерея одного из соборов южного российского города Владислав Кураков в глубине сердца мечтал. Собственно, будучи потомком духовного лица, он попросту не мыслил себе иной жизненной дороги. И ещё характерно, что с раннего детства мальчик отличался глубокой рассудительностью.

В первый раз в первый класс – в семьдесят восьмом году – он пришёл, ведомый за руку не только матерью, но и отцом, тогда ещё совсем молодым батюшкой, облачённым в рясу. И, разумеется, уже потому обратил на себя особое внимание – как своей учительницы, так и директора школы.

Миновал месяц, и однажды она задержала Владика после занятий.

– Вот ты говоришь, что Бог есть, а наши космонавты, сколько ни летали, никогда его не видели, – авторитетно заявила она. – И почему?

– А для Бога космический корабль – это только малю-усенький из многих-многих коридорчик. Потому они Всевышнего из него и не видят. И никогда не увидят, если ещё и не веруют, – был неожиданный ответ.

Учительница сразу не нашлась как возразить и сухо произнесла:

– Иди...

С ровесниками мальчик держался несколько обособленно, полагая, что среди них он по-своему избранный. Но, когда требовалось постоять за себя, стоял, и до конца. Лишь изначально обязательно крестился. И одноклассники быстро усвоили: если уж он это сделал, быть битве серьёзной...

После школы – учеба в Ставропольской духовной семинарии. А перед самым поступлением в неё – так было угодно свыше – Владислав потерял мать. Она ещё с детства страдала сердечной недостаточностью. И за год так и не смогла оправиться от обширного инфаркта, случившегося, когда сыну исполнилось шестнадцать.

В двадцать один год Кураков был рукоположен в диаконы. И во славу Господа начал путь служителя алтаря в старинном храме – небольшом и уютном, окрашенном в голубые тона, с шатровой звонницей и протяжённым притвором, отделанным настенными росписями. Сам храм когда-то возвели на краю основанного задолго до революции кладбища. В середине тридцатых его полностью снесли и похоронили под масштабными производственными строениями. С тех пор об уничтоженном погосте напоминало лишь несколько давних могил, волею случая оказавшихся внутри церковного двора.

Прошло немало лет, пока к ним неожиданно прибавилась ещё одна.

Тогда по заданию настоятеля углубляли подвал под храмом (там новые шкафы по высоте не помещались) и случайно пробили внутреннюю каменную кладку, оказавшуюся перегородкой. За ней открылась потайная комната, на глаз три на три метра. Посреди неё лежали два скелета с простреленными черепами и в полуистлевшей казачьей форме. С погонами сотника и подъесаула – голубые просветы на серебряном поле, указывающем на принадлежность к войску Донскому. Убиенных перезахоронили в одной могиле и отпели.

Случай этот произвел на Куракова весьма гнетущее впечатление: насколько же сугубо бесчеловечным надо быть, чтобы вершить казнь в святилище, под сенью

креста! А семьи погибших явно остались в полном неведении об их ужасной судьбе.

Однако сравнительно молодой ещё на тот момент диакон в углу тайника углядел обрывки плотного картона: это оказались остатки паспарту – специальной картонной рамки под снимок. Куски его за без малого век сильно выцвели, приобретя коричневатый оттенок. Аккуратно склеив полосками скотча фото и вооружившись лупой, Владислав разглядел на нём семейный портрет. Сидящий закинув ногу на ногу моложавый мужчина в казацкой повседневной форме имел ярко выраженные надбровья, крупный подбородок и широкие усы стиля «шеvron». Рядом, с ребёнком полутора-двух лет на руках, наряженным в матросский костюмчик, стояла пригожая женщина. С овальным лицом, прямым пробором на идеально гладких волосах и косой, уложенной на затылке корзиночкой. Одета в светлые юбку и блузку с богатой отделкой.

На обороте снимка трудно прочитывалась чернильная надпись: «Дорогому супругу и батеньке Платону Акимычу от жены Настасьи и сына Димитрия. Станица Новойдарская 1914-го года 16-го ноября». Здесь же имелось мастичное клеймо мастера, заключённое в прямоугольник: «Фото В. Квасова».

Пытаясь установить личность хотя бы одного из казнённых, Кураков с благословения настоятеля обратился в епархиальный отдел по работе с казачеством. Сотрудники его связались с Новойдарской, и вскоре Владислав выехал туда на автобусе. Атаман тамошнего казацкого общества – дородный мужчина с погонями есаула – привёл диакона к старейшему из жителей станицы. Владислав предъявил иссохшему древнему деду улучшенный фотошопом снимок.

Долгожитель нацепил очки, подслеповато прищурился.

– Да это же... Это Дмитрий Забазнов, друг детства мой, и с родителями, перед тем как отцу его на империалистическую отправляться. Говорили, приезжал он, кажись, в шестнадцатом в отпуск. Уже в чине подъесаула, с двумя «георгиями». А потом без следа сгинул. Ну, я о ту пору мал был, сам его не помню. Вот фотография у тетки Настасьи точь-в-точь такая же под образами в рамочке висела. Упокоились они давно – и мать дружка моего, и он сам. С Отечественной-то с большими легкими вернулся. Всё кашлял, кровью харкал, потом исходил и едва за полста лет перевалил. Еле успел послевоенную дочку в техникуме выучить. Она сама, как на пенсию вышла, сразу к сыну в область и перебралась...

Дед взглянул ещё раз на снимок, совсем по-детски шмыгнув носом.

– Чую, свидимся мы скоро, вышло и моё времечко. Эхх! Как и не жил...

Спустя несколько дней Кураков принимал в храме гостей: интересную пожилую женщину с причёской а-ля Маргарет Тэтчер и розовощёкого полнеющего мужчину лет тридцати.

Возложив на казацкую могилу охапку редких чёрных калл, таинственных и эlegantных, потомки подъесаула отстояли панихиду, поставили заупокойные свечи, пожертвовали храму круглую сумму. И все душевно благодарили дьякона за разгадку тайны их рода и обретение могилы предка.

А имя павшего за Россию его сослуживца так и осталось неизвестным...

Кому-то из диаконов счастливится подняться рангом выше и стать священником чуть ли не на следующий день после первого рукоположения, а кому-то предстоит надолго задержаться на уровне низшего духовного сана. На всё воля Божия. Ну и людская тоже.

Когда-то, в самом начале приснопамятной перестройки, несколько прихожан обратились к отцу Владислава: а не согласится ли батюшка баллотироваться депутатом в районный орган местного самоуправления, так сказать, самовыдвиженцем? Паства же, мол, и поддержит, и разрекламирует. Тогда протоиерей – скажем так, не очень продуманно – письменно испросил разрешения на это чуждое действо у каждого из постоянных членов Святейшего Синода.

Официального ответа ни от кого из них он не получил, но этот вопрос на заседании Синода разбирался, и в итоге священника едва не лишили сана (с перевесом в его пользу лишь в два голоса). Посчитали, что гордыня обуяла, раз в мирские дела ввязаться восхотел. А чтобы впредь всяк сверчок знал свой шесток, покарали, услав в далекий райцентр, в маломощный и скудный приход.

«Сын за отца не отвечает», – сказал ещё до войны на совещании передовых комбайнеров товарищ Сталин, и эту знаменитую фразу немедленно и широко растиражировали советские газеты. Но последовавшие репрессии, увы, её не подтвердили: в серпастом обществе ответ за родителя держать приходилось практически всегда. А священнослужителям – пусть даже и высокого сана – ничто общечеловеческое не чуждо. Вот потому-то, когда, не единожды за многие лета, на епархиальном уровне обсуждался вопрос рукоположения диакона Владислава, кто-то обязательно вспоминал: «Это ведь у него отца за малым не расстригли?»

И – общее резюме: «Пока подождем...»

К слову: хотя всякое сравнение и хромает, однако подобное поведение служителей культа отчасти походило на детскую склонность переносить личную неприязнь к какому-то учителю на его предмет.

«Всякая власть от Бога». Знаменитейшие слова апостола Павла. Библейская аксиома. Так что неупустительно исполнявшему свои, согласно сану, обязанности диакону оставалось только смириться и терпеливо ждать... ждать... ждать...

«Летят года неуловимо, куда-то быстро вдаль спешат, торопят нас неудержимо законы Божии познать...» Отец Владислав даже и не помнил, где и когда прочёл он эти бесхитростные строки, глубоко врезавшиеся в память. А года действительно летели... И вот уже минуло более двадцати лет церковной службы, близилась дата серебряной свадьбы – «окольцевался» Кураков ещё будучи семинаристом, – и дочь, окончив вуз, невестилась, а младшенькие, мальчишки-близнецы, доросли до старшеклассников, постаревший же отец теперь часто прихварывал. Склонный к полноте служитель подобрел, широкоскулое лицо его совсем округлилось, а вдоль развитого лба обозначились короткие морщины. Появились и вертикальные складки над основанием крупного, с маленькой горбинкой носа. Симптом зарождающейся аритмии сердца: у матери Владислава они после инфаркта были выражены особенно сильно.

К этому времени засидевшийся в диаконах человек устал безропотно ожидать рукоположения, и его матовые глаза минорно взирали на белый свет. Нет, бунтовать он вовсе не собирался. Он просто устал...

И вдруг – исполнение давней, ещё детской мечты, с которой человек с дошкольных лет следовал по жизни, произошло не во сне, а наяву!

Хотя, конечно, «вдруг» – сказано неточно: этому предшествовала беседа с архиереем, объявившим Куракову об избрании его для хиротонии, затем «ставленническая исповедь» у духовника духовенства, в заключение которой отец Вла-

дислав смиренно просил о даровании ему непорочного священства, последующее говение...

Августовским воскресным днем, на литургии святого Иоанна Златоуста, церемония рукоположения, внушительная и торжественная, наконец содеялась.

«Аксиус!» (с греческого: достоин) – произнёс в завершение её архиерей, а преклонивший колени теперь уже бывший диакон ощутил прикосновение благословляющей его десницы и под торжественное пение хора, трижды повторившего это восклицание, получил из рук владыки атрибуты служения священника: епитрахиль, пояс, фелонь, наперсный крест и Служебник, отныне став иереем. Трепетно и с непередаваемыми словами чувствами поцеловал он каждый из этих символических предметов и невольно прослезился. Совершилось!

По окончании таинства не обошлось, конечно, без традиционного в таких случаях основательного застолья.

Впрочем, всё это было вчера. А сегодня утром новоявленный батюшка – пока ещё в гражданском облачении – сошёл с маршрутки и без четверти десять шагнул на столь знакомый церковный двор. Перед центральным входом в храм привычно осенил себя крестом и прошествовал в отведённую ему келью, располагавшуюся в отдельно стоящем здании хозяйственных построек.

Там вновь перекрестился: теперь на иконы, двумя рядами висевшие на дальней стене довольно просторной комнаты на три небольших окна, облачился в песочный подрясник и чёрные туфли и взглянул на часы – близилось время приёма прихожан и других лиц. Попутно отец Владислав отметил: хотя отныне обязанности его стали иными, чего-то особенного, подспудно ожидаемого им в первый день своей службы Господу в новой ипостаси, вовсе не происходило.

Собственно говоря, а что именно следовало бы ожидать?

Ранее Куракову в подобных приёмах напрямую участвовать не приходилось: не диаконский это ранг. Вот молча слушать, как первый его настоятель ведёт беседы с людьми, мудрости набираться да стараться таковую перенимать – это, конечно, куда легче. А тут – за всех и вся в ответе сам. Потому и волновался иерей: а вдруг да с каким необычным вопросом обратится кто-либо? Впрочем, на крайний случай всегда можно посоветоваться с опытным батюшкой – именно он сегодня по графику был дежурным священником в храме и вёл богослужения.

Но никаких сюрпризов нынешний день пока не обещал. Прихожане испрашивали благословения на рождение отрока (ребёнка) или на сдачу вступительных экзаменов в вуз, кто-то желал освятить квартиру, другой – икону, договаривались по времени о крестинах младенца, а пожилая супружеская пара наконец-то надумала венчаться. Однако вот и трагический случай: «Батюшка, у меня сын двадцатилетний разбился на машине, сейчас в реанимации в тяжелейшем состоянии. Умоляю: научите, что делать дальше?»

И каждому надлежало разъяснить, дать совет, успокоить...

Когда все просители наконец разошлись, отец Владислав вышел на церковный двор: проветриться и обозреть, всё ли на храмовой территории в надлежащем порядке. Вскоре ноги привели его в маленький садик, в глубине которого располагались пять сохранившихся вековых могил и казачья, недавняя.

На одном из старых захоронений высился исполненный в неординарном маонском стиле гранитный памятник в виде толстого ствола дерева с двумя отпиленными по бокам суками. Венчался он четырёхконечным, из того же вечного

камня, крестом. На срезах суков выбиты надписи: «Спаси, Господи, душу раба Твоего» и «Мир праху твоему», а в центре ствола – вырубленная ниша со стеклянной, в металлической рамке дверкой: под лампадку. Под нишей же красовалась ритуальная и опять-таки сработанная из гранита табличка, внешне походившая на старинную грамоту со слегка заворачивающимися краями. Текст на ней гласил: «Здѣсь покоится прахъ раба Божія коллежскаго асессора И. А. Кафтановскаго, скончавшагося 25 апреля 1890 на 51 году».

– Здравствуйте, батюшка...

Отец Владислав повернулся влево: перед ним стоял маленький тощенький мужчина неопределённого возраста: то ли тридцать, то ли за сорок. Смущало сильно морщинистое и осунувшееся, плохо выбритое лицо. Но седина, даже на висках, вовсе не проглядывала. Серая рубаша, похоже, специально наполовину расстегнута, чтобы на хилой, но выпяченной груди хорошо был виден простенький нательный крестик. Очередной прихожанин? И следом мелькнула мысль: вот именно таких невзрачных мелкотравчатых мужичков на Руси издавна прозывали фуфлыгами.

– Здравствуй.

– Можно ли к вам обратиться?

– Обращайся, пожалуйста.

– Помогите, батюшка, чем можете, материально. Жена очень больная, после сильного инфаркта почти не ходит, только, пардон, до горшка. На лекарства бы...

Обычно священники денег прихожанам не дают, а советуют молиться, и Бог, мол, тебе поможет. Но сегодня иерей без раздумий решил сделать исключение: ведь послезавтра исполнялось двадцать пять лет со дня кончины его матери, слишком рано ушедшей в лучший мир, и от той же самой летальноисходчивой сердечной болезни, которой хворала жена просителя.

Отец Владислав молча достал бумажник и вынул из него единственную тысячную, оставив лишь три или четыре медно-стальных десятирублевика – чисто на проезд. Нет, дома-то ещё деньги наличествовали. Но именно на эту имеющуюся при себе «штуку» Кураков сегодня вечером рассчитывал приобрести колбасы-ветчины-сыра-селёдки на поминки.

«Ладно, как-нибудь обойдемся. На благое дело ведь. Такой же страдальце, как и матушка была. А продукты... Что ж, в конце концов, ещё завтра день будет, успеем закупиться», – подумал он.

– Спаси Господи, батюшка, за вашу доброту и помощь, – жадно цапнул крупную купюру тощенький. – Благословите на покупку лекарств.

– Бог благословит, – отвечив иерей, и даже обещание не стал брать, что не на предосудительные дела благоподаяние употребится.

Проситель быстренько упрятал деньги во внутренний карман пиджака, для надёжности ещё и застегнув его на булавку. И вдруг, сверх всякого чаяния, прозвѣс, указуя на гранитное «суковатое» надгробие:

– Батюшка, а ведь здесь мой родственник лежит.

– Откуда ведомо?

– У меня прабабка почти век протянула – и чудное дело: всё на своих ногах, – так уверяла, что это дед её был. Только не родной, а двоюродный, родному-то он почти в отцы годился. Совсем пацаном меня сюда в церковь приводила и могилку предьявляла. Я это «дерево недеревянное» с закидонами, – кивнул

тощенький на монумент, – по его кошмарности враз упомянул... – И неожиданно подытожил: – А прабабка до чего набожна была – прямо страсть!

– Уважения достойно, – заключил отец Владислав, изумившись: надо же, насколько тесен оказался мир поднебесный! Насчёт «недеревянного дерева» и «кошмарности» он выговаривать не стал, памятуя, что горбатого могила исправит.

Удовлетворённый проситель для приличия потоптался ещё с полминуты.

– Ну, я пойду?

– Иди с миром...

Тощенький скорым шагом удалился. А священник вновь воззрился на столь необычной формы памятник.

«Видать, не из бедных покойный-то был, коль ему на эту вычурность расстарались, – подумалось иерею. – Интересно, коллежский асессор – это высокий считался чин? Надо бы в Интернете глянуть... Полвека жизни... Немного, однако, он намерил. Удалось ли детей переженить? А собственно, были они у него? Одному Господу нынче ведомо... И сколь нагрешить успел и успел ли исповедоваться... Эх, жизнь наша скоротечная! Зато гранит второй век незаблем стоит. Но тоже: от всеобщего кладбищенского поругания лишь чудом уцелел...»

Кураков повернулся к соседствующей казачьей могиле: на деревянном кресте её теперь была установлена пластиковая с окантовкой табличка серебряного оттенка с чёрным текстом: «Подъесаул войска Донского Забазнов Платон Акимович. 1889 – 19??» – и ниже: «Сотник войска Донского. Фамилия неизвестна».

«Обидно: так второй офицер безымянным и лежит, – оформилась у отца Владислава новая мысль. – Тут атаман ничем не помог: видать, этот убиенный из другой станицы был родом. А из какой – опять только Господу известно. Но хотя бы останки теперь в земле покоятся, родственники же подъесаула уход за последним пристанищем воинов блюдут. Вот совсем недавно опять каллы на могилу возлагали, панихиду заказывали».

Тут к размышляющему о телесной бренности и долговечности монументов подошла пожилая свечница, которая лет десять уж как работала в церкви.

– Батюшка, извиняюсь, у вас спросить можно?

– Спрашивай.

– Вот к вам сейчас мужчина такой мелковатый подходил, он денег просил?

– Да.

– И вы дали?

– Да.

– Ох, не на доброе дело он их у вас выцыганил!

– «Не судите, да не судимы будете». Он для больной жены, на лекарства.

– Батюшка, да он сроду никогда женат не был! Я ж его как облупленного знаю! По соседству живёт. Бездельник и горький пьяница, креста на нём нет!

– Так имелся ведь.

– Значит, для блезиру нацепил. Он в церковь-то и носу никогда не кажет! А тут – сподобился. Видать, узнал откуда-то про ваше рукоположение и момент выигрышный подгадал. В свою пользу. Ну а когда со двора-то поспешал, увидел меня у ворот, приостановился да и заявляет: мол, батюшка-то новый ваш – и дальше с издевкой в голосе – сильно верующий оказался. Я ему: «Окстись, охальник, а каким же ему ещё быть?» А этот алкоголик ухмыляется и ответно: «Да я в том плане, что всякому встречному-поперечному сразу-то верить не след». И помчался – небось до ближайшего гастронома, побыстрее зенки залить.

– Что ж... Бог ему судья, – только и вымолвил священник, разом ощутивший душевную смуту: ведь на чём удалось сыграть грешнику! На святом, на памяти о самом близком и родном человеке!

...Спустя двое суток, аккурат в день поминовения матери, свечница с утра вновь подошла к отцу Владиславу.

– Батюшка, можно обратиться?

– Пожалуйста.

– Помните, у вас позавчера мой сосед неблагополучный денег выпросил?

– Помню, конечно, – поморщился иерей: придумала же баба опять на больной мозоль наступить! И к чему?

– Ну так вот: не пошли они ему на пользу. Он в тот же день какой-то дряни палёной опился и к ночи помер. Сегодня похороны.

– Да-а-а, – поразился отец Владислав. – Надо же, насколько быстро его Божий гнев настиг. Господь ведь всё видит и никогда не бывает поруган.

Про себя же он подумал, что поскольку не признающих Бога и Он не может спасти, а в их числе и опочившего, то пусть останется это на Его воле. Другое дело, что дающий не во благо грех берущего разделяет. Посему помолиться за новопреставленного, в гибели которого, сам того не желая, оказался повинен, в любом случае необходимо. И хотя не дано понять, за что именно столь тяжко наказан, а с этим трагичным уроком как-то и дальше по жизни идти надобно.

Алексей
ВДОВИН

СТИХИ

* * *

Я молчу. Тихо падают чуткие к времени листья
И в забвенье кружа, наполняют немое пространство
Будто давней войны отзвучал завершающий выстрел
Я молчу. Я уже начинаю ценить постоянство

Я молчу. Плавно падает снег на девичьи ладони
И тепло её рук мне не знать у себя на предплечьях
Она только шепнёт: «Что ж, ты так ничего и не понял...»
Я молчу. Я боюсь осознать бесконечность

Я молчу. Возвращаются вновь перелётные птицы
Плачут крыши, и мать над уснувшим ребенком
И я знаю, что мне уже нечем укрыться
Я молчу, чтоб услышать стук в двери негромкий

Я молчу. Упадёт человек, в небо аист взовьется
И в лице не изменится месяц двурогий
И замкнётся кольцо, и чего мне ещё остается –
Это только молчать и смотреть в тишине на дорогу.

* * *

ни именем на камне, ни землей
пригоршнями раскиданной на дне
ни причитаньем женщин, ни петлей
ни омутом, ни свечкой в тишине
ни стоном в лазаретных полутьмах
ни фотографией, ни памятным кольцом
ни телеграммой в незнакомых мне руках
ни пятаком, ни цинком, ни свинцом
и ни оркестром-маршем по камням
ни той слезой, что раз я уронил
ничем
она не тронула меня
я никого ещё не хоронил
пока...

• **Алексей Вдовин** родился в подмосковном Чехове в 1981-м. В 17 лет начал писать песни. Лидер рок-группы «НедРа». Ездит с сольными выступлениями по России и за рубежом. Участник многих фестивалей авторской песни. Иногда пишет стихи.

ПРАЖСКОЕ

Куда бы я ни приехал
Всюду примерно одно и то же
Девочки жалуются на парней
Парни на жизнь, что становится всё дороже

Мне интересно, что же было когда
За рубль можно было купить быка
Мне кажется, что так же текла вода
Сквозь пальцы мозолистых рук
И человек привыкал

Привыкал к тому
Что за весной опять зима
Что, нет, не страшны эти внезапные зимы
А вдруг это Бог тебя прозевал
Пока ртом ты пытался поймать
Этот снег, пролетающий мимо

И можно сколько угодно порождать свой страх
Можно пугать других и цепляться за это, как за солому
Но пусть справедливо горят и тонут в кострах
Ведьмы того уныния хохломой Содома

Я вчера не ложился
Смотрел на весенний снег
Мне вчера Гена Шпаликов напевал
«Я иду шагаю по пражской весне»
А над нами хмурился старик Шагал

САГА О ПОДМОСКОВНОЙ ЭЛЕКТРИЧКЕ

Раздетых людей помещается в вагон больше, чем одетых
Видимо, поэтому электропоезда отменяют именно летом
Пассажиры располагаются внутри валетом
С грустью смотрят на водоём

И вот такая консервная банка катится в область
Если кто-то вдруг находит рядом с собою полость
На всякий случай говорит: «Девушка, я холост»
И заполняет собой объём

Каждый думает о разном, некоторые о прекрасном
Умудряются даже, но основная масса
Пережив сомнительные оргазмы
Размышляет лишь об одном:

Как случилось так, что в стране, где в синь стратосферы
Уходили межгалактические пионеры
Не придумали кондиционеры
Вот всегда у нас всё вверх дном

Зной терзал трудовые и иные затылки
Не помогали даже внутренности бутылки
И мужчина, видимо вышедший из Бутырки
Вдруг решил изъяснить протест

То есть дёрнул стоп-кран, некоторые решили лечь
Машинист произнес редкую по красоте речь:
«Не отпустишь, падла, включу печь!»
Дед в углу отстегнул протез

Начался шум, дамы кричали громче
Словно стая натравленных на добычу гончих
А тем временем где-то спокойный кормчий
Рассекал ледяную гладь

Там форель в глубине резвилась
В небе ласточки проносились
И чего-то у неба просили
А чего – уже не понять

Потому что проснулся я, ели
На меня из окна глядели
Мирно люди вокруг сопели
Солнце падало под откос

И перрон тут подплыл конечный
Каждый взял свой мешок заплечный
И пошёл, улыбаясь встречным
Напевая себе под нос.

* * *

Вы не львы, вы не львы!
Выли львы
Вы не львы, вы не львы!
Выли львы

Вы ль идёте на вы?
Выли львы
Вы ль ползете на рвы?
Выли львы
Вы ль польёте собой
Эту простынь травы?
Вы ли львы?

Вы ли вышли оттуда
Где выжили мы?
И застыли в желе нулевых
Где вы были?
Где были вы
И
Были ль вы?
Выли львы
Выли львы
Выли львы

Вам шакальи слова
Как халва
Наши промахи вам
Как бальзам
Словно вылили вёдра липкой молвы
Нам на головы, вы
Вы уклеики, не львы
Выли львы
Выли львы
Выли львы

Лев, он может быть прав
Но он лев
Лев, он может быть лев
Но он лев
Лев, он должен быть твёрд
Ведь он лев
Даже если он мёртв,
Все ж он лев

Но льву нужен привал
Что уж там
Под смоковницей одинокой
Он спокойно зевал
Пока вы свой тащили ломоть
В львиных правилах вам
Волооким
Потеряться булавкой
И мелко колоть
Зад старьевщика в сумрачной лавке
Средь с любовью развешанных ламп
Что уж там
В том невыгодном свете
Вы лишь деятели суеты

Так ревели вдали горделивые львы
И вели величаво
Меж обедами эту беседу
Век угас
В мох вросли валуны
Рыжеватая ночь
И лимон в неё выжат
Пчелы звёзды летят
В улей полной луны
Ивы выросли выше
А внизу на соломе
Солёной страны
Где причудливо тени пестрят
Снова ласково лижет
Мамка весна
Своих рыжих незрячих котят

* * *

Опять иду по встречной полосе
Как будто нет ни выбора ни грани
И мы вдвоем с зимой на поле брани
И я в который раз был ранен здесь.

Который раз ступать на этот тракт
А справа – только нить пунктира
Я заяц мартовский на скользкой сцене тира
Я песня с губ солдат, идущих в такт.

В меня попали, и пунктирный след
Уже алеет вдаль кровавой метой
Для тех, кто, может быть, пойдёт по следу
За неоттаявшим в течение стольких лет.

Но всё равно я чувствую весну
И я грызу замерзший кус свободы
Ведь я пришёл к природе от природы
С водой – с водой я и уйду.

* * *

Тёмно утро, да светла голова
Сгнили досочки, но можно идти
Ржавы гвоздики – печаль не нова
Крестик-нолик, обходные пути
Утлы лодочки, вода не кисель
Дырка в бублике – мишень хороша

Сел – вот тут и началась карусель
Полумесяцем полвека решать
Вынул ножик – детки, спрячьте глаза
Всё равно всем равна участь – водить
Может вы и не сожжете Рязань
Но уж точно кто-то Стеньку родит
Овцы целы, да паршива одна
На неё и лютый волк не охоч
Дядя Митрий не держи ворота
Пусть вся сволочь разбегается прочь
На свободе не жалеть палача
Всяк попробовать калач норовит
Любит площадь хруст того калача
Да с голоду кусает рот до крови
Чья-то девочка не плачет уже
И считалочка дошла до пяти
Мёртвый зайчик скребёт на душе
Вечный памятник в детской груди
Грандиозная сказка кольцом
Бесконечность о белых бычках
Только досочка вышла концом
Ржавы гвоздики в чистых руках.

* * *

Смыслы...
Да кому нужны эти смыслы
Тащишь слов холостых коромысло
По безлюдной глухой слободе
Глянь
За рекой в красках тонущий берег
По холсту льётся солнце, и жерех
Оставляет круги на воде
И нигде
Не найти ни одной опечатки
Там свобода в ажурных перчатках
Забавляется на песке
Но нет места тоске
Тут
Вечно юному первопроходцу
Подставляют ладони колодцы
И вся жизнь на стальном волоске

Я достану из вёдер глаза
Развяжу свой язык, дрогнет воздух
И спокойные тёплые звёзды
Подмигнут и начнётся гроза

* * *

Отчалило отчаянье
Надолго ль, навсегда?
Я вышел на прощание
Плыви, моя беда

Плыви под крики чайчи
Плакучим октябрём
Прощай, мое отчаянье
Машу я фонарем

Навстречу сизой мороси
В укутанный туман
Плыви, роняя горести
В солёный океан

Плыви за очертания
Плыви за вечера
Прощай, мое отчаянье
Я пил тебя вчера

Под сладость креозотную
Под паровозов дым
Тебя за поворотами
Вдыхал я молодым

К немym шёл расписаниям
По осыпи тревог
Выпытывать отчаянно
Названия дорог

И с привокзальной прозою
Под рифмой облаков
Глотал большими дозами
Лебяжье молоко

Там паруса качаются
Взмывают от плеча
Не дай же мне отчаяться
Прости меня, печаль

На полустанке брошенном
На спицах октября
Дождями огороженный
Я буду ждать тебя

Прощай иль до свидания
Под голубиный кров
Отчалило отчаянье
А с ним моя любовь.

ЖДИ

Жди меня, жди –
Меня всю ночь фонарь сторожил,
В окне заборы, и гаражи,
И хмурые дома в лесах.
Там на воде
Мы написали слово «нигде»
И долго-долго плыли, надев
На мачту небеса.

Жди меня, жди –
Я столько лет тебя ворожил,
А сколько я бумаг ворошил,
Точил карандаши и пел.
И никого
Не было, кто бы огонь
Держал, не разжимая ладонь,
Остался лишь один припев:
Жди, жди...

Жди меня, жди.
От осени сбежали стрижи,
И мы всё друг от друга бежим.
Рука в руке, плечом к плечу.
И провода
Качали нас по всем городам,
И вдоль дорог столбов череда –
Нательные кресты пьянчуг.

Жди меня, жди.
Мы дети над обрывом во ржи,
Сто лет поодиночке кружим,
Как точки на щеках весны,
Да только бродят звёзды в ночи,
Да только кочевая песня звучит,
А камыши всё так же молчат,
Хоть ветры говорят навзрыд:
Жди, жди...

Жди меня, жди.
Пусть наши отраженья уже
Забыли лужи и витражи –
Заснежены они теперь.
И пусть прольётся слеза,
Мы скоро растворимся в тиши,
И чёрточки на наших часах,
Оставь открытой дверь –
Верь и – жди, жди...

Игорь
БРУСКИН

РАССКАЗЫ

ДЕТЯМ ДО ШЕСТНАДЦАТИ...

Наконец-то сегодня избавился ещё от одного детского комплекса! Может, кто-то меня поймёт. С тех пор как я стал половозрелым, меня разбирала настоящая злоба и чёрная зависть к человекам, которым что-то можно по статусу, а мне нельзя. Вот несколько примеров. Я с большим негодованием читал на афишах кинотеатров: «Детям до 16 лет вход воспрещён». Чёрт побери, я в семилетнем возрасте тайно прочитал книжку «Мать и дитя», которую случайно подсмотрел у мамы, и был так увлечён, что запомнил её почти наизусть вместе с картинками. Пробраться на просмотр запретных фильмов было для меня непреодолимым желанием. Иногда это удавалось.

После шестнадцати, когда я уже легально, «как большой», проходил в кинотеатр, я не мог понять: а как бы сложилась моя неокрепшая психика, если бы я «это» увидел на два года раньше. Да никак, скажу я вам. А потом я узнал, что возрастные ограничения вводятся некими ответственными товарищами, для которых специально устраивают просмотры в отдельном зале, куда, если ты их знакомый, можно пройти бесплатно, а не убиваться в кассах «Горняка» за билетом на каждый американский, или французский, или индийский фильм.

Потом я не мог объяснить себе, почему у некоторых людей, которые ничем не лучше и не хуже меня, были какие-то удостоверения, пропуска и ещё какие-то «корочки» и другие признаки их особого статуса, и им были доступны особые места обитания – курорты, гостиницы, а также тряпки, еда, места в ресторанах, персональные машины... Какие-то особые отпуска – «лечебные» и прочие.

Позже я не мог понять, почему какие-то люди поучают меня в моей профессии, а сами имеют географическое или физкультурное образование. А эти закрытые заседания партбюро, профкомы, народные контролёры... Зачем

• **Игорь Брускин** родился в 1948 г. в Гродно. По профессии – пианист. Обучался игре на фортепиано в Магаданском музыкальном училище и Ленинградской консерватории. Занимался концертной и педагогической деятельностью. С 1997 г. живёт в Мюнхене. Пишет короткие рассказы.

они мне нужны? Какими я обладаю издержками воспитания, которые не позволяют мне существовать без контроля этих человек? Помню, как впервые вошёл в обком партии – зачем-то меня пригласили к какому-то инструктору. Раньше, ещё мальчишкой, я пробежал мимо этого здания и не обращал на него никакого внимания – это ведь не музыкальная школа – что там интересного могло быть!

Весело взбежал по широкой лестнице, с трудом открыл массивную входную дверь и с мороза в запотевших очках лечу дальше. И вдруг мне преградил дорогу милиционер с пистолетом! Я не понял, куда попал, растерялся и спросил: «Это обком?» Я же думал, что милиционеры могут работать только в милиции и на улице!

Мой пыл быстро угас, когда началась «идентификация» моей персоны. Партбилета у меня нет. Паспорта нет. Милиционер стал куда-то звонить, что-то согласовывать... Течение жизни остановилось... А мимо проходят товарищи с корочками, перед некоторыми милиционер вскакивает, а я, как последний «поц», чего-то жду... Этот служака даже не спросил, играю ли я на рояле и где учился... Думаете, не обидно?

Жизнь меня научила, конечно, кое-чему. Я стал понимать этот «птичий язык» обитателей высоких кабинетов, ловить сигналы, проявлять терпение. Я, если надо, могу быть изощрённым профессиональным склочником – один раз попробовал, а теперь лень, не моё это.

Время идёт, я уже немного превысил среднюю продолжительность жизни мужского населения в местности, где прожил большую часть своей жизни. И наконец сегодня вечером я почувствовал себя отомщённым за всё! Успел, можно сказать!

Иду я на репетицию в нашу общину, а у входа большая толпа иностранных туристов – экскурсии по общине платные и весьма популярны в Мюнхене. Вход охраняют «мальчики» из Израиля, одежда на которых топорщится в определённых местах с правого бока. Кроме того, рамки и прочее. И вот стоит эта толпа и не проходит внутрь – то ли списки не согласовали, то ли ещё какая причина. Не пускают людей!

А я, такой вальяжный, иду сквозь эту толпу, которая смотрит на меня завистливым взглядом, а может, даже и восхищённым, и без всяких корочек, улыбнувшись грозным охранникам (они же меня знают!), прохожу внутрь. А того милиционера из прошлой жизни они бы фиг пропустили. А я бы сказал: « Это со мной...»

АПТЕКА

Только что вернулся из аптеки напротив дома. И сразу за «перо» (компьютер).

...В аптеке очередь человек пять. В двух метрах от стойки по полу проведена красная черта. За неё ступать запрещено до приглашения фармацевта. Все посетители выдрессированы и даже не пытаются что-либо узнать без очереди. Ждут.

У стойки стоит сухонькая старушка-немка с аккуратной стандартной причёской и что-то спрашивает у молодой аптекарши. Аптекарша подробно отвечает на вопрос и каждую фразу заканчивает хорошо поставленной голливудской улыбкой. Каждый её ответ моментально вызывает новый вопрос пожилой дамы «интеллигентного вида». Я начинаю прислушиваться и понимаю, что дама очень подробно рассказывает историю своих многочисленных недугов, передан-

ных в ощущениях. Молодая фармацевт слушает её так, что со стороны кажется, будто перед ней стоит не докучливая клиентка, а самый близкий человек. Её выдаёт только беглый взгляд на увеличивающуюся очередь. Наконец бабушка иссякла, вопросы закончились, и она неспешно стала складывать в сумочку полученные лекарства и сдачу с чеком. Сначала коробочки с лекарствами, потом, порывшись в сумочке, достала какой-то хитрый кошелёк со множеством отделений и не спеша стала распределять деньги и чеки по отделениям, строго соблюдая порядок назначения каждого кармашка. Немного притормозила во время пересчёта мелочи, разделяя монеты мелкого и крупного достоинства соответственно отделениям кошелька. Я буду писать по-русски, хотя беседа происходила на немецком, естественно. Бабушка закрыла сумку и уже хотела уходить, как эта дура «фармацевтин» произнесла: «Передавайте большой привет Вашему мужу!» и опять зафиксировала сказанное «спецулыбкой» для фото!

«О, Готт!» – сказал я (про себя, конечно!) и стал глазеть по сторонам, как бы разглядывая витрины с лекарственными новинками, а на самом деле ожидая соответствующей реакции толерантных немцев. Они стояли с таким выражением лица, как будто у них было расстройство желудка и они по указателям наконец-то нашли туалет, а на двери табличка с надписью: «Не работает». Ни один мускул не дрогнул на их лице, и только расширенные зрачки выдавали некоторый дискомфорт.

Старушка очень подробно проинформировала «фармацевтин» о состоянии здоровья своего супруга, и они ещё немного поговорили по стандартной схеме: «Я желаю Вам хорошего дня и не болеть». – «И я желаю Вам того же! – «Скоро праздник, остаётесь ли Вы в Мюнхене или уезжаете к родителям в Берлин?» – «Я ещё не приняла решение, но скорее всего поеду». – «Одна или с подругой, а может, уже с другом? (Хи-хи.) Пора!» – «Ещё раз спасибо, до свидания!»

Пожилая женщина окинула добрейшим невинным взглядом образовавшуюся очередь, всем сказала «до свидания» (по-немецки, разумеется!) и полная достоинства направилась к выходу. А «добила» она меня, когда кто-то из посетителей галантно открыл ей дверь на улицу и услышал в ответ: «Большое-большое спасибо, молодой человек, вы очень предупредительны!»

...Настала моя очередь. Знакомая улыбка, Голливуд. «Чем я могу Вам помочь?» (Я уже на грани срыва.) «Пожалуйста», – протягиваю рецепты. «Спасибо, – говорит аптекарша, очаровательно улыбаясь. – Т-а-а-к, посмотрим, у вас есть карта клиента?» (Улыбка.) «Когда вы были у нас последний раз?» («Лыбится», зараза!) «Одна минута – и Ваш заказ будет выполнен!» (А куда ты денешься!)

Выносят лекарства, и девушка их встречает с таким восторгом, с таким восторгом, ну не описать! Она мне их так преподнесла, как будто я эти лекарства не купил, а «достал» по личному знакомству с начальником Областного аптечного управления. Да у неё этих лекарств – пруд пруди! И к чему выделываться-то?

Ну а потом – «в-а-аще атас». «Что бы Вы хотели получить в подарок от нашей аптеки?» «Нужна ли Вам сувенирная сумочка с нашим логотипом?» «Не хотите ли купить новое натуральное средство от перхоти?» и т. д. Ужасно противно! Особенно эта улыбочка! Серьёзнее надо быть! И вот эти всякие «до свидания», «хорошего Вам дня» и прочее – лишнее всё это! Я зашёл? – зашёл. Рецепт дал? – дал. Лекарство взял? – взял. Ну и до свидания!

Надоели мне эти китайские церемонии.

КРЕМАТОРИЙ В МЮНХЕНЕ

Я сейчас такое напишу... такое...

Если в пятидесятилетнем возрасте решаешься на эмиграцию, то должен сразу понимать, что с цветами и контрактом тебя никто не ожидает на перроне! Я это предвидел, как и предвидел, что где-то в потаённых уголках Европы стоят одинокие фортепиано, которые скучают без моих волшебных прикосновений, а иногда и ударов! После нескольких моих выступлений в самых различных форматах различными путями образовался небольшой круг немцев-альтруистов, которые искренне желали помочь уже немолодой семейной паре интегрироваться в гражданское общество. Они принимали новых экзотических знакомых в своих домах и виллах, спрашивали о наших любимых композиторах, демонстрировали обширные коллекции грамзаписей Чайковского и предлагали иногда выступить на семейных праздниках за маленький гонорар. Приходилось соглашаться на эти условия ради выживания. Конечно, это не совсем то, что мы предполагали, но всё же...

Через некоторое время я насобирав учеников, штук восемь. Но больше полугода не смог выдержать. Я грустно завидовал женщинам-коллегам, которые на высоких каблуках могли за день «обслужить» по 5–7 малявок с пересадками метро – трамвай – автобус... А иногда и на велосипеде, и пешком! Героини! Пока мужья впадали в депрессию и вели нескончаемые беседы, предметом которых были истории и фантазии в прошлом или будущем, их жёны своим трудолюбием решали проблемы в настоящем времени.

С детской педагогикой у меня не сложилось ни там, ни здесь. Приведу пример моей «ленивой» методики. Изучение нот... записывайте, а то это уйдёт вместе со мной! Пожалеете потом! На первом занятии я показываю дитяти ВСЕ ноты скрипичного ключа, на втором – ВСЕ ноты басового ключа, а на третье занятие или я, или ученик не приходит обычно! Мамы их жалеют...

И вот однажды один пожилой «альтруист», любитель музыки, успешный инженер, с которым мне приходилось играть в ансамбле, позвонил мне и спросил, умею ли я играть на органе. «Да, разумеется!» – ответил я, хотя ни разу не пробовал, а только близко наблюдал. Это во мне сработал рефлекс эмигранта. Я сразу же забыл этот разговор, но мой новообразовавшийся друг всё делал с легендарной немецкой пунктуальностью. Он написал много писем в различные организации с предложением моих услуг. Он забыл только оповестить профессию консерваторий о моём существовании. Поэтому, очевидно, меня и не пригласили на кафедру. К этому времени музыканты из бывшего СССР стали проблемой в немецких музыкальных сообществах. Местные артисты робко стали заикаться «о немецких музыкальных традициях» – им же тоже кушать хочется. Постепенно возникло ощущение некоторого сдерживания амбициозных намерений «наших». Поэтому, когда мне предложили поработать в госучреждении за скромную зарплату, я не стал искушать судьбу и немедленно согласился.

Зал обрядов кладбища *Perlacher Forst* в старинном районе Мюнхена – Гизинге – был огромен, строг и блистал чистотой. По винтовой старинной лестнице я прошёл в помещение, где в идеальном порядке стояли ноты, утверждённые начальством и учитывающие самые разнообразные пожелания безутешных родственников усопших. Усопшие, судя по репертуару, все без исключения были

просвещёнными меломанами. Там было всё – от хоралов до джазовых стандартов. Ну и классика, разумеется. Старший бригады гробовщиков попросил что-нибудь сыграть, высказал пожелание играть громче и энергичней, кому-то позвонил, и я был допущен к работе. Ни тебе диплома, ни тебе трудовой книжки, ни грамот за хорошую работу – ни-че-го-шеньки не понадобилось!!!

Зал был с громадными сводами, жутким эхом, и там ничего невозможно было разобрать. Но получалось похоже! Быстро играть бессмысленно, включил тутти, и всё звучит, «пришла» скрипка – выбирай флейтовый регистр тихо-тихо и вот она – «Аве, Мария». Иногда приходилось моментально выбирать фактуру в зависимости от солирующего инструмента, а это для многих «учительниц», да и многих гастролирующих артистов – проблема. Помните знаменитый анекдот на репетиции симфонического оркестра? Дирижёр – концертмейстеру первых скрипок: «Дайте «ля»! – «Дайте ноты!» – был ответ.

Короче, переиграл я все поп-классик шлягеры со всеми вариантами ансамблей. Перепел со священниками различных конфессий и с хорами прихожан – родственниками и друзьями усопших – множество самых известных хоралов. Кстати, публика их пела свободно по нотам, и звучало восхитительно, да ещё в такой момент! А католических и евангелических священников учат петь, и они ближе к традиции, чем любая городская капелла в России с тем же репертуаром. Мне было чрезвычайно интересно. Крышку гроба во время церемонии не открывали, и вся публика вела себя смиренно.

Через полгода я пошёл на повышение – органистом в крематорий! Это здание было построено в 1905 году, и в печи этого крематория сожгли тела нацистских преступников, казнённых по приговору Нюрнбергского трибунала. Здесь стоял большой старинный орган, правда, в плохом состоянии, который вскоре заменили на специальный дигитальный орган итальянской фирмы «ВИСКОНТ». По периметру зала развесили шесть мощнейших звуковых колонок. Звучало хорошо! Часто музыканты прибегали в последнюю минуту, вручали ноты, и надо было играть. Хорошая практика. Всё это продолжалось более 10 лет! В 15.30 я уже был свободен от службы и имел много времени на периодически возникающие другие проекты.

Коллектив у нас подобрался молодой, доброжелательный и очень дисциплинированный. На каждый обряд отпускалось 45 минут. За день приходилось «проживать» 7–10 усопших.

Получалась зарплата, которая избавляла семью от унизительной необходимости просить социальную помощь (о которой много говорят в России про эмигрантов), позволяла пользоваться автомобилем и много путешествовать.

А теперь – уморительный эпизод в этих неуморительных обстоятельствах.

Захожу я однажды в Крайсфервальтунгсреферат («Горисполком») оформить приглашение нашим друзьям для поездки в Германию. А клерк сидит – тоже иностранец. Я обрадовался, потому что два иностранца, плохо говорящих по-немецки, лучше поймут друг друга. Он с любопытством посмотрел мою ежемесячную справку о зарплате и спросил о моей профессии. Вроде как зауважал.

«Вы музыкант?» – спросил он. – «Да». – «А сколько у Вас концертов в месяц?» – «Сто восемьдесят девять», – чистосердечно признался я.

Повисла пауза, мне подписали бумагу, я вежливо раскланялся и вышел...

Тамара
ВЕТРОВА

РАССКАЗЫ

МАРИАННЕ СНИТСЯ СОН

То-то и оно, что Океан и манит, и предостерегает одновременно. Да и кому не снилась волна размером с башню, и как эта башня – живая и ловкая, несмотря на величину, – неслась, играя, к берегу и глотала всё на своем пути?

Но до волны, грозной и молчаливой (и предваряя волну), до этого смертельного разрушительного бега, сам собой вползал в ноздри океанский дух – острый солёный запах, аромат гнилых водорослей, мёртвых раковин, плотного сырого песка... И вот смешно сказать: весь их небольшой городок, включая двухэтажную школу, хилые деревца вдоль пустынного бульвара, да молчаливые холмы в долине... включая даже гигантскую Руку чуть не в центре города, – ту, что словно выросла из сухой земли и достигала высотой второго этажа... в прожилках, покрытая желтоватой кожей Рука – во сне это всё чудодейственным образом трансформировалось в череду пропитанных солью ароматов. Итак, запахи гниющего планктона, водоросли, напоминающие дохлых полупрозрачных ящериц, блестящий песок, настолько плотный, что в нём почти отражалось бегущее бесцветное небо, – и наконец, башня из воды, победоносная, стремительная башня – конец сна, но в то же самое время и его продолжение, финальная часть которого всякий раз оказывалась смыта тяжёлой светящейся волной...

На этот раз Марианне опять приснился Океан. А это уж, как хотите, само по себе было удивительно. Слишком далеко лежал Океан от городка; в недоступной, можно сказать, области. Некоторые даже всерьёз подумывали: не фантазия ли этот Океан? не страшилка ли из детских сказок? Не может, да и не должно существовать то, что несёт человеческому телу тяжёлые недуги, а душе человеческой –

• **Тамара Ветрова** окончила Уральский государственный университет по специальности «филолог». Писатель, педагог, автор двух книг художественной прозы, а также книги «Свободная стихия», посвящённой развитию речи ребенка («Искусство в школе», 2015–2016). Публикации в журналах «Магазин Жванецкого», «Урал», «Зеркало», «Крещатик», «Слово\Word», «Стетоскоп», «Знание-Сила: Фантастика» и др. Шорт-лист премии журнала «Урал» (2011) и Международной премии «Русский Гофман» (2016). С 2016 г. живёт и работает в Париже.

растерянность, уныние, чувство безнадежности и тупика. Но можно сказать и честнее: не только уныние или растерянность, но и страх, ощущение смертельной угрозы, ясное представление, что неумолимый хищник – рядом, и разве что не дышит тебе в затылок...

В этом последнем сне Марианна, ни разу наяву не видевшая Океан, шла по пустынному берегу, слегка увязая ступнями в мокром песке. Конца и края дороги было не видно, но главную трудность во сне представляло другое: в какую сторону идти – вот вопрос. Налево? направо? Это казалось важным, потому что в голове билась слабая надежда: одно направление верное и приведет, рано или поздно, домой, на улицу Парковую, которая, впрочем, ни к какому парку отношения не имела. Другое же направление было бесконечным и в прямом смысле никуда не вело. Так объяснила себе во сне Марианна: сколько ни иди, будет только то, что ты видишь сейчас, – песок, подвижная темная вода, клубящееся с фиолетовыми прожилками небо и скованные усталостью ноги. Так вот и будешь идти, приговоренный к Океану, прикованный к Океану. Кому понравится такая участь? Но ноги уже сами несли Марианну вдоль пустынного берега. Она торопилась, как ни трудно было ступать, и старалась не думать, в правильную ли сторону идет. Поздно было рассуждать и сомневаться.

И вот, охваченная этой необъяснимой с точки зрения реальности и здравого смысла спешкой, девушка знай себе брела туда, не зная куда. Постепенно краски над её головой стали меняться, и небо, подчиняясь неизвестным законам сновидения, приобрело вид слабо движущейся воды, накатывающей на берег. Таким образом верх и низ, небо и Океан как бы слились в сознании и восприятии Марианны, и та очутилась, не ведая как, внутри этой необъятной водяной капли – тяжёлой, полной тусклых бликов и грозного движения. Казалось бы, далеко ли уйдешь, когда тебя обступает водяная бездна? Во сне, однако, Океан словно бы впустил в себя девушку, и та медленно, но всё-таки неостановимо шла по незнакомому городу воды, глухого сияния, клубящегося мрака, который, может, и был дыханием могучего Океана...

Не сразу Марианна поняла, что сон, погрузивший её в Океан, оставил ей гладкое, блестящее и скользкое тело, но зато лишил рук и ног. Да и не нужны тут были руки и ноги! Навстречу бесшумно скользнула стайка других девушек – и каждая, представьте себе, недурно выглядела в чешуе с лимонно-фиолетовым отливом. Марианна усмехнулась, отметив про себя, что красотки будто сделаны из стекла – да и само едва заметное движение воды наводило на мысль о расплавленном текучем стекле...

Затем, перестав таращить глаза на встречающих, Марианна с легкостью, которой сама от себя не ожидала, устремилась в коридоры и лабиринты, рассекающие океанские глыбы. Она скользила в воде пританцовывая, и каждое движение отдавалось внутри слабым перезвоном хрустальных ниток, которыми в её детстве бабушка, помнится, штопала разорванную занавеску. Не сразу Марианна заметила, что Океан в её сне больше не казался ей темным неповоротливым чудовищем. Ничем ей больше не грозил, а лишь оглаживал гигантскими стеклянными лапами – фиолетовыми, зелеными, а то и синими, как огонь подводных звёзд. Вдобавок тут и там кружили, либо скользили мимо, а то и висели в грациозной неподвижности обитатели Океана. Сколько жизни, подумать только! А ведь в каком-то другом, за границами Океана существовании Марианне чудилось, что

Океан – это гибель, это навсегда утерянное чувство уверенности; сила, которая того и гляди растащит тебя на кусочки и развеет по безлюдному космосу...

Таким образом, как видите, сон и реальность, или, во всяком случае, тени реальности перепутались в сознании девушки, так что концов не сыскать.

Тем временем, скользя в плотных стеклянных водах, Марианна держала путь в знакомый, как ей казалось, дом, увитый тёмно-зелёными водорослями и окружённый башнями из серебристого песка, возвышающимися вокруг её убежища. Легкость, сопутствующая ей в пути, постепенно уступила место тёмному облачку. Неясное предчувствие вползло в душу, и вот, стоило Марианне наконец приблизиться к дверям родного дома, это предчувствие обрело звук. В доме слышался плач, да какой! Как будто оплакивали кого-то, ушедшего на веки вечные... Хорошо известно: есть такие расстояния, которые нипочем не преодолеть, как бы ни старался. Такой плач и стоял в доме, хрустальным столбом подпирая потолок; как будто кто-то близкий ушёл по стеклянной дороге воды и больше никогда не вернется.

Несколько раз Марианна обошла родной дом, не чувствуя своего лёгкого блестящего тела. А когда решилась переступить порог, поняла, что в доме стряслась беда. И не только плач на это указывал. Вздохи, стоны наполняли дом, то спадая, то нарастая – будто сполохи огня под напором ветра. Но главное, она услышала плач сестёр, легкомысленных и беспечных, которые, как ей казалось прежде, вообще не умели грустить, тем более – горевать. Что же с ними стряслось? Какой обидчик нарушил покой в их жилище, укрытом стеклянными водорослями, отполированными камнями? В доме, согретом огнём морских звезд?

Осторожно шагнула Марианна через порог. Не очень-то была уверена, что поступает правильно; да ведь как-то надо было поступить? В конце концов (казалось во сне), это её дом – что же удивляться тому, что она тут?

И вот она вошла.

И сразу вслед за этим на дом камнем упала тишина. Безмолвие, казалось, сделалось размером с огромный рыбий пузырь, который знай себе раздувался и рос. Окружённая этим оглушительным безмолвием, Марианна робко повела глазами. Бабушка с бледными, как пролитое молоко, руками, окаменев, смотрела на внучку. И точно так же на неё смотрели сестры, их блестящие тела словно померкли и были неподвижны. Огромные блестящие зеркала, которыми был полон дом и которые наводнили бликами внутренние помещения, а предметы делали похожими на тугие водяные струи, – зеркала повторяли и множили окаменевшие лица близких. Поколебавшись, Марианна произнесла несколько слов, но к удивлению своему обнаружила, что слова остались внутри неё, так и не вынырнули наружу. Сколько рот ни старался, как ни двигались губы – всё напрасно! Ни слова, ни звука не смогла произнести девушка, и тогда она молча оттолкнулась от пола и блестящей стрелой скользнула внутрь комнаты. Ей хотелось обнять бабушку, чьё лицо смутно желтело в глубине помещения, будто увядший цветок. Но бабушка уклонилась от её объятий, в глазах её Марианна заметила горечь и испуг. Ну можно ли поверить, что родная бабушка перепугалась, увидев внучку?!

– Видишь ли, – сказала одна из сестёр Марианны, перестав плакать. – Мы, конечно, очень любим тебя, но ты уже несколько дней как превратилась в мокрую траву напополам с песком и ракушечником. От тебя, голубушка, пахнет мокрыми тряпками.

– Как так? – хотела спросить Марианна, но голос опять заблудился в её глубине.

Сёстры одна за другой обступили Марианну, лишь бабушка не приближалась, и лицо её теперь напоминало Марианне луну, размытую водой.

Сколько уж длилось это свидание? У Марианны не было часов, так что нечего и гадать. Сестры же знай себе толковали девушке её печальную судьбу. Если им верить, получалось, что Марианна несколько дней назад переехала из дома, покинув навек город со стеклянными дворцами и коралловыми башнями. Взамен этого её ждало кладбище песка, гнилых водорослей, мёртвых раковин – иначе говоря, Марианну принял Берег как он есть.

Слово «берег» заставило девушку содрогнуться. В эту минуту её затянувшийся сон словно показал ей другой сон – но в этом другом сне хозяйничал не Океан, а прибрежные мёртвые пустоши. И вот чудо: Марианна во сне точно помнила, что живёт в городе, хотя и далёком от Океана и от берега – но в городе! Однако сон упрямо настаивал на противоположном: она не живёт в городе, потому что никакого города на берегу нет, да и быть не может. Нету города и дальше, в глубине долины, уставленной молчаливыми холмами.

– Что же там есть? – тихо спросила Марианна.

Сёстры охотно, но с грустью объяснили, что на берегу ничего нет. Лежат клубки гнилых водорослей, тут и там сырой песок. А город, объяснили сёстры, ей померещился. Это был её сон, потому что им, выброшенным на мёртвый берег и превратившимся в водоросли, или в бледные пятна от высохших медуз, или в тёмные точки планктона, – частенько снятся сны. То же с её городом, и с людьми, которые там, как ей кажется, живут: эти образы временные, как листик от осеннего дерева или нечаянно упавшее на землю перо. Тлеющие на берегу водоросли просто-напросто принимают какой-нибудь нечаянный вид, потому что уж очень пустынен берег, очень одинок. Тут хочешь не хочешь, а прикинешься, пусть и не слишком пригожим, человеком. Напаялишь на себя чужое лицо, как шкурку мёртвой ящерицы, и делаешь вид, что ты настоящий, а не подделка.

В ШКОЛЕ

– А вы вообще в курсе дела, – спросила Маргарита, – что они оккупировали школу? Ну, не всю, допустим, школу, но левое крыло. Актёрный зал захватили точно.

Преподаватель по труду спросил:

– Да что им делать в пустом зале? В кабана они преотлично играют во дворе.

– В спортивном зале имеются снаряды, маты.

– Это не снаряды. Это рухлядь, – возразил трудовик. – Их давно пора сжечь в печке.

– А тренировки? Соревнования? – насмешливо уточнил учитель физкультуры Сулла Склизаков.

Педагоги откликнулись неуверенными смешками. Их ирония объяснялась тем, что последние десять или двенадцать лет в школе слыхом не слыхали ни о каких

соревнованиях. Да и кому было соревноваться? Все меньше детей посещало школу; год от года меньше, и хотя учёт ребятишек, покинувших город, никем не велся, но и без всякой статистики было понятно, что скоро учить станет некого. Впрочем, директор Виктор Алексеевич держался оптимистично и вдобавок пытался обратить в свою веру других. Говорил: беглецы возвращаются. Погуляют и придут – это, коллеги, называется диалектика.

Но по лицам коллег было видно, что те сомневаются. Да и слово «диалектика», казалось, случайно вторглось в директорскую речь и было, мягко говоря, не обязательно... При чём тут диалектика? Но главное, директор лукавил: дети не возвращались. Если не считать «возвращением» случая, когда заблудившихся (это были двое малолетних пацанов) случайно нашли среди пустынных холмов. Набрёл на них местный фотограф Дядькин, человек пьющий и опустившийся; проявил, однако, твёрдость и сообразительность и доставил детей в город. Оба молчали как рыбы и, судя по всему, не узнали собственных опекунов. Вот и всё «возвращение». Но можно ли было, опираясь на этот единичный случай, делать столь категорический вывод? Виктор Алексеевич, директор школы, полагал, что да, можно. И всё твердил, что статистика на их стороне.

– Дети возвращаются, – повторял Виктор Алексеевич. – Ребенок не поплавок, чтобы болтаться в океанской пустыне.

Договорившись до «океана», директор словно поперхнулся и затих.

Педагоги обменялись взглядами.

Можно было подумать, что у директора вырвалось непристойное словцо.

Маргарита сказала:

– Что они делают по ночам в спортивном зале – вот вопрос. Хорошо ещё, если играют в кабака. Но если это другие игры...

– Прийти да посмотреть! – рявкнул Сулла Склизаков.

Марианна робко высказалась:

– Можно организовать дежурство.

– Десант! – подал реплику физкультурник. – Повязать всю шайку на месте преступления.

– Почему же преступления? Возможно, они просто... сидят по углам, – заступилась за детей Марианна. Слово «десант» вызвало в девушке внутреннюю дрожь. Представила здорового потного Суллу и, допустим, маленького Чавеса, мальчика из её класса... Чавес, конечно, довольно крепкий мальчишка – но рядом с нависшим Суллой...

– Не нужен десант, – более уверенно высказалась Марианна. – Я сама вечером подежурю.

Подумать учительница не успела. Ею овладели жалость и странная, разлившаяся, будто весенние воды, тоска; тоска эта затопила всё её внутреннее пространство и заставила действовать необдуманно, скорее по наитию, чем в результате взвешенного расчёта.

Маргарита, которая казалась юной Марианне старухой, повернула к ней желтоватое, в сухих трещинках лицо.

– Да они вас сожрут, – сказала она с некоторым удивлением. – А косточки обглодают и выплюнут.

– Ничего. Я просто посмотрю из укрытия.

Марианна и сама уж раскаивалась в необдуманном своём предложении, да отступать было поздно. Ну и потом, этот дикий десант... В конце концов, Суллу

надо было остановить. Девушка старалась не смотреть на учителя физкультуры. Тошнота, словно от несвежей пищи, так и подкатывала к горлу при взгляде на этого тяжёлого и довольно вялого человека.

– Так уж вы, Марианночка, не откладывайте. Сегодня и сходите вечером, а завтра расскажете, что да как, – наставляли коллеги.

Марианна молча кивнула.

Очутившись на улице, пошла так медленно, словно шла не домой, а к месту казни. Причина этой медлительности была вот такая: Марианна погрузилась в размышления и принялась задавать себе вопросы и обдумывать линию поведения на вечер. И кто, спрашивается, дёргал её за язык? Для чего вылезла с дурацкой инициативой? Всё дело в том, что у Марианны никогда не было сестры или братишки, а ей, как героине какой-то старой сказки, очень хотелось иметь маленькую девочку. Она бы её выучила заплетать косичку-волну; мягкий, плавный валик, обтекающий голову... Или делать из кос корзинку – а это, кстати говоря, требует немалого мастерства. Но, правду сказать, никто из её учениц не походил на эту воображаемую сестрёнку. Да и в братья едва ли кто годился. Представить того же Чавеса с маленьким черепом, который он не выпускает из рук... Да ещё в придачу торжествующе зыркает глазами направо и налево, словно быть обладателем черепа – такая уж заслуга. Станные у них всё-таки игрушки... Но, возможно, Чавес куда умнее, чем кажется, и его увлекает тайна смерти? Вот и заглядывает в пустые игрушечные глазницы, пытаюсь представить, вообразить...

Марианна вздрогнула. А потом припомнила, как маленький Чавес однажды сказал:

– Кто это за тобой ходит?

– За вами, – машинально поправила учительница и медленно повернула голову. Конечно, за спиной никого не оказалось, однако Чавес прищурил маленькие чёрные глаза и продолжал упорно что-то выглядывать.

– Тётяшка какая-то, – наконец сообщил он.

– Что за тётяшка? – сердито сказала Марианна.

– Обычная тётяка, но руки, как вода. Ты не бойся, – прибавил Чавес, – такими руками она ничего не сделает.

Марианна зачем-то спросила:

– Мокрые руки?

– Не мокрые. А из воды. Текут, как вода.

С растущей тоской и головной болью вспоминала Марианна нелепый разговор. А между тем, тратить время на подобные воспоминания не имело смысла. Надо было пошевеливаться, идти домой, перекусить, отдохнуть немножко да собираться в школу. Раз уж сама себе назначила дежурство...

Так и добиралась Марианна до дому, стараясь избавиться от непрошенных мыслей. А когда проходила мимо Руки, заметила, что тень от пальцев лежит под ногами. «Как будто иду по пальцам».

Девушка жила неподалеку от Руки, и когда изредка выходила на узкий каменный балкон, имела возможность видеть Руку, так сказать, в полный рост. Та почти достигала высоты второго этажа – мощная, толстопалая и покрытая сетью трещин-морщин. Несколько чахлах берёз рядом с Рукой казались игрушечными. Зато Рука была настоящая – крупная, как уже говорилось, и совершенно натуральная – исключая, конечно, габариты. Вечерами можно было подумать, что

неизвестное дерево выросло посередине города – причём корнями вверх. Марианна ненавидела Руку, при взгляде на неё содрогалась от брезгливости – но, правду сказать, не знала никого другого, кто разделял бы её чувства. В лучшем случае – испытывали равнодушие, а то и восхищались, как, допустим, их преподаватель физкультуры Сулла.

– Хороша! – говорил он, почему-то облизываясь. – Здоровая, что твоя лопата.

Марианне эти речи были непонятны и неприятны. Какая такая лопата? И почему – хороша? Да и сам Сулла, по совести говоря, был малоприятным человеком. Дальний родственник Руки, да и только.

Время до вечернего похода в школу Марианна провела, погрузившись в размышления и мелкие заботы. Прибрала вещи, брошенные утром на незастеленную кровать; а вот мысли никак не приходили в порядок. Смятение или какое-то похожее чувство то и дело накатывало на Марианну, и в конце концов пришлось признать – налицо самая настоящая паническая атака. Хотя – чего именно опасалась учительница, объяснить она была не в состоянии. Теперь школа представлялась ей чем-то вроде укрепленной крепости, оккупированной к тому же таинственным и непонятным врагом. И в самом деле: кто из них, педагогов, мог с уверенностью заявить, что знает своих подопечных, умеет разговаривать с ними, или хотя бы в состоянии добиться того, чтобы быть просто замеченным воспитанником?

Смятение и тоска охватили Марианну. Что ждёт её в школе, погружённой во мрак?

Тут девушка вдруг кое-что вспомнила. Мысли, одна за другой непоследовательно вторгавшиеся в голову, высветили случайный эпизод, приключившийся в ту пору, когда Марианна только пришла работать в школу. Однажды – дело было ранней весной, и день за окнами казался полинявшим и словно обесцвеченным тусклым солнцем – Марианна явилась в школу пораньше, чтобы подготовиться к уроку. Тогда ей ещё казалось это важным – точно и чётко сформулировать цели и задачи, построить план... Она и детей на тот момент видела только издали – так, копошащаяся грязноногая куча во дворе... И вот явилась в класс, уселась за стол и открыла рабочий блокнот. Затем что-то насторожило учительницу. Под последней партией кто-то сидел и отчётливо сопел. Почему уж в голову зашла мысль о неизвестном животном? Город не лес, в конце концов; не дикое поле, не долина, уставленная молчаливыми холмами... Тут неоткуда взяться таинственным зверям. И всё-таки Марианне стало не по себе. Она вдруг осознала, что в школе, кроме неё и уборщицы на первом этаже, никого нет; что в гулких коридорах её голос – случись ей закричать – заблудится и растает, как в лесу глухом... Это переживание сковало учительницу. Осторожно поднявшись на ноги, она медленно прошла между партами и позвала: тью-тью-тью. Ей казалось, что, если под партией и впрямь притаилось неизвестное существо, оно, заслышав ласковый зов, не проявит враждебности. Но под партией сидел не зверь, а толстая девочка. Согнувшись в три погибели, она неотрывно смотрела себе под ноги, выглядывая что-то на полу. Марианну, застывшую над партией, девочка словно не замечала, лишь продолжала сдержанно сопеть да водить по полу руками.

Марианна наконец сказала:

– Ты чего под стол залезла? Потеряла что-то?

– Тут темно, – последовал неожиданный ответ.

Затем Мэри-по (девчонку, как скоро выяснилось, звали Мэри-по) вылезла наружу и почесала ногу, задрав предварительно красную брючину.

– А под партой что делала?

– Колдовство, – сказала Мэри-по и нагло уставилась на Марианну. – У меня под мышками волосы растут, а я их травлю.

– У тебя, – растерявшись, ответила учительница, – не может быть волос под мышкой. Ты ещё маленькая девочка.

Девочка упрямо повторила:

– Я волосы травлю. А вы не суйтесь.

– Тебя кто так разговаривать научил?

– Рыба-соль, – отвечала маленькая нахалка.

«Колдовство», – вспомнила Марианна. Глупая идея закралась ей в душу. Они там в школе промышляют колдовством. А заводила наверняка Мэри-по. Чего они хотят – вот вопрос.

В школу Марианна направилась, дождавшись сумерек. А зачем, спрашивается, было идти раньше? Уж если они и в самом деле таскаются в пустую школу... если это не выдумки Маргариты... не пузырь, раздутый на ровном месте... – то уж, будьте уверены, придут они, когда смогут улизнуть из дома, иначе говоря – вечером. Когда домашние, повозившись на кухне, усядутся в продавленные кресла перед телевизором. И уж тогда... – тут Марианна усмехнулась. Тогда – даже если на город вдруг нахлынет океанская волна высотой с дом – наверняка никто и глазом не моргнет. И опять-таки: что, трудно повесить на школу замок? Сорок раз об этом говорили, и даже, было дело, Сулла Склизаков этот самый замок чуть не сунул в нос директору Виктору Алексеевичу, а затем злобно прибавил: он, мол, дело сделает, раз у всех прочих руки не из того места растут. Однако же храбрился понапрасну, ничего не сделал. И остался тот замок лежать на столе в учительской, как был: ржавый и бесполезный.

Но вот Марианна остановилась. Школа темнела перед ней, слабо поблескивая двумя рядами окон, а на ступеньках, ведущих к главной двери и скудно подсвеченных уличным фонарём, разлегся кот. Животное почти сливалось с темнотой, и можно лишь удивляться, что учительница нечаянно не наступила на прищельца.

Неизвестно почему, кот навёл на Марианну смертельную тоску. Или не в коте тут было дело? Может, была виновата пустынная улица, может, это её унылый вид погрузил Марианну в тоскливую думу? Но главное, захотелось девушке поскорее унести ноги с родного школьного крылечка... Со вздохом и твёрдо ступая, Марианна сделала ещё шаг и вошла внутрь. В нос ударил запах, который учительница тщетно попыталась объяснить. Остро и загадочно в тёмном коридоре пахло водорослями, или тиной, или длинными пустынными отменями, покрытыми мёртвыми растениями.

Коридор был наполнен необъяснимым духом водорослей, мокрой травы, гниющего планктона. В который раз Марианна подивилась: откуда берётся этот дух океана? Каким образом в самые непредвиденные моменты обнаруживает далёкий океан своё присутствие? Чувства девушки не слишком поддавались объяснению: в груди странным образом гнездились что-то похожее на радость; вот словно вернулась она – какими такими путями вернулась? – в далёкое-далёкое прошлое... в прошлое, путь к которому лежал по плотному мокрому песку, по тяжёлому вязкому илу, среди гнилых раковин и тускло побле-

скивающей гальки... мимо грозного ворочающегося океана, в океан, в тёмную, рождённую неприятным сновидением глубину. Одно сплошное сновидение, что и говорить – но вот бил в ноздри запах воды, соли, гниения... Девушка встряхнулась, но всё-таки было понятно: её сковала робость. Погружённая во мрак школа лишь усилила это чувство. Да и задача Марианны – проконтролировать бестолковых мальчишек и девчонок, повадившихся таскаться в ночную школу, – тоже не прибавляла уверенности. Однако делать нечего: медленно направилась учительница в левое крыло первого этажа, к двери в спортивный зал, который, если верить Маргарите, оккупировали ученики.

Скоро стало ясно: ничего Маргарита не выдумала. Из зала неслись какие-то звуки; не голоса, нет, а будто сопение... будто там, внутри, кто-то ворочался. Кто-то похожий на таинственного зверя – как тогда под партой ворочалась и сопела Мэри-по...

Вначале Марианне почудилось, что в зале темно, а из этой темноты последовательно выступают уродливые контуры спортивных снарядов. Но скоро выяснилось, что темнота была частичной: слабо подсвеченное пространство впитывало желтоватый отблеск уличного фонаря. В этих неверных бликах мало что разглядишь, однако встревоженная Марианна всё-таки увидела: кто-то молча и упорно возился на полу; не один, не двое – целая ассиметричная куча, которая словно тесто месила...

Девушка похолодела. Слепой страх вернулся, усиленный этими таинственными движениями. «Что же за игра у них?»

«Колдовство», – вспомнила вдруг Марианна. Они играют в колдовство, она же заранее в этом не сомневалась!

Теперь уж учительница была уверена, что не ошиблась. С пола, одновременно с сопением, неслись, хотя и трудноразличимые, слова: колдуй жёлтый дед-меня больше нет-нету-нету-дай конфету-колдуй жёлтый дед...

– Эй, – глухо распорядилась Марианна, – немедленно вставайте с пола.

– Дед наелся котлет из мокрых газет, – довольно слаженно гудела куча.

Марианна вздохнула и, не примериваясь, схватила верхнего за драный воротник.

Затрещала ткань, и одновременно жертва – кто уж это был? – хрипло крикнул: кто жует чужую руку, дочку скушает без лука!

Затем этот кричащий без труда освободился от Марианниной руки и канул обратно, в шевелящуюся тьму. Где же тут включается свет, господи? В ушах, будто разливающийся далёкий гул, затухал хрип, который, казалось, издавала живая куча. Вдруг кто-то – она даже не разобрала, мальчик или девочка – победно проорал: заколдован, больше нет, погасили верхний свет!

А другой кто-то – кажется, это был голос маленького Чавеса, – не скрывая разочарования, сказал:

– Как же нет, вот он лежит, как дохлый барсук.

– Подожди, – деловито объяснила Мэри-по, – лежит-лежит, а потом утечёт, как вода.

– Дохлый барсук, – с презрением повторил Чавес. – Вонючка полные штаны.

Расталкивая потных молчаливых детей, Марианна наконец прорвалась в центр столпотворения. К её удивлению в зале вдруг загорелся свет. На полу лежал лицом вниз мальчик лет семи, кажется, Пустырник. Он был неподвижен, в мокрых штанах, и казался куда меньше, чем может выглядеть живой семилетний мальчишка. Быстро наклонившись, Марианна перевернула ребенка на спину и отшатнулась: на неё смотрело раздувшееся, как маленькая подушка, личико.

– Что вы с ним сделали?

За всех ответил Чавес:

– Мэри-по врала. Сказала, что знает колдовство, а сама врала. Пустырник просил наколдовать, чтобы он исчез, как кусок мыла.

– Мыла? – повторила Марианна. Она прислонилась к щербатой стене спортивного зала. Затем туповато спросила: – Куда исчезает мыло?

Чавес нахмурился, потом сказал с презрением:

– Мэри-по врунья. Она колдовала неправильно, а мы держали Пустырника за руки и за ноги. Но колдовство не получилось. Он никуда не утёк.

С огромным трудом Марианна сказала то, чего не собиралась говорить:

– Утёк. Его больше нет.

Её окружали молчаливые дети. Мэри-по с угрюмым выражением и с размазанными по лицу нечистыми полосками сопела коротким вздёрнутым носом. Чавес презрительно перекачивал в ладошке маленький череп. Все прочие без любопытства смотрели на скорчившегося мёртвого мальчика. «Водоросли, выброшенные на берег», – подумала Марианна. Одного за другим она выпроводила детей из зала, машинально давая наставления. Домой, сейчас бегом домой. Может быть, их потеряли дома? Беспокоятся, звонят по телефону? Водоросли, мёртвая трава, пустующие ракушки на берегу. Марианна шла по тёмной лестнице на второй этаж, в учительскую. Там стоял единственный телефон.

Алексей
КАРТАШОВ

ЦЫГАНКА С КАРТАМИ, ДОРОГА ДАЛЬНЯЯ...

Рассказ

Первого чёрного кота подарил мне сын Митька, ему тогда было 17 лет. Только в университет поступил, хорошее время. Он тогда завёл себе девочку, мне её не показывал, но я иногда вечером находил то окурки с помадой, то закладки. Я уж его не спрашивал ни о чём, просто стал звонить домой перед выездом.

Весной он вдруг спрашивает:

– Тебе котёнок не нужен? Чёрный. Маленький ещё совсем, месяца три.

Я стал расспрашивать. Оказалось, его девочка подобрала котёнка на помойке, принесла домой, а родители против. Ну что ей было делать?

Марина, жена моя, вдруг очень загорелась – давай котика возьмём, что ж ему, пропадать? Я-то не против был. Когда я был мальчишкой совсем, ещё в Переславле-Залесском, кого только у нас не было: отцовы охотничьи собаки, кошки без счета, куры во дворе, кролики... Это потом уже, когда война началась и родители переехали, никого не осталось: как-то в голову не приходило в войну заводить собак-кошек в городской квартире.

Потом в экспедициях собаки у меня, конечно, были. Олени были, лошади. А кошек не было. Они к дому привычные, а какой у полевика дом?

Митька приехал на следующий день, приволок котёнка в большом портфеле – в метро же эти уроды с котами не пускают. Зверь сидел внутри, вылезать боялся, только глазами лупал и пищал. Марина его тут же взяла в оборот: вытащила, вычесала, напоила молоком, и весь вечер с ним сидела. Ничего, освоился – уже к концу дня бегал за бумажкой на верёвке.

Хвост у него был перебит в паре мест и от этого слегка зигзагом, но это ничего – нам на конкурсы красоты не ходить, а мужика шрамы украшают. И был он абсолютно чёрный, ни одного белого волоска. Даже жутковато. Имя ему уже дала Митькина девочка – Антошка. Мы его звали фамильярно – Тошкой, он откликался. До смешного: скажешь «Тошка!» – исправно отвечает «Мрррр!», и раз, и два,

• **Алексей Карташов** родился в 1957 г. в Магадане в семье геологов. Учился в Москве, окончил биофак МГУ. С 1991 г. живёт в Бостоне (США), занимается медицинскими исследованиями. Пишет фантастическую и лирическую прозу и детские сказки. Публикации в журналах «Сибирские огни», «Химия и жизнь», в сборниках короткой прозы (издательства «Амфора», «АСТ», «Рипол-классик» и др.).

и десять, пока тебе не надоест. Сын как-то час просидел, экспериментировал, наконец Тошка ушёл от него, пришёл ко мне и спрятался за штору.

Девочку эту однажды наконец я увидел. Забыл позвонить, пришли с Мариной домой рано и застучали детишек. Хорошая девчонка была, красивая. Покраснела ужасно, хотя что краснеть – всего пара пуговичек и была расстегнута. Хотела убежать, но Марина стала про кота расспрашивать, потом пошли у них какие-то бабские разговоры, и ничего, тоже освоилась, болтала без умолку, пока Митька её не утащил на улицу. Правильно, что толку дома сидеть, когда предки приперлись.

Это их словечко «предки», правда, к нам не совсем подходило. Мы с Митиной матерью в разводе были, Марина – моя третья жена, так что технически-то она не предок была. Но Митьку любила и баловала. В то время он уже взрослый стал и много времени у нас проводил. Его тянуло к мужской компании, а мать его всё держала за мальчика. Даже иногда мне пеняла – что у тебя за обстановка для ребёнка: мужики, пьют, курят, в выражениях не стесняются? Когда-то, на Севере, они её не смущали, у нас вечно дым коромыслом стоял, кто-то ночевал на кухне, иногда неделями друзья жили. А ведь это те же ребята были, северяне. Где им, спрашивается, было в Москве останавливаться, не в гостинице же? У меня первые несколько лет, как этот дом построили, наш геологический кооператив, дверь вообще не запиралась. И Митька их с детства знал, всегда так ждал, когда они приедут.

Что до крепких выражений – я всем всегда советую брать пример с Гашека. Не люблю я, когда делают вид, что жопа есть, а слова нету. Митька вот в детстве не знал, что слово «засранец» считается неприличным. Правда, пришлось ему объяснить, когда в школу пошёл.

Так что в выходные Митька всегда приходил, а иногда и на неделе. Комната его за ним считалась, хотя я туда перетащил письменный стол. Я тогда докторскую добивал, работал часов до двух ночи. Тошка, конечно, приходил компанию составить. Вспрыгивал на стеллаж, ходил по полкам. Я просто поражаюсь: там же узко, ну сколько от книжек остаётся свободного места – пять сантиметров? И как же он ничего не роняет и сам не падает? Вообще-то он был очень быстрый и иногда начинал беситься, носился по квартире. Разгонялся, взбегал по стене в коридоре, пробегал по потолку – там антресоли, низко – и спрыгивал опять на лапы. Или сидел на стуле, долго подбирал под себя лапы, примащивался, а потом прыгал в антресоль и пропадал там надолго. Интересно – когда Митька был маленький, он туда любил залезать, тайник себе устроил. А теперь, значит, Тошка это место унаследовал.

Ещё, как его ни держи, вылезал на балкон и ходил по перилам. Марина за сердце сперва хваталась, но потом себя уговорила – ну что с ним будет? Потом набродится и засыпает на стеллаже – а может, и не спит, его же не поймешь. Изредка молча глаз открывает, посмотрит без выражения и снова зажмуривается. А потом он придумал запрыгивать на спинку кресла и ложиться мне на шею как воротник. Я его сначала гонял, а потом подумал – ладно, пускай. Он деликатный был, лежал себе тихонько, грел меня тёплым боком. У меня сзади, у основания шеи, осколок сидит с войны ещё, вынимать не стали, и иногда там побаливает. И вот я заметил наконец, что Тошка приходит, когда начинает болеть. Ляжет, привалится, мурчит про себя – и уходит боль.

Я рассказал Борьке, он врач, живёт этажом ниже, хороший мужик. Он говорит:

– Да, Паш, есть такое дело. Это известно. У тебя же коты были, ты раньше не замечал?

– Раньше, Боря, я здоровый был, – говорю. Это правда. Как за полтинник перевалил, всё начало вылезать – и раны, и голова, что в детстве болела. Ну, тут уж хрен чего поделаешь, не плакать же.

Вот когда мне два доктора чуть экспедицию не зарубили – тут я разозлился. Ё-моё, сидят такие божьи одуванчики, на двоих лет сто пятьдесят. «У вас, Павел Никитич, повышенное давление, вам нельзя в тропический климат. Ах, у вас вот ещё что в медицинской истории...» Конечно, когда такую херню несут, давление подскочит! Ладно, пришёл через неделю, на всякий случай выпил успокоительного – прошёл.

Но доктора – это ерунда, а вот что эти суки ни разу мне не разрешили Митьку с собой взять в Мексику... Конечно, я ему письма писал подробные, картинки рисовал – зверей, рыб. Там интересно, и работа, и жизнь, но начинаешь скучать через пару месяцев. Так что письма очень выручают. Митька, надо признать, отвечал очень аккуратно.

Привозил оттуда всякие диковины: раковины, кораллы, сушёного крокодила. Камешки с пирамид. Игуану как-то убил, больше метра длиной, ребята-биологи в институте сделали мне чучело. Игуана у меня сидит в прихожей под потолком. Трофей, едрит твою мать. Как у Хэма, только у него покрупнее были звери.

Митька спрашивал: а почему нельзя? Ну, он уже большой мальчик был, двенадцать лет, я ему объяснил: «Знаешь, кто такие заложники?» Он сначала поверить не мог, потом смирился. Даже гордился, что он – заложник. Эх....

А тогда, в конце той весны, я последний раз ехал, снова на полгода. Честно скажу – как-то я привык к мексиканцам за столько лет, и даже такое появилось ощущение, что вот, домой еду. Я сам себе удивился.

Там случился, кстати, один странный эпизод, я никому, даже Марине, не стал рассказывать. У них есть свои цыгане, их называют «синерос», потому что они наладились ездить по деревням с кинопередвижкой. Ну а вообще такие же раздолбаи, как у нас: песни поют, гадают, только лошадей вроде не крадут. И вот в одной деревушке мы их встретили, на окраине. Я сразу не понял, что это цыгане – они внешне-то точно как мексиканцы. Конечно, одна красавица, самая нахальная, пристала с гаданием. Товарищи мои её сразу послали подальше, а я вдруг заинтересовался – давай, говорю.

Достала она колоду – грязную ужасно, с такими картами, которые я никогда не видел: с какими-то дубинками, чашками. Перетасовала, велела снять. Но я же видел, что она мухлевала, подсовывала мне определённую карту. Дай, думаю, я ей усложню задачу. Снял не в том месте, что она подсовывала. Она смутилась на секунду, потом положила верхнюю карту лицом вверх, нижнюю и ещё одну из середины. Задумалась.

Потом сказала, я ещё не сразу понял, переспросил. У них какой-то выговор совсем не такой. Сказала вот что:

– У тебя есть чёрный кот. Ты его переживёшь. Потом будет ещё один, а вот третий переживёт тебя.

Я дал ей десять песо, мы тронулись дальше, а я задумался. Какой у котов век? Лет пятнадцать, а то и больше. Значит, получается, до восьмидесяти я проживу спокойно, а потом уже буду ждать. Ни на девяносто пять, ни даже на восемьде-

сят я не рассчитывал, так что меня это предсказание не особо взволновало. Но засело в башке, запомнилось.

Потом вернулся, и как-то потекло время быстро и без задержки. Бывают такие пустые месяцы и годы – каждый день одно и то же, вроде занят, что-то делаешь, а потом оглянешься – нечего вспомнить. Как же я это всегда не любил. Может, я и на геологический пошёл, чтобы в дороге быть как можно дольше. Это ведь затягивает – раз попробуешь, потом всегда будешь тосковать.

Грех бога гневить – есть что вспомнить, а всё равно выпадает иногда такая рутина. Вот и в этот раз: программу с мексиканцами мы закончили, сдали последние отчёты, послали статьи в журналы. Даже диссертацию я доделал и защитил – сколько ж она мне крови выпила! Да нет, это я так уж ворчу – писать же интересно было, это бюрократия всякая достает. Ох, и набрались мои коллеги на банкете, потом месяц друг про друга рассказывали. Точно как у Высоцкого: «А наутро я встал, мне как давай сообщать...»

Но что-то с новыми экспедициями ничего не светило – сиди, Павел, анализируй, ещё статьи пиши. Да плюс к тому – принимай обязательства, участвуй в соревнованиях, на собрания ходи. Какое-то дурацкое шефство над колхозом – ну ладно, туда молодые ребята ездили. И читать особо нечего: моего «чернокнижника», который мне откладывал всё интересное, погнали из магазина. Встретил его случайно на Ленинском и поразился: молодой же ещё, чуть старше меня, а выглядит как развалина. Как будто стержень вынули. И чем его ободрить? Всё только хуже делается, он же тоже видит.

Митька редко стал заходить, это понятно: не первокурсник, уже про диплом думал. Правда, когда осенью приезжал с поля, приходил, рассказывал много. Пил залихватски, курить стал при мне. Зрелость свою демонстрировал. Но я видел, как он становится серьезнее, – и то хлеб, а то балбес балбесом был.

Правда, в чём-то и остался. Вдруг рассказал, как они в шторм отправились на лодке станции снимать. Чуть не потонули, зато сняли вовремя. Я говорю: «А что, подождать нельзя было, день?» – «Нет, ну ты что, там же экспозиция должна быть ровно сутки». Пospорили ещё, он упомянул романтику, и я разозлился:

– Дмитрий! Ну нельзя в твоём возрасте быть таким мудаком! Знаешь, как академик Билибин говорил про романтиков?

Митька заинтересовался:

– Нет, а как?

– Он говорил, что бывает, когда голова внутри пустая. Но это ещё полбеды. А бывает, что до самой середины кость. Вот это – романтики.

Посмеялись, конечно. Хрен он со мной согласился, но, может, хоть запомнит?

Он в тот день ушёл к девкам каким-то своим, а я вдруг стал вспоминать, сколько раз я сам в таких ситуациях бывал. Ладно, на войне – там не спрашивают. А потом? Когда в депо электриком работал, вечно залезал сверху на трамваи под напряжением, один раз зацепил провод, чуть не сдох. Потом в Туве, в Эвенкии, в Якутии – совсем дурной был: то один идёшь в маршрут, в тайге, практически без оружия, с одним наганом. То куда-то на облажения лезешь, конечно, без страховки. По речкам сплавлялись чёрт знает на чём. Митькина мать мне вернула мои письма, когда разводились, – я перечитал, диву дался. Конечно, я там и прихвастнуть мог, сейчас уже не вспомнишь. И вот же, как-то выбрался отовсюду. Конечно, здоровья порастратил черт-те сколько, но поскрипим ещё.

А потом Антошка разбился.

Ходил, как обычно, по перилам балконным и, видно, на птицу дёрнулся и сорвался. Прямо на глазах у Марины. Господи, как же она закричала, побежала вниз, без лифта с седьмого этажа. Я схватил ключи, влез в башмаки и за ней.

Тошка упал на газон, лежит, глаза открытые, и хрипит. И розовая пена показалась на губах. Подобрали мы его, отнесли наверх, уложили на мягкое. Маринка ревёт, а я – звонить ветеринарам. Хорошо, один мужик сразу мне говорит: положите, не трогайте, сейчас приеду, я как раз освободился. Я говорю – бери такси, мы заплатим, только давай скорее.

Не спас он его. Ночь ещё Тошка промучался и умер. Мы его закопали на пустыре, рядом с церковью заброшенной.

Марина, конечно, места себе не находила. Главное, она себя всё время виныла. Я уже ей втолковывал: ну что бы ты с ним сделала? В клетку золотую посадила, обитую подушками? Он же зверь, у него своя жизнь.

А осенью вдруг Митька говорит: слушайте, опять котёнка предлагают. Бесхозный, никто не берёт, потому что чёрный. Мы подумали и взяли. Митьку подрастить не забыли: опять какая-то его подружка притащила. Но она уже у нас не появлялась, да и потом быстро пропала.

Этого котика мы называли Тимофей, Тимошка. Хорошее, настоящее котовое имя. Он не очень был на Тошку похож: морда другая, и не такой игривый, поспокойнее. Но тоже чёрный, без единого пятнышка, и даже хвост тоже сломан. Что они такое с котами делают, интересно?

Тимофей сначала принюхивался, видно, чуял – пахнет другим котом, нервничал. Потом освоился. Я уже сказал, что он спокойнее был. Зато он любил гостей, в отличие от Тошки. Тот признавал только своих, а Тимошка ко всем лез, на колени норовил забраться. Это у нас вечная картина была за ужином: сидим в комнате за низким столом, гости на диване, а наглая чёрная морда под локоть бодает, только что в тарелку не лезет. Очень он был любопытен к человеческой еде, всё пробовал, кланчил.

Может, это его и погубило: он ещё был совсем молодой, пяти лет не было, и вдруг заскучал, лежал под диваном весь день, не отвечал, а под утро с ним судорога случилась. Мы рванули в ветклинику, но довезли его уже мёртвого. Потом ветеринары сделали вскрытие – говорят, печень совсем никуда была уже. И главное, они же не жалуются, коты. Молча терпят. Опять моя Марина ревела, а потом ходила как пришибленная.

А потом следующая беда пришла. Как-то в воскресенье Митька ко мне приехал, он тогда женат был уже, но выбрался на полдня. Марина уехала в Ленинград, к вечеру должна была вернуться, и мы так, по-холостяцки, завтракали чем бог послал. И что-то мне нехорошо было, мутно. Я Митьку сгонял вниз, достать газеты и прилечь на диван. Отдал ему «Советский спорт», себе взял «Футбол-Хоккей». Помню, как разрезал газету, потом открыл – там обзор тура. И всё.

А потом как будто через секунду открываю глаза и ничего не понимаю. Митька сидит рядом, лицо несчастное, испуганное, и держит меня за плечо. Впился причём пальцами, больно – он здоровый уже мужик стал. Я хотел сказать: «Ты что?», а получается какое-то сипение. И лицо, и шея – всё мокрое. Попробовал подняться – не получается. Наконец голос как-то восстановился, я говорю: «Что такое?»

У Митьки голос дрожит, он запинается и объясняет, что я будто бы захрипел, глаза закатились, и судорога началась. Он меня держал всё это время и еле

удерживал, а я побился у него в руках, а потом затих. А потом глаза открыл, но не сразу, минут через пять.

Я всё это выслушал, а голова мутная, и мысли дурацкие, как я теперь понимаю: ничего себе выходной! Потом я встал, Митька меня до сортира довёл, хотя я его просил этого не делать. Ну что в самом деле, как с инвалидом. И тоже мысль не самая умная: хорошо, что не обоссался, вот бы было неловко при сыне.

Вышел, добрёл до дивана, лёг и вижу: Митька по-прежнему молчит и смотрит с испугом. Я говорю:

– Ты чего боишься-то? Ну говори, что ты как глухонемой!

Он поколебался и говорит:

– Что ты умрёшь.

Я ему возразил, что, конечно, умру, но не прямо же сейчас. Вроде он даже улыбнулся, во всяком случае, в себя пришёл.

Потом уже я лежал, вспоминал. В войну у меня была контузия, я провалялся неделю в госпитале, не приходя в себя, потом оклемался. То ли долбануло по кумполу, то ли просто рядом снаряд разорвался – никто не знает, потому что я один тогда живой остался. И вот после этого у меня лет десять были такие припадки. Нечасто, раз в месяц-два, но мне хватало. Страшно это, ребята. Вдруг приходишь в себя, вокруг люди испуганные, всё тело болит, шум в ушах. И в любой момент, главное. Помню, в Туве прихватило – хорошо, проводник меня от костра успел оттащить.

А потом прошло, как отрезало – двадцать пять лет не было. И вот оно снова догнало.

В общем, я сдался, пошёл в нашу поликлинику. И началось... Господи, чего только они не нашли: и сердце, и давление, и почки, и сосуды сужены, и печень не в порядке... Прописали кучу таблеток – эти утром, эти вечером. Не пить, постараться бросить курить и всё такое. Я поехал домой, а на душе паршиво. Встретил у подъезда Борьку, он за хлебом ходил. Посмотрел на меня и говорит:

– Давай ко мне зайдем?

Зашли, сели на кухне, Борька достал из заначки бутылку «Греми», налил по рюмочке. Выпили, и он спрашивает:

– Паш, ты у врачей был уже? – Я ему рассказал про мои дела.

– Да, вот сегодня.

– Ну что?

– Да что-то. Полный букет. Знаешь, что меня доконало? Я его спросил, сколько времени нужно пить все эти лекарства. А он говорит – всё, теперь всегда.

– И что? – спрашивает Борька.

– Понимаешь, это как на протезах ходить. Всё время помнить – таблетку сожрать надо. Какое-то пенсионерское ощущение. И в поле уже точно не пустят.

– Протезы? – говорит он. – А скажи, ты очки носишь давно? С детства, так? А зубы тебе вышибло, ты рассказывал, ходишь со вставными уже лет тридцать и ничего? А друг твой Юрка без одного глаза с войны? А тут тебе всего-то надо два раза в день съесть таблетку, тоже мне, большое дело. Зато чувствовать себя будешь лучше.

– Знаешь, – говорю, – Боря, очень непривычно, что вот так – раз – и ограничивают жизнь. Всё-таки мы живём не для того, чтобы лекарства пить.

– Ну, Паша. Никто не обещал...

– Да я понимаю, – говорю. – Пройдёт, не переживай. Знаешь, вот тебе скажу как на духу: я каждый день после войны считаю все равно как подаренный.

Маринка, спасибо ей, не дергала меня, так себя вела, как будто всё о'кей – ну, приболел. Я же знал, что она больше меня переживает. А я в эти дни часто вспоминал моего отца. Он ровно в этом возрасте умер, чуть не до дня. Вот интересно: он вроде был здоровый человек и вырос ещё до революции, то есть в нормальной обстановке, на войне был хирургом, ранений не было. Должен был жить да жить. Но, видимо, тогда и надорвался: четыре года без выходных, по двенадцать часов резать. Целыми днями – кровь, мясо. Конечно, пил он, куда мне до него. Да как все хирурги, что сделаешь.

В общем, постарался я себя одёрнуть: Павел, ну что такое! Жизнь не кончена. У тебя работа, товарищи, жена, дети взрослые. Ты за всё отвечаешь. Значит, хватит киснуть. Что можешь, то и делай. В поле уже вряд ли пустят, но материала до хера собрано, жизни не хватит обработать. Была же пара идей, вот самое время сесть и подумать. Вроде успокоился понемногу.

А потом мы поехали с Мариной в пансионат академический. Хорошее место, сильно блатное, я там раньше не бывал. А тут мое начальство то ли испугалось, то ли расщедрилось, в общем, дали нам путевку на две недели, в самый сезон, в августе.

Как-то я раньше такой отдых не уважал. Ездил на море с сыном, на горных лыжах кататься, когда ещё никто и лыж таких не знал, а чаще вообще отпуска не брал, летом же в экспедициях в основном. А вот это – три раза в день в столовой еда, говно всякое диетическое, лечебные процедуры, отбой в десять – мне казалось полным маразмом. Но, видимо, всему свое время.

Неделю мы там прожили, пару раз меня таскали на медосмотр, и как-то я привык. Правда, на месте особо не сиделось. Мы за грибами ходили, довольно далеко, потому что рядом ничего не было. А ещё я читал какой-то очередной детектив, перевод с английского, и ужасно злился. Ну что за мудаки! Ни языка не знают, ни реалий, а берутся переводить. Например, пишут: «Я ждал автобуса на Грейхаунд». Я споткнулся и думаю: «Какой такой Грейхаунд, он же нигде не упоминается?» А потом сообразил: он ждал автобуса компании «Грейхаунд». Конечно, если не знать, так и переведёшь.

Маринка слушала-слушала и говорит:

– Паш, ну что ты ругаешься? Подумай, кто про этот Грейхаунд знает? И какая разница, это же для сюжета совершенно неважно.

Я отвечаю:

– Да потому что если ты берешься дело делать, то надо же делать профессионально, а не абы как! А это – ни себя не уважать, ни других. Всё должно быть сделано идеально, узнает кто-то или нет. Ну как тебе ещё объяснить?

Маринка тогда вдруг говорит:

– А взял бы и сам перевёл! У тебя же получится!

Я загорелся такой мыслью. У меня с собой как раз был новый Гарднер, я сел и за вечер сделал страницы три. Маринка похвалила, в паре мест поправила, но сказала – нормально.

– Вот, – говорит, – будет чем заняться на пенсии, если выгонят.

Я пока об этом думать не хотел, но на заметку взял. И правда, что может быть лучше?

Вообще, я как-то расслабился там. Мы много говорили, гораздо больше, чем обычно. Всё-таки есть, видимо, смысл в таком отпуске, я даже пожалел, что раньше мы так не ездили.

Среди прочего я вдруг вспомнил про цыганку эту мексиканскую и рассказал Маринке про гадание: что будет у меня три чёрных кота, первых двух я переживу, а третий – меня. Маринка была весёлая и отнеслась к этому легкомысленно:

– Ну так, Паша! Вот тебе и рецепт вечной жизни – не заводи кота, особенно чёрного!

В последний вечер мы опять пошли прогуляться, как раз гроза прошла, очень хорошо было. Вернулись уже поздно, идём по коридору, и вдруг навстречу истопник Василий, в жопу пьяный, как обычно, и несёт перед собой на вытянутых руках мешок. А в мешке что-то шевелится. Я говорю:

– Вася, что это такое у тебя?

Он ухмыльнулся и отвечает:

– Кота вот поймал. Щас его в печку брошу.

Мне прямо кровь в лицо бросилась и в голове зашумело. Маринка, видно, поняла, меня оттеснила и говорит:

– Василий, зачем это? Вы что?

– А хули он! – говорит Василий, но видно, что готов поторговаться.

Маринка ему говорит примирительно:

– Василий, отдайте его нам. За пять рублей.

– Не! – отвечает Василий. – Чё мне ваши пять рублей?

Тут я пришёл в себя немножко, подошёл к нему, думаю: гори оно всё, сейчас я тебе врежу.

Он отступил и говорит:

– Ладно-ладно, забирайте! Только деньги сразу!

Кошёлек у меня с собой был, он пятёрку взял и сразу смылся. А мы рванули в номер, развязали мешок. Вылез кот, чёрный как головешка, весь взъерошенный, дрожит. Мы сидим, на него смотрим и молчим...

Потом я говорю:

– Маринка, коты знаешь как долго могут жить!

Тут она разревелась и полезла целоваться. Не поймешь этих баб.

* * *

Я сижу за письменным столом в бывшей Митькиной комнате за пишущей машинкой. Маринка чем-то позвякивает на кухне. Слева лежит книжка, раскрытая и придавленная плексигласом. Справа – стопочка листов с готовым переводом. Кот Яшка сидит тоже слева, внимательно следит за моими руками. Поседел Яшка, я уже давно замечаю. Удивительно даже, я не думал, что коты тоже седеют.

Что врать-то: я первое время боялся – мало ли что с ним может случиться? И только потом понял главное. Мне бояться нечего, вот Яшке – это да. Но пока я жив, ему ничего не грозит.

– Яшка! – говорю я, а он говорит: «Мррр?». Точно как Тошка.

– Ты не бойся, – продолжаю я. – Я тебя не подведу. Люди долго могут жить. Веришь?

Он вроде верит.

Владимир
ШПАКОВ

ПИРРОВА ПОБЕДА

Мини-пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Р о з а – жена писателя Кретова

П а л к и н – член жюри литературной премии

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Квартира писателя Кретова. Его жена Роза сидит в кресле, прикладывает к глазам платок. Отняв от лица платок, исследует его и обнаруживает, что тот совершенно сухой. Отбрасывает платок. Смотрит на висящее на стене зеркало. Медленно встает, разыскивает чёрную накидку и завешивает зеркало. После этого усаживается в кресло и набирает номер на мобильном.

Р о з а. Мама? Да, звонила... Тебе передали? В общем, это произошло. Печальное событие, конечно... Трагическое? Давай остановимся на печальном. Всё закономерно, рано или поздно это должно было... По своей, по чьей же ещё?! Конечно, в нетрезвом! Когда ты последний раз видел его трезвым?! Вот и я не помню... Ладно, о дате похорон скажу позже, я не определилась.

Выключает телефон. Раздается звонок в дверь, она встает и направляется в прихожую. Возвращается вместе с Палкиным.

Р о з а (*раздраженно*). Что у вас за дело? Почему его нельзя решить по телефону?

П а л к и н. Уж очень деликатное дело... Если не сказать: двусмысленное...

Р о з а (*бормочет*). Ну да, двусмысленности продолжают...

П а л к и н. Раньше тоже были?

Р о з а. Ещё какие!

П а л к и н. Можно присесть?

• **Владимир Шпаков** – прозаик, драматург, критик. Окончил Ленинградский электротехнический институт, работал в оборонном НИИ, на гражданском и военном флоте. В 1995 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар А. И. Приставкина). Публикации в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Нева», «Аврора» и др. Автор десяти книг прозы и тринадцати пьес. Главный редактор журнала «Зинзивер». Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей. Член Гильдии драматургов Санкт-Петербурга. Финалист литературной премии им. И. А. Бунина (2013), дипломант Международного Волошинского конкурса в номинации «Драматургия» (2013). Живёт в Санкт-Петербурге.

Роза. Присаживайтесь.

Палкин (*присаживаясь на диван*). В общем, я являюсь членом комиссии...

Роза. Все мы члены чего-нибудь.

Палкин. Да, столько обязанностей на себя взваливаем...

Роза. И не говорите. Что дальше? Вы – член комиссии...

Палкин. Премияльной. Член комиссии по премиям. Точнее, по одной-единственной премии.

Роза. Вы решили дать её мне?

Палкин. Вам?! Нет, знаете ли... Убеждён: у вас масса достоинств, но премия предназначена другому. Точнее, не предназначена, но он может её получить...

Роза. Ничего не понимаю... Предназначена или нет?!

Палкин. В принципе, да. То есть, он может её получить – если не будет возражать.

Пауза.

Роза. Кажется, я начинаю понимать. Этот человек...

Палкин. Ваш муж. Литератор Кретов.

Роза (*задумчиво*). Мой муж...

Прохаживается по комнате, искоса поглядывая на зеркало.

Значит, мой муж получил премию? Очень любопытно!

Палкин (*утирает лоб платком*). Вы неправильно поняли. Я, извините, теперь на воду дую, потому что на молоке обжёгся...

Роза. Не знаю, на чём вы там обожглись. Но если сюда пришли, значит, получили! И какая, позвольте узнать, премия? В денежном выражении?

Палкин. Очень приличная. Но при этом, замечу, удерживается подоходный налог...

Роза (*с деланным возмущением*). С премии?! Налог?! Да вы грабите бедных литераторов!

Палкин (*бормочет*). Вот и Селезнёв так сказал...

Роза. Какой ещё Селезнёв?! Вы меня путаете...

Палкин. Селезнёв тоже литератор. И тоже претендовал на премию...

Роза. Извините, вы сказали, что член комиссии по одной премии. А на самом деле раздаете их направо и налево: Кретову премия, Селезнёву премия...

Палкин (*терпеливо*). Всё обстоит не так. Премиию должен был получить Селезнёв, ну, так решило жюри. Авторитетное жюри, в их решении сомневаться не приходится...

Роза. Путаники – ваше жюри. И вы вместе с ними!

Палкин. После этого решение сразу передали в комитет. А мы кто? Технические работники, клерки, не побоюсь этого слова...

Роза. Бухгалтеры.

Палкин. Бухгалтеры?! Да, у нас в штате есть бухгалтер. Но он, то есть, она – в единственном числе.

Роза. Это мой муж Кретов называл некоторых коллег бухгалтерами. Ну, если они оказывались очень уж прагматичными, бескрылыми... Ругался так, одним словом.

Палкин. Вот и Селезнёв ругался... У нас есть один клерк, который именно бухгалтер. Не по должности – по складу характера. Так вот он Селезнёву сказал:

премию получите за вычетом подоходного налога. Селезнёв возмутился, а тот ему: да как вы смеете?! Это же доход, причём халявный!

Роза. Так и сказал – халявный?

Палкин. Так и сказал. Вообще-то он у нас в комитете уже не работает, его уволили. Но, как говорится, поздно пить боржом...

Роза. И дуть на него. Так что ответил Селезнёв?

Палкин. О-о, буквально орать начал! Я, говорит, халявщиком никогда не был! Я работаю в литературе много лет, без праздников и выходных, и никогда меня так не унижали! В общем, сказал, идите вы с вашей премией...

Роза. Неужели отказался?!

Палкин. Категорически! Я тоже был у него дома, беседовал с женой, думал воздействовать... Тщетно. А тогда что ж? Поскольку второе место по количеству голосов получил Кретов, премия полагается ему.

Роза. Но вы всё равно решили воздействовать – через меня?

Палкин. Ну да. Лучше соломки подстелить, сами понимаете... Вдруг тоже откажется?

Роза (*после паузы*). Кретов не откажется.

Палкин. Гарантируете?

Роза. Гарантия – сто процентов.

Палкин. Это хорошо, второго скандала я уже не вынесу...

Роза. Ну, мы сами не знаем, сколько можем вынести. Я вот тоже думала, что не вынесу одного печального события. А ничего, вынесла. Даже особо не плакала.

Палкин. У вас что-то произошло?

Роза. Поначалу думала – произошло. А оказалось... В общем, всё терпимо – если не считать упущенной премии.

Палкин. Почему упущенной? Вы же сказали, что Кретов не откажется...

Роза. Но и согласия не даст. Дело в том, что литератор Кретов – помер!

Палкин. Как помер?!

Роза. Довольно нелепо. Выпил лишнего с какими-то случайными знакомыми, побежал за добавкой, а тут машина... В общем, нашли на обочине с удостоверением Союза писателей в кармане.

Палкин (*еще раз утирает лоб*). Ну дела... Кому теперь вручать-то?

Роза. Тому, кто занял третье место. Хотя я бы предпочла, чтобы заплатили мне.

Палкин. Вам?! Но...

Роза. Неправильно выразилась. Чтобы вы вручили премию Кретову – посмертно. И передали денежное вознаграждение вдове. А кто вдова?

Палкин (*растерянно*). Вы вдова...

Роза. Совершенно верно! Причём имеющая полное моральное право на вознаграждение!

Палкин (*еще больше теряясь*). Но у нас такое запрещено правилами...

Роза. Неужели?! Негуманные правила по отношению к вдовам. А также к оставленным сиротам.

Палкин. Ещё и дети без отца остались? Тогда приношу свои искренние...

Роза. (*усмехается*). Не-ет, по счастью, с Кретовым у нас детей не было. Кретов и дети – две вещи несовместные! Я фигурально выразилась – жена литератора как никак.

Палкин. Всё равно приношу соболезнования... *(Разводит руками.)* Но по-смертно, извините, нельзя.

Роза. А давайте выпьем? Помянем, так сказать, грешную душу...

Достаёт фужеры, вынимает початую бутылку коньяка.

Давайте, не отказывайте вдове... Тем более у меня коньяк в записочке остался. Знаете, где я его прячу? В пианино. Почему-то у покойного не хватало воображения, чтобы заглянуть под крышку, иначе записочке давно пришёл бы... Ну, сами понимаете. *(Разливает.)* Выпьем. А потом поговорим. Кто знает, может, вы побежите переписывать свои правила, когда выслушаете бедную вдову?

Палкин. *(смуценно)*. Даже не знаю... Помянуть, конечно, можно, но правила придумал не я...

Выпивают.

Роза *(ставит рюмку на стол)*. Как вы думаете: почему о мёртвых либо хорошо, либо ничего?

Палкин *(пожимает плечами)*. Так принято...

Роза. Плохо, что принято. Так иногда хочется высказаться после смерти какого-нибудь гада...

Палкин *(неуверенно)*. Но ваш муж, надеюсь...

Роза. Нет, гадом не был. Он был... *(Задумывается.)* Пофигистом! Особенно по отношению к деньгам. Точнее, по отношению к тому, чтобы заработать денег. Неудобно как-то говорить, но вот его-то с полным правом можно назвать халявщиком!

Палкин *(конфузясь)*. Извините, я совсем его не знаю...

Роза. Теперь будете знать. Выпить на халяву – только давай! Съездить куда-нибудь за чужой счёт – всегда пожалуйста! А вот денежку в дом нести не хотел, всё где-то по дороге тратил. Да вы сами можете оценить, какая тут обстановка. Видите зеркало закрытое?

Палкин. Да, я обратил внимание, но не думал...

Роза. Так вот хорошо, что оно закрыто. На нём трещина сверху донизу, да и по краям амальгама стёрлась... Вот так и жили. А знаете, почему у нас не было детей?

Палкин. Понятия не имею.

Роза. Потому что Кретов спал с кем угодно, только не с законной женой!

Палкин *(приподнимаясь со стула)*. Может, я пойду?

Роза. Нет, сидите! Когда ещё придут его собратья по оружию?! То есть по перу?

Палкин *(робко)*. Я не собрат по перу, я клерк... Если хотите: бухгалтер.

Роза. Неважно, всё равно вы оттуда. В смысле: из той области жизни, где проводил время мой благоверный... И где никогда не зарабатывались деньги. Но теперь они появились, и я думаю, что имею на них право!

Палкин *(растерянно)*. Это надо обсудить с членами жюри...

Роза. Обязательно обсудите! А пока ещё раз выпьем! *(Наливает.)* За то, чтобы Кретов хотя бы после смерти принёс пользу семье!

Выпивают.

Палкин. Если честно, он и должен был получить эту премию.

Роза. Вот даже как?!

Палкин. Я разговаривал с одним членом жюри, и мне по секрету об этом сказали. Но Селезнёв более авторитетный, у него заслуги, в общем, решили дать ему. А тут клерк!

Роза. Замечательный клерк! За него тоже надо выпить! *(Разливает.)* А Кретов действительно был талантливым... Талантливым пофигистом. Я всегда от него чего-то ждала, даже уверена была: его обязательно признают, заметят, что-то дадут! И любила его, особенно поначалу. Но годы летели, квартира ветшала, детей не появлялось... *(Возбуждаясь.)* А главное – бабы! Он ими чуть ли не хвастался! Другие хотя бы делают вид, что по бабам не бегают, а этот постоянно давал понять: бегаю! С той роман, с этой роман... Добегался, гад!

Залпом выпивает.

Палкин *(неуверенно)*. Я вас понимаю. Но теперь он победил, и... То есть я не обещаю, но буду содействовать...

Роза. Победил, конечно... Только победа какая-то... Пиррова! И в этом весь Кретов. Он даже премию нормально получить не мог!

Палкин *(поднимаясь)*. Я всё-таки пойду. Скажу честно: знал бы, что так будет, ни за что бы не вошёл в комиссию. Но если назвался груздем... Всего доброго.

Уходит. Роза смотрит ему вслед, затем доливает остатки коньяка в рюмку. Свет гаснет.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Квартира Кретова. Роза расхаживает по комнате, затем останавливается и смотрит на зеркало. Приблизившись к нему, снимает чёрную накидку. Раздается звонок в дверь. Она идёт в прихожую и возвращается с Палкиным.

Палкин. Извините, что опять беспокою...

Роза *(с деланным радушием)*. Ничего, ничего, рада вас видеть!

Палкин. Я тоже, в принципе, рад...

Роза. Вот видите: мы оба рады. Хотя радоваться вроде бы нечему.

Палкин. Да, в прошлый раз было нечему радоваться...

Роза. А в этот раз?

Палкин *(растерянно)*. Также вроде нечему...

Роза. Это верно. Вы садитесь, в ногах, как говорится...

Палкин *(присаживается)*. ...Правды нет. Но нет её и выше.

Смущённо хихикает.

Роза. Это шутка?

Палкин. Если угодно, да.

Роза. Но в каждой шутке, как говорится, лишь доля шутки...

Палкин. Точное замечание.

Роза приближается к зеркалу.

Роза. Видите трещину?

Палкин. Да, вижу... Очень большая.

Роза *(задумчиво)*. Она опять видна. И будет видна дальше.

Палкин. У вас закончился траур?

Роза. Траур? Нет, он только начинается.

Палкин. Опять вас не понимаю...

Роза. Всё очень просто. Представьте: человек пьёт в незнакомой компании со случайными людьми. Напивается до пороссячьего визга, но почему-то хочет ещё. А тогда – надо бежать! Человек не может бежать, он и идти-то, честно говоря, не может. И тогда он посылает за добавкой другого человека. А для верности суёт ему в карман писательское удостоверение, мол, если что – покажи продавщице, это сработает! Ну, сейчас же строгости...

Палкин. Пойдите, кажется, я понимаю...

Роза. Правильно понимаете. Машина сбила другого человека. Лицо было в крови, но в кармане нашлось удостоверение – вот они и позвонили, обрадовали, так сказать...

Палкин (*переводит дух*). Ну, дела с этой премией...

Роза. Это точно – дела... Теперь что ж? Премию получит литератор Кретов, и денежки, как всегда, тю-тю!

Палкин (*утирает лоб*). Да, денежки ваши тю-тю, это точно...

Роза. Я и говорю. Не было у меня денег – и не будет.

Палкин (*разводит руками*). Извините, но это так.

Роза (*с подозрением*). А вы вроде как рады этому?

Палкин. Ну, человек всё-таки жив остался... Это главное. А премия – тьфу, ерунда! Тем более Кретов её не получит.

Роза. Как это?!

Палкин. Получит Селезнёв. Он подумал, остыл и решил не ерепениться. Налог так налог, сказал.

Пауза.

Роза (*медленно*). Победил бухгалтер...

Палкин. Что вы говорите?

Роза (*громче*). Я говорю: всё правильно! Время такое. А я, как и раньше, продолжу жить с нищим Кретовым...

Палкин. Время такое, это правда... Ну, я пойду?

Роза. Идите, конечно...

Палкин уходит. Слышен щелчок входного замка. Роза стоит неподвижно, затем берёт чёрное покрывало, набрасывает на себя, как шаль, и усаживается в кресло. Свет гаснет.

Из немецкой поэзии

ГЕНРИХ ГАРТ (1855–1906)

БОГ

Не камень Ты, но скрытой силы власть,
Чтоб семя сущего в руках держать.

Не роза Ты, а чудо лепестков,
Их аромат, глаза, улыбка снов.

Не дуб Ты, сокровенных смыслов суть,
Ты гордость, что способна жизнь вдохнуть.

Ничто есть форма, в ней Ты всё творишь,
Ничто – одежды, Ты их сам кроишь.

Ничто есть бытия зеркало твоего,
Лишь Ты есть правда, ореол всего.

Я – человек, объемлет всё мой дух,
Звук высших сфер души мой ловит слух.

Я слышу, жаворонка песнь звенит,
Я слышу, как прибой морской шумит.

Я вижу, как в глазах огонь горит,
Как лилия цветёт, а ночью спит.

Я чувствую, как кровь земли бурлит,
Как дуновение струн от звёзд летит.

Раз то не я, что плоти дух тогда,
Объявший тело чистой негой навсегда!

Как быть пылинке – Твоему творенью,
Что даст мечта о вечной жизни тленью!

Не я, не я; для Я священны смерть
И нищета, с которой мне истлеть.

Страдания слышу крик в своей крови,
Во мне ж Ты слышишь заповедь любви.

Я вижу только блеск, сиянье лишь,
В меня Ты смотришь, в сердце мира зришь.

Мне льстит, когда возносят ввысь меня,
Ты думаешь, готов ли к жертве я.

Живёшь Ты мной, так жаром точат сталь,
Ведёшь меня в светлеющую даль.

Я без Тебя – игры пустой итог,
С Тобою вместе я, тогда – я Бог.

ВИЛЬГЕЛЬМ АРЕНТ (1864–1913)

ПОТЕРЯННЫЕ ДЕТИ СТОЛЕТИЯ

Утрачены смыслы, и радости нет,
Потеряны дети всего поколения,
Разброд в головах! чья боль нам в ответ?
А кто без греха? кто пьян без веселья?

За горло держит страсть к деньгам одна,
Ненасытная жажда наживы,
Уже никому Мать-Земля не нужна –
Пустыня кругом, и чувства лживы!

И хаос, прибой бьёт волнами нас;
Никто не окликнет с любовью,
Сгустилась тьма, вечности свет погас,
Плата за всё будет кровью.

ЮЛИУС ГАРТ (1859–1930)

СМЕРТЬ ДУШИ

Сплетенье чувств, дыханья шелест в тиши ночной,
Чуть слышный шорох вздохов, исполненных тоской.

То ветер, хладом вея, скользит по тропкам вниз,
Средь заповедных теней цветочный глас повис.

И где-то на востоке сверкает в облаках,
Восходит солнце, блеском играя на устах.

То словно из забвенья встают и жизнь, и свет,
И ночь, и смерть в боренье, иного в мире нет.

Желаний страстных полный, встречает утро мир,
Любовь, что была первой, для сердца – вечный пир.

Душа так жизни жаждет и рвётся из оков,
Взлетая вверх из бездны смертельно чёрных снов.

Из каждой ночи снова себя рождает день,
Так ты, душа, стремишься покинуть смерти сень.

Ты бродишь вечно ночью и снова в свете дня,
Миры встают из пепла и рушат вдруг себя.

И мыслями, и сердцем я ввысь стремлюсь всегда,
На крыльях Бога взлететь бы мне – куда? куда?

В глазах сияет утро, как голубой топаз,
В душе моей пылает огонь – то Бога глаз.

О, блеск, сиянья ужас, в них утонул мой дух,
Стократной жизни смысл, что навсегда потух.

О, сладость кружев чудных, что вечно дух плетёт,
Кто мёд вкусих, се аз увидит Бога и умрёт!

ФРИЦ ЛЕММЕРМАЕР (1857–1932)

ОБРАЗ ОБЛАКОВ

Мрачно-серые,
Словно скалы,
Громоздятся
Гроздья туч.
Гул всё сильнее,
Волны всё злее,
Ветер мнёт облака.
Вот в горах прокатилось,
На куски развалилось –
Так от века
Жизнь человека.

ФРИДРИХ АДЛЕР (1857–1938)

УТРОМ

Утро брезжит. С лугов
Тянет влагой туманов,
Синью хладных обманов.
В складках горных лежит
Снежный ком облаков
И молчит.

Хмуро.
Тени стирает местами,
Смелея,
Робея,
Солнце кисти мазками.
Пахнет грозой,
Дольней лозой.
Там и тут
Звёзды свет загадочный льют...
Должен жар святой вдохнуть
Дух борьбы нам в этой жизни бренной:

Будь! Будь
Крепче, бедный раб, с душой нетленной!

КАРЛ АВГУСТ ГЮКИНГГАУС (1861–?)

СОНЕТ

В лачуге тусклый чуть теплится свет –
С трудом сюда ко мне он проникает –
В несчастье лишь рассудок утешает,
Но на него надежды тоже нет.

Померкло всё, последний луч угас,
Смежив глаза любви, синей сапфира
Во мне воскресшей как порыв зефира,
И мрак настал, кромешно чёрный час.

Лишь иногда вдруг дева предстаёт
В сиянье сладком предо мной –
Посланник Божий, ангел, дух благой.

Самой Медузы образ он смягчает,
Главу мне тихо глядя мягкою рукой:
То муза меня к сердцу прижимает.

ОСКАР ЙЕРШКЕ (1861–1928)

БУДУЩЕМУ

Кому непонятен времён наступивших пир,
Тем смерть небеса пожелают,
Прежде чем загорится тлеющий мир,
И с ним стены дворцов запылают.
Прежде чем троны утонут в кипящем котле
И кровавый расстелется дым на стекле.

Счастливые люди, взлетел ввысь восторг,
Мчат вдаль они сквозь угрозы,
Лакают вина, попасть чтоб в морг,
Где-то там громяхают грозы,
На мысль не наводят они никогда:
«Таким не останется мир навсегда».

Здесь горы брильянтов и блеск серебра,
А там не найти порой геллер;
Здесь шумный бал, горящих свеч игра,
А там рука легла на шнеллер.
Вам с неба Богом-отцом послан пророк,
К совести он взывает, бичуя порок.

Сам должен пророк оказаться в стране,
Дворцы в ней увидеть глазами,
На мраморно-белой зеркальной стене
Огнём начертать и словами:
Со страхом, кутила, взирай на конец –
Стоит на вулкане наш общий дворец.

Не поздно ещё, ты предупреждён,
Волны пока не бушуют,
Грубой косою пока не сметён,
Баррикады ещё не штурмуют;
Голодные толпы огнём и свинцом
К себе развернут своё счастье лицом.

Тогда не станет святого нигде,
Разрушат церкви и храмы.
Любовь огрубеет, безверье везде.
О жалости не вспомнят хамы.
Чернь борется лишь за презренный металл,
Развалин дымится звериный оскал.

Перевод с немецкого Ю. Григорьева

• **Юрий Григорьев** – доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета. Лауреат III Открытого конкурса художественного перевода (Магадан, 2019) в номинации «Поэзия». Публикации в литературно-художественных и научных сборниках. Живёт в г. Санкт-Петербурге.

ЖАН-ЖАК ЛЕФРАН ДЕ ПОМПИНЬЯН
(1709–1784)

НА СМЕРТЬ ЖАНА-БАТИСТА РУССО

Покинул мир певец печальный,
Ушёл за ледяную грань,
Где Гебр со скорбью величальной
Приемлет роковую дань;
Сын Фракии, в горах блуждая,
Поля и рощи оглашает
Рыданьем горестным своим,
С тоскою небеса внимают,
Ущелья стонут и вздыхают,
И дикий зверь рыдает с ним.

О Франция, где твой Орфей?
Трубите, музы, громкий траур,
Пусть смерти тягостный трофей
Обращет свой покой и славу;
Покинул светоч вас, поэт,
Талантом озаривший свет.
И вот пришло оно – прозренье,
Вот так Виргилия надгробье
Окутал лавр благородный,
Питаемый слезами сожаленья.

Руссо, о гений наш печальный,
Нашёл от пут ты избавленье,
Под небом серым чуждальным
Обрёл ты в смерти утешенье.
Злосчастий всех где был исток?
Шипы, душившие цветок,
До крови ранили поэта,
Что вечным странником в толпе
Искал сочувствия себе
И всё не находил привета!

Ведь это вы из неприязни
Творенья светлые поэта
Подвергли изощрённой казни
И насладились карой этой;
И даже в алтаре высоком,
Пред Судии пристрастным оком

Померкнул блеск его величья.
И веры нет душе невинной,
Душе несчастной и гонимой,
Ликует ваша месть – волчица!

Доколе ненависть и злоба
Нам будут душу изъязвлять?
Неуж змеиный яд до гроба
Уста нам будет наполнять?
Безжалостно и с ликованием
Смотрю я на врага страданья,
Что вроде бы уже сражён;
Но он – встаёт, я – погибаю,
У ног его я умираю,
Своей стрелою поражён.

Известно, что обман царит
Средь черни и среди вельмож;
Что честь тебя не защитит,
Повсюду миром правит ложь,
Что клевета и сплетни
Задушат добродетель,
Поскольку ныне, как и встарь,
Неправда – миру госпожа,
Ей служат в качестве паж
Корона и алтарь.

Из тени призраков и пыли
Стремящемуся в небеса
Подрежет зависть злобно крылья,
Трусливо отводя глаза.
Министр, монарх иль командор
Не в силах изменить сей приговор.
Суров закон несправедливый,
Царящий испокон веков:
Величью пеан изречён,
Когда оно уже в могиле.

О да, лишь смерть нас избавляет
От клеветы и фальши злой,
И наша слава воссияет,
Когда уйдём мы в мир иной.
Певцу Улисса и Ахилла
Был рок безвестным до могилы
И в отчужденье пребывать;
И лишь с его последним вздохом
Вдруг греки стали дружно охать
И родину певца искать.

Нагие дикари пустынных далей
Своим гортанным грубым криком
Брега седого Нила оглашали,
Не замечая звёзд лучистых бликов.
Их варварский и наглый клич
Не в силах был звезды достичь,
Чей свет божественный струится,
Чтобы потоком благодатным
И милостию неохватной
На неразумных чад пролиться.

Создатель дивных песнопений,
Как древний Олимпийский бог,
Руссо – страны холодной гений
Подвёл свой жизненный итог.
Свирель поэта замолчала,
Та, что ликующе звучала
И пела в унисон стихам;
О Муза, ты осиротела,
Теперь лишь робко и несмело
Ты обращаешься к богам.

Вы, верные ученики,
Того, кто с музой Аполлона
Был дружен, кто наветам вопреки
Вам открывал стихов каноны,
Спешите скорбною толпой
К гробнице, где обрёл покой
Певец, чья лира, как звезда
Во тьме указывала путь,
Но было суждено уснуть
Певцу и лире навсегда.

Вы, кто гармонию творений
Уподоблял созвучиям высоким,
Вы возродились в новом гении
И стали для него истоком.
Алкея и Пиндара тени
Его хранят своею сенью
Во жребии судьбы суровой,
Там, где лишь мрак, где нету света,
Утешите вы дух поэта,
Преподнесите венок лавровый.

Перевод с французского Т. Великоды

• **Татьяна Великода** – главный специалист-переводчик СВКНИИ ДВО РАН, кандидат филологических наук. Профессиональная деятельность – научно-технические переводы в области естественных наук. Дипломант III Открытого конкурса художественного перевода (Магадан, 2019) в номинации «Поэзия».

Из английской поэзии

ДЖЕЙН ОСТЕН (1775–1817)

* * *

Едут! Проскакали Тэнет!
Пожились наконец!
Позади плетутся Кеннет,
Мать невесты и отец!

За спиною – Кентербери,
Вот уже и Стэмфорд-бридж,
Через Чилэм пролетели
И на гору взобрались.

Мчатся с ветерком по склону,
Объезжают парк вокруг,
И коровы изумлённо
Слушают веселья звук!

Мальчики, к воротам, живо,
Шире распахните их,
А то скажут: «Некрасиво
Ждать заставить молодых!»

Поезд свадебный подъехал,
Оба здесь, он и она!
Здравствуй, милый дядя Фрэнсис!
Как ты? Как твоя жена?

Перевод с английского Е. Зиминой

• **Евгения Зиминая** – Костромской государственный университет, преподаватель. Лауреат III Открытого конкурса художественного перевода (Магадан, 2019) в номинации «Поэзия». Живёт в г. Костроме. Имеет опубликованные стихотворные переводы с польского языка.

Макс
ДАУТЕНДЕЙ
(1867–1918)

ЧЁРНЫЙ

Рассказ

Бедра.

Послеобеденное солнце на главной улице Партенкирхена. Дома жёлто-полосатые от света. Безмолвие заполняет улицу.

У лестницы помощник цирюльника объясняет, показывает витиеватыми жестами – руки куполом вокруг головы:

– Вот так – отсюда и досюда – весь череп у него раскололся!

И женщина с мальчиком внизу сгибается, корчится от ужаса:

– Нет, о Господи, нет, нет, бедный человек!

И выше, у церкви, продавщица фруктов:

– Да, это всё скользкие подошвы на ботинках. Это было так – он прыгнул и поскользнулся – посередине – впереди него был его друг и за ним ещё один, а он прямо между ними, сорвался – и вниз, ровно 500 метров.

И женщина у ворот смотрит на колокольню: пять часов.

Сверху из окна башни высовывается мальчик.

Женщина – двум дамам:

– В пять часов тело несчастного должны доставить на вокзал. Из больницы, оттуда, из больницы. Говорят, он офицерский сын. Как раз сейчас там, наверху, должны звонить в колокола. Да, он якобы был без проводника.

Жена сапожника в дверях кухни, а за нею – чад коричневой муки и топлёного сала:

– Он разбился вдребезги. Кажется, только благодаря одежде его тело ещё не рассыпалось на части. Его друзья, конечно, хотели, чтобы его начали искать ещё вечером. Но ночью ведь это было невозможно.

Бедные родители, говорю я вам. Да, это благо, если он умер мгновенно!

Двое мужчин поднимаются по боковой улице. Люди собираются группами у дверей.

Мужчины оба в чёрном – чёрные шляпы, чёрные перчатки.

Солнечный свет непокорно ослепителен на белых домах и на листьях акации, в красных и голубых бутонах гвоздики и шпорника перед окнами и в маленьких садах.

И вот этот живой свет уже насквозь пронизан чёрным, прямым и суровым, как глубокие морщины на лбу. Свет и краски вздымаются встревоженным вихрем и, раненые, колют и жалят чёрный.

• **Макс Даутендей** (нем. **Max Dauthendey**) – немецкий поэт и художник. Лирика и проза Макса Даутендей, полная звуков и красок, позволяет считать его одним из самых значительных немецких импрессионистов.

Люди держат руки козырьком над глазами. Тоска следует за чёрным по пятам. Но чёрный идёт, безмолвен и непоколебим. И особенно – эти чёрные перчатки, этот чёрный цвет, что притаился, съёжившись вокруг рук, что неподвижен и столь ошеломителен в свете солнца.

Свет трепещет нервно и тревожно. Чёрные руки время от времени прикасаются к шляпе, приподнимают её, затем белым платком промокают шею.

Белый платок в чёрных руках, словно наивное большеглазое дитя. Чёрный не вступает в конфликт с белым, не ограничивает его и не торжествует над ним, их контраст тешит взор. Чёрный почти покорён белым, кроток с ним, белый – серьёзен, он ласкает и утешает.

Свет, синий, зелёный, красный, изумлённо замерев, расходится кругами от этого чёрного и белого.

У последнего дома люди толпятся группами. Дети повисли на заборе. Катафалк перед домом. На ступеньках пять-шесть мужчин в чёрном. Низкий катафалк, покрытый чёрным. Чёрный здесь не так категоричен и чуть отсвечивает зеленоватым. Серебряная бахрома на покрывале выглядит потускневшей, устало-серой.

Они сколачивают гвоздями длинный высокий деревянный ящик. Рядом – маленькая угольная печка с дрожащим прозрачным жаром, едкий сладковатый запах расплавленного свинца.

Слышен лишь шёпот. Дети на заборе и у женских юбок важно перешёптываются, чувствуя себя большими. Взрослые смотрят. Некоторые лица чуть тронуты нервной усмешкой, в других лицах не отражается ни одной мысли, полная пустота и отрешённость. Только точные удары молотков раздаются в воздухе, но едва ли эти звуки проникают в сознание.

Двое мужчин в чёрном беспокойно переминаются с ноги на ногу. Слёзы острой болью застыли в их покрасневших глазах. Чёрный сгущается вокруг них.

Взгляды людей, изумлённые, ошеломлённые, останавливаются перед этой чернотой. Свет кружится цветными красками уже более спокойно и задумчиво. Нежно тронув белокурые детские головы, он распускается влажной синевой на ветке шпорника в руке ребёнка.

Мужчины поднимают гроб на катафалк. На жёлтом дереве крышки нарисована большая чёрная бутылка, надпись «Осторожно!», заглавная «S» и «400». Всё в молчаливо-сдержанном чёрном цвете.

Они накрывают гроб чёрным покрывалом, сверху – белый крест, и с чёрного гроба свисают по бокам белые руки креста.

Чёрный и белый уверенно вступают в свои права с осознанием важности и серьёзности выполняемого ими долга. Но солнце и краски спешат внести свою лепту, выступая почтительно и осторожно. На чёрное покрывало возлагают венки. Красные, синие, зелёные – они испуганно притихли, затаив дыхание на чёрном.

По улице вверх чёрно-белой вереницей колышутся знамёна и фонари, пастор и мальчишки-певчие.

Скоро всё закончится, беспокойство и нетерпение подгоняет людей. Безмолвие струится из чёрного и белого, поработав всё вокруг.

Люди бормочут молитвы. Это чёрное бормотание и запах ладана сковывает и парализует.

Люди со сложенными в молитве руками, с непокрытыми головами и бесцветными мыслями оглушены этим чёрным, словно во мраке беспросветной ночи.

При звуках молитвы «Отче наш» вибрирует воздух. От колокольной катятся металлические волны. Чёрные круги расходятся, и из черноты проглядывают большие плачущие глаза белого. Чёрные круги расширяются и снова сужаются вокруг белых глаз, расширяются и сужаются. Они проходят сквозь свет, сквозь краски, пронизывают всё на своем пути, не встречая ни малейшего сопротивления.

Аминь.

Жадное беспокойство охватывает людей вокруг чёрного катафалка. Священнослужители, знамёна и фонари колышутся впереди, за ними дети, потом чёрный катафалк, мужчины в чёрном. Те двое с больными глазами – сразу за катафалком. Покачиваясь и толкаясь, процессия устремляется вниз по улице.

За церковь Святого Антония дорога идёт под тенистыми буками наверх к Станциям Иисуса Христа, маленьким выбеленным часовенкам, мимо расположенных в нишах икон.

Из деревни доносится запах сена, коровьего молока, молодого лесного ореха и свежей резеды, растущей в глубине садов.

Группа туристов, мужчины и женщины с театральными биноклями, столпились под деревом, показывают вниз, через плечо. Дальше, за зарослями белого клематиса, двое на скамейке напряжённо таращатся в подзорную трубу.

Всё ещё тянутся от всех колоколов чёрные круги с белыми глазами, расширяясь и растягиваясь, и воздух над долиной судорожно сжимается в немой тишине. Над горами светится лазурью небо, густой туман укрывает луга.

У крайних домов, мимо кладбищенской стены извивается стремительными поворотами белая дорога, дальше ещё горстка домов, и совсем вдалеке – вокзал. Серый цвет ползёт серой гусеницей по белой дороге.

В подзорной трубе совсем мелко – сначала знамя над кладбищенской стеной, затем цепочка семенящих детей, чёрный катафалк с гнедой лошадью, за ним мужчины в чёрном и, наконец, нетерпеливо напирательная небольшая серая толпа. Совсем позади, на обочине дороги – две дамы в розовых блузах со светлыми зонтиками от солнца.

Процессия движется вперёд по белой улице как единое целое, неизменно сохраняя свой строй. В тени придорожных деревьев, в просветах солнца, но всё же в сером, в том самом сером цвете, что ближе к свету, а не к тени. Чёрный растаял, кончилась его власть. Серый бледнеет и замирает вдали.

На окраине у последних домов стихает колокольный звон, звучит ещё лишь кладбищенский колокол. Серая процессия растворяется в свете, исчезает вдали, за деревьями, между домов, на вокзале.

Рассеивается последний круг от колокола.

Жёлтый свет царит над долиной. Он прислушивается к последнему серому дуновению и вздыхает. Он отскакивает от маленьких домов, взрываясь красными, синими, зелёными красками. Нагреваясь друг от друга, они снова сливаются в один звук.

Жёсткий ошеломляющий чёрный забыт.

Перевод с немецкого А. Комовой

Леон
ГОЗЛАН
(1803–1866)

ЧТО ТАКОЕ ПАРИЖАНКА

Отрывок из книги «Дьявол в Париже»

Мнение матери парижанки о своей дочери

Она нежна, как ангел, остра на язык, как черт, бесценна в хозяйстве, совершенство во всём. Кто бы на ней ни женился, он её недостоин.

Мнение студента, изучающего медицину

Она лучше всех танцует на балах Прадо и Шомьер. Не имеет себе равных, когда нужно ужинать всю ночь или спать без ужина. Существо, совершенно нечувствительное к табачному дыму. Легче всего расстаётся с тремя вещами – с перчатками, шалью и сердцем.

Мнение иностранцев, в особенности русских

Она – сочетание остроумия, изящества и утонченности, всегда обольстительна. Непревзойденное свидетельство превосходства Франции. Женщина, о которой мечтаешь в шестнадцать лет и которую вспоминаешь в шестьдесят.

Мнение англичанок о парижанках

Неповторимы. Законы благопристойности к ним неприменимы, равно как и цензурный устав.

Мнение мужей о женах-парижанках

Равнодушные ветреницы, что ищут лишь развлечений и удовольствий. Лишены всякой морали. Изменницы, неподвластные чувству, и матери, не знающие благоразумности.

Мнение правительства

Во время обсуждения закона о разводе было отмечено, что в Париже этот закон нашёл наименьшее число сторонников.

Главное и наиболее интересное мнение, или история парижанки

Неверно считать, что парижанка рождается в Париже. В Париже есть место всем – но только не парижанам. Изысканный образчик цивилизации, прекраснейшая среди женщин, чей дух царит в Санкт-Петербурге и которую рабски копируют в Кантоне, та, чей каприз становится законом везде, где есть гостиницы, парижанка не рождается в Париже. Она происходит из тысячи разных мест той обширной местности, которая зовется департаментом Сены и Уазы – зовется так, чтобы не оскорбить Бельгию и Саксонию. Родиться в Манте, Версале, Рамбуйе, даже в Фонтенбло ещё не значит родиться в Париже. Так, по крайней мере, утверждают многие дамы, кому не посчастливилось звать-ся парижанками. Неоспоримо то, что у каждой парижанки есть

• **Леон Гозлан** – французский писатель и драматург, автор многочисленных рассказов, романов и пьес. Спектакли по его комедиям ставились в XIX веке на сценах Большого и Малого театров.

дядюшка, дедушка или, на худой конец, двоюродный брат в Этампе, в Корбейе или в любой другой коммуне под Парижем. Быть может, именно это объясняет любовь парижанки к сельской местности, особенно летом, когда цветущие фиалки обрамляют сады, а клубника пускает свои длинные усы по склонам Марли и Медона. В сердце простодушной парижанки есть идиллический уголок.

Новорождённую парижанку с божьей помощью отправляют так далеко, как только можно. Сопровождающая её кормилица днём вывешивает свою подопечную на гвозде, а ночью душит её одеялами только чтобы не слышать её плача, а до всего остального ей дела нет. По прошествии полутора или двух лет отец говорит: «Наша дочь всё ещё у кормилицы». «Милое дитя, – отвечает мать, – кормилице пора дать расчёт. Я напишу ей на днях».

На следующей же неделе крестьянка приносит, вместе с букетом полевых цветов и кругом сыра, маленькую девочку, которая дичится поцелуев матери и зовет отца гадким. Так в мир приходит чудо. Неверно считать, что Грации баюкали её, а музыка будила. Парижанка берёт всё от природы. В детстве она имеет вид здоровый и задорный, так отличающий её от детей других народов, особенно английских. Девушкой она раньше времени погружается в ту атмосферу утончённости и любезности, которая удивляет и пугает провинциалов. В восемь лет парижанка любопытна, проницательна, остроумна и донельзя благоразумна, когда это необходимо. Но в двадцать лет этого благоразумия как не бывало. Есть что-то общее между парижанкой и креолкой. Торопливое солнце цивилизованных стран производит то же действие, что и плодородное солнце колоний. Фрукт никогда не бывает настолько сладок, насколько красив цветок. Это верно в отношении и парижанки, и креолки. Я полагаю, что детство и старость являются наиболее наглядным временем в жизни парижанки. Её ум превосходен, пока красота ещё не созрела, и когда она растеряет всю красоту, ум снова возвращается к ней, подкреплённый многообразием пережитого. Можно сказать и так, что для парижанки средний возраст – не тот, когда у неё больше всего ума, а тот, когда она красивее всего.

Принадлежащее здесь же наблюдение, которое доказывает тонкость вкуса парижанок

С незапамятных времен в Париже было принято называть дочерей именами, почерпнутыми из модных романов. Когда Расин породил Эстер, придворные дамы принялись называть своих дочерей этим отнюдь не христианским именем. Отсюда такое множество маркиз, графинь и герцогинь Эстер де ..., упоминаемых в мемуарах того времени. После выхода «Новой Элоизы» Руссо модными стали имена Юлия и Клара. В восемнадцатом столетии старшую дочь называли Юлией, младшую Кларой. В своих на редкость плохих романах, которые, как и все плохие романы, снискали большую популярность, Бакюлар д'Арно ввел имена Батильда и Урсула. Лагарпу обязаны своим именем все парижские Мелани. Г-жа Коттен ввела в моду имя Матильда, а г-ну да Шатобриану принадлежит сомнительная честь дать дочерям швейцаров имя Атала.

Перевод с французского А. Басова

• **Антон Басов** проживает в Москве. Выпускник НИУ ВШЭ по направлению «Лингвистика». Победитель XVIII и XIX Санкт-Петербургского конкурса молодых переводчиков «Sensum de Sensu» (2018, 2019), победитель (2017) и дипломант (2019) Магаданского областного открытого конкурса художественного перевода в номинации «Перевод прозаического произведения».

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ №2 (38) • 2019
Литературно-художественный журнал

Учредитель *С. А. Склейнис*

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ78-01360 от 27.05.2013 г. выдано Управлением федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Северо-Западному федеральному округу.

Адрес редакции: 191119, Санкт-Петербург, Звенигородская, д. 22, лит. В.
Тел. (812) 404-63-08, +79213249184.
Почтовый адрес: 197372, Санкт-Петербург, ул. Гаккелевская 20, корп. 3-12.
E-mail: skleynis@ou.ru
Сайт журнала: <http://neisri.narod.ru/is/index.htm>

Оформить подписку и приобрести отдельные номера журнала можно в редакции.
Заказ по электронной почте: E-mail: skleynis@ou.ru

•

Розничная продажа в Санкт-Петербурге:

магазин «Порядок слов» (Набережная реки Фонтанки, 15)
книжный салон «У Ахматовой» (Литейный пр., 51)

•

Корректор *С. Вершинина*
Технический редактор *К. Новикова*
Компьютерная верстка *С. Ефимовой*
Фото на обложке *Е. Сапожникова*

•

Подписано в печать 07.10.2019 г. Гарнитура Букварная. Формат 70×100/16.
Усл.-печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,85. Печать ризография. Тираж 300. Заказ 101. Цена свободная.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре Политехнического университета:
195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29. Тел. (812) 552-77-17, 550-40-14.